

8848

Белова Ольга
Сборник рассказов

Annotation

Вылетевший как пробка и вновь пристроившийся на работу охранник. Девица, путающаяся в мужчинах, но не в шубках. Парочка толстосумов, мечтающих попасть на завтрак к крокодилу. Пёс, по долгу службы присматривающий за горсточкой нерадивых альпинистов. Все они герои нового сборника рассказов, юмористических и не только.

- 8848

- ☐
- ☐ Новая жизнь
- ☐ Гвозди. Петли. Два сверла
- ☐ Нищие
- ☐ Продавец с косой
- ☐ Вендетта в современной обработке
- ☐ Призрак замка
- ☐ Беглец
- ☐ Теория Геннадия Шнуркова
 - Глава первая
 - Глава вторая
 - Глава третья
- ☐ В поисках неизвестного, или 300 лет совместной жизни
- ☐ Закатившийся апельсин
- ☐ Царица, Богиня и Утка
- ☐ 300 лет тоски зеленой, красной, синей, голубой
- ☐ Пользуясь случаем, требуем...
- ☐ Пробка! Нет, заячья кровь!
- ☐ Куклы
- ☐ Тигр на прогулке
- ☐ Школа жизни
- ☐ Пальцем в небо!
- ☐ Наги-шок
- ☐ Уй над Ой, или Башмачки для Марьи
- ☐ Страйк
- ☐ Тюк шерсти и перепутанные пробирки
- ☐ Моль, Бабочка и Мотылек
- ☐ Зимняя коллекция
- ☐ Крутые повороты
- ☐ В стране дрессированных тюленей
- ☐ Светка
- ☐ Все в суп!

- ☐ Костюмчик в тонкую полоску
- ☐ 8848
- ☐ Варешки для Анютки
- ☐ Со свиданьем!
- ☐ Змий и три товарища
- ☐ Ключула!
- ☐ Спасайся кто может!
- ☐ Похождения Ирины Сергеевны
- ☐ Мартовский кот
- ☐ Прибавление в семействе

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16

8848

Сборник рассказов

Ольга Александровна Белова

Корректор Татьяна Хайдеровна Балавина

Иллюстратор Галина Сергеевна Коржавина

© Ольга Александровна Белова, 2017

© Галина Сергеевна Коржавина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9540-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рядом с Иваном потопталась внушительных объемов Снежинка. Одна нога оторвалась от пола, повисела в воздухе и кувалдой опустилась на пол, перемахнув через горку накиданных на пол подушек. Вторая последовала по тому же маршруту. Оказавшись по другую сторону горы, Снежинка присела, привстала и, нарезая в воздухе круги необъятной юбкой, запорхала вслед за Маленькой Снежинкой, вихрем умчавшейся от неё в дальний угол вытянутого вагоном зала.

— Нет, ну ты видел?! — прошипела сидящая рядом с Иваном Виола. — Снежинкой вырядилась... Лошадь!

Мужчина, едва заметно скривившись, поддакнул жене, только что улетевшая от них Снежинка была действительно пугающих размеров. Пышная белая юбка довершала крамольное дело. «И все-таки есть вещи, которые произносить вслух не следует, пусть даже собственному мужу... Особенно когда тебя могут услышать... — Молодой человек посмотрел на жену. — Есть вещи, которые объяснить нельзя...» — На лице появилось раздражение.

Виола была, пожалуй, самой красивой женщиной в зале. Сделай выборку из большого количества женщин, жена Ивана и тут бы оказалась одной из первых. Точеная фигура (Иван только сейчас, когда начала спадать пелена, стал замечать, что туловище у жены непропорционально длинное, но высокий рост как-то скрадывает этот недостаток). Ножка, затянутая в тонкий чулок. Не по погоде, но красиво. Десять-пятнадцать, ну, в крайнем случае двадцать ден, но ни в коем случае сорок! Иначе не будет шелкового эффекта! Ножка должна просвечиваться. Создаваться контур. Натуральные цвета предпочтительнее... Легкий загар, мелон, в крайнем случае мокко, капучино и бронза¹, да, и лучше матовые оттенки, чем с блеском... Лицо мужчины слегка дернулось: как это он дожил до тридцати семи лет и не знал всех этих подробностей?!..

Мраморная Виола продолжала с гадливостью смотреть на Снежинку...

«И как ему раньше могло нравиться подобное имя? И ведь ни разу не возникло никаких ассоциаций... Где были глаза, уши? Как можно было так...» — Иван встал и, перелезая через подушки, вслед за Снежинкой пошел к елке. Матвей уже дотопал до дальнего угла зала и прицеливался к понравившейся игрушке. Нужно было срочно вмешаться в процесс, пока елка не свалилась и не придавила сына и оказавшегося рядом Медведя. Пока Иван

пробирался через малышей, елка два раза угрожающе качнулась, мужчина ускорился, но елка дала уже слишком большой крен. Несколько метров, отделяющие его от елки, Иван буквально пролетел и все равно бы не успел, если бы за макушку не схватилась внушительная ручища Снежинки.

— Спасибо! — выдохнул мужчина, оттаскивая от елки не пострадавшего, но уже приготовившегося реветь Матвея.

Мальчик был наряжен во фрак, штанишки, бабочку, все было узким, тесным, неудобным. Виола постаралась. По её задумке, Матвейка должен был предстать на празднике в образе джентльмена. Вокруг беззаботно прыгали Зайцы, Гномы и Медведи, пока джентльмен пыхтел, стараясь избавиться от душившей его бабочки. Половинку усика Матвейка уже отодрал, тросточку выкинул. Но Виола не унималась, каждый раз настойчиво засовывая палку в руки сына.

Пока Иван пытался занять Матвея, Снежинка установила на место елку и, подхватив на руки Маленькую Снежинку, начала кружить вокруг елки. Скрипка запиликала Чайковского. Иван в недоумении посмотрел на женщину и вдруг почувствовал уважение к этой громадине, вырядившейся в карнавальный костюм только ради того, чтобы и ее девочке было весело и не страшно среди незнакомых людей. Мужчина бросил беглый взгляд на сидящую в противоположном углу Снежную Королеву, всем своим видом излучающую уверенность в своей красоте и в том, что все в этом зале собрались с единственной целью — полюбоваться её величеством.

Виола обвела всех обмораживающим взглядом.

Только Иван собрался тащить джентльмена обратно к королеве-матери, в дверь вошел Дед Мороз. Мужчина уселся на первую попавшуюся подушку, усадил рядом притихшего Матвея. Действие происходило в центре зала, зайцы с родителями сидели прямо на полу вдоль стен. Виола развернула свой сырный нос в сторону Деда Мороза. Мысль о сырном носе пришла Ивану в голову только сейчас. На носу жены еще с детства осталась еле заметная впадинка от ветрянки, единственный изъян в образе Виолы Прекрасной.

Иван не стал подавлять зарождающийся смехок. Виола тут же ухватила за эту гримасу-улыбку, присвоила её себе, придав ей совершенно противоположное значение, и отправила в ответ мужу одну из своих обворожительных улыбок. Раньше Иван-дурак думал, что эта улыбка принадлежит только ему... Но потом понял, что это просто штамп, причем штамп для всех. И действительно, задержавшись на нём мгновение, улыбка поползла дальше по залу, остановилась на Деде Морозе, ведь под

костюмом Деда тоже скрывался мужчина, следующим был папа Гнома...

Иван раздраженно отвел глаза от жены. Матвей расхныкался, требовал внимания. Иван одернул сына, Матвейка затаил обиду, но затих — и на том спасибо.

Представление продолжалось. Дед Мороз вытащил откуда-то мешок. Скрипка и синтезатор сбавали нечто торжественное. Свет, как полоумный, мигал. Снегурка бегала по залу, закидывая всех мелко нарезанной бумагой, агитировала всех спеть. Кто-то наконец сообразил, что от них требуется, грянула «В лесу родилась елочка». Потом по центру зала пробежала девушка, протаскивая за собой нечто длинное, голубое, изображающее резвящийся Ручеек. Для Ивана осталось загадкой, почему ручеек зимой не замерз, бегая за сыном, мужчина упустил общий смысл сказки. Была какая-то кукла с очень большим ртом. Её будили Медведь, потом Ручеек. Были еще какие-то лесные товарищи. Все перемешалось. Ивану показалось, что смысла вовсе и нет, а может, для трехлеток он и не нужен? Матвейка притих и сидел, как замороженный. Дед Мороз выпал из поля его зрения — мальчик с интересом рассматривал приземлившуюся на штанину снежинку. Зал погрузился в какую-то дрему. Дед расхаживал перед публикой, постукивая по полу посохом и, похоже, всех заморозил. По стенам медленно ползли блики. Снегурочка ходила за Дедом и глядела в оба, чтобы никто не шелохнулся...

На фоне всеобщего оцепенения мужчина увидел краем глаза жену. Виола, как полоумная, махала руками и уже несколько раз успела прошептать на весь зал:

— И-и-иван... И-и-иван...

Иван с недоумением посмотрел на жену. Виола раскачивалась и все сильнее шипела, нарушая атмосферу мороза и спокойствия и привлекая к себе все больше внимания.

Быстрыми шажками к ней направилась встревоженная Снегурка. Дед продолжал нарезать по залу круги, пытаясь обратно всех заморозить.

Иван застыл, совершенно не понимая, зачем он мог понадобиться жене сейчас, в самый разгар представления, когда он подойти к ней не может! Не идти же ему через весь зал, мешая Деду и зрителям?!

На девушку стали обращать внимание, но она продолжала шипеть, вдобавок ко всему вытаращила глаза и, растопыривая и собирая в кучу пальцы, пыталась что-то изобразить... по-видимому, блымкающий объектив фотоаппарата. Иван наконец догадался, что она от него хочет. Когда он пошел за сыном, он случайно утащил с собой оба телефона, и теперь

в кульминационные моменты Виола не могла сфотографировать Матвейку в разных ракурсах.

Ивану опять стало смешно. «Курица, — подумал мужчина, но тут же отобрал у жены этот титул. — Курица — наседка! Её хотя бы за это уважать можно. И детей у нее не один, а целый выводок. И обходится она как-то без нянь! Мы же и с няней еле за всем поспеваем. Бедные, и как же нам тяжело приходится! Надо ведь и про себя любимую не забыть! И главное, надо вовремя выложить на страничку очередную порцию фотографий чада... Иначе о чем разговаривать с такими же чокнутыми мамами?..»

Молодой человек зло посмотрел на жену. Случись подобный выпад со стороны Виолы еще вчера, он бы хотя и скрипя зубами, но выполнил её требование.

«Но сегодня... сегодня... пусть она хоть расплавится...» — Иван отвел как будто непонимающий взгляд от сырной Виолы и продолжил смотреть представление.

Музыка застыла, все били ладошками по полу, Иван с Матвейкой тоже приняли участие в общем барабанном бое. Краем глаза мужчина, однако, продолжал наблюдать за женой. Виола и правда стала то ли таять, то ли плавиться. Лицо её больше не излучало ничем не потревоженного спокойствия и стало дергаться. Щеки вспыхнули и по палитре колгот попали бы, наверно, в тон бордо. Девушка встала и, несмотря на то, что представление продолжалось и по крайней мере три десятка глаз наблюдали за Дедом и скачущими вокруг него Зайцами, пошла через весь зал к мужу.

Иван застыл. Заходили желваки. Зал вдруг взорвался! Матвейка вырвался из его рук, рванул в сторону Деда. Остальные, врезаясь в Виолу, побежали в том же направлении. Виола, не ожидавшая встретить на своем пути преград, с недоумением наблюдала обтекающий её с двух сторон поток гномов и снежинок. Пролетающий мимо Медведь нечаянно свалился ей на туфли. Иван с ненавистью посмотрел на шпильку, которая была так неуместна на детском празднике. «Ну почему нельзя было снять обувь, как это сделали все остальные? Ведь можно же нечаянно наступить на лапу Зайцу или Волку! Все остальные ведь как-то до этого додумались!!!!»

Виола потряхнула Медведя с туфель и стала дальше пробираться к мужу. Глаза девушки сверкали, разбрасывая вокруг себя ядовитые искры. Но Ивану было этого мало. Ему хотелось, чтобы вся накопившаяся за время спектакля злость выстрелила из нее серпантинном. Опередив жену, он сунул ей прискакавшего с подарком Матвея, который тут же повис на матери, перешагнув

через подушки и пошел на другую сторону зала, откуда было удобнее фотографировать жену и сына.

В зале опять стало все затихать. Дед Мороз приглашал всех спеть прощальную песенку. Иван посмотрел на экран телефона. Виола уже сидела на стуле, одна нога была закинута на другую. Матвейка, скусившись, стоял у ноги. Иван навел объектив на лицо и сырный нос. В квадрате замерло непринужденно-обворожительное выражение. Проходящая рядом мамаша, протаскивая за собой Медведя, нечаянно толкнула его под руку — обворожительная улыбка уехала, в экран еле влезла Снежинка...

Большая Снежинка поправляла юбку Маленькой Снежинке. Иван, как замороженный, стал наблюдать за действиями женщины. Она убрала кудряшку с влажного лба девочки, одернула маленькую юбочку, тихонечко подтолкнула Снежинку в круг, и они вместе с Зайцами закружились в снежном хороводе. Иван жал и жал на экран. Фотографии Снежинки одна за другой сваливались в память телефона.

Перевел дух мужчина, только когда сделал фотографий двести. Провалившись в невероятное спокойствие, Иван вернулся к жене и сыну. Сейчас он стащит с Матвейки дурацкий костюм, дав сыну наконец нормально дышать, потом они вернутся домой, и дома его будет ждать грандиозный скандал... а после... после... у него будет новая жизнь...

Гвозди. Петли. Два сверла

Дмитрий Витальевич прошмыгнул к себе в кабинет, что само по себе являлось странным. Возле дверного косяка висела табличка с его именем, он был как-никак здесь за главного, это подтверждали и уставные документы, и штатное расписание, компания была его собственная, ООО «Гвозди. Петли. Два сверла». Елизавета Марковна, восседающая почти на самом проходе и по роду службы обязанная стеречь вход, проводила его недоумевающим взглядом — следовало бросить на нее хотя бы беглый, мимолетный взгляд, она ведь здесь не просто так сидит, охраняет.

В других фирмах секретарша, может, и стала давно обыденностью, но для фирмы Дмитрия Витальевича Елизавета Марковна была лишь недавним приобретением. В свое время директору пришлось порядком помотаться по многочисленным объектам и стройкам, полагаться с прорабами, прежде чем фирма наконец вышла на тот уровень, когда можно было позволить себе офис на несколько кабинетиков и персональную Елизавету Марковну. «Гвозди», как сокращенно называли сотрудники детище Дмитрия Витальевича, представляли собой маленькую строительную фирмочку, промышленную разнообразными видами ремонтных работ, а в последнее время, за неимением крупных заказов, не гнушающуюся и ремонтом квартир.

Времена, когда у секретарш всё должно было расти от ушей, прошли (по крайней мере, в солидных компаниях, а «Гвозди» позиционировали себя именно так). Директор на всякий случай взял в помощницы женщину зрелую, в летах, чтобы без глупостей, на работе надо работу работать, а не шурымурничать. Наличие секретарши, помимо всего прочего, еще и вопрос престижа, приятно, когда тебя по двадцать пять раз на дню преданно встречают и провожают, ждут, как манны небесной, твоего благосклонного кивка... Но сейчас директору было не до того — время горячее, подходили к сдаче сразу три объекта, и Дмитрий Витальевич едва успевал отбрыкиваться от разгневанных заказчиков.

Изрядно подрумяненное лицо Елизаветы Марковны вытянулось, работавшая одно время в весьма солидных (не в обиду «Гвоздям») организациях, секретарша не переставала удивляться. Помимо того что шеф прошмыгнул к себе как ошпаренный щенок, не обратив внимания на неё саму, не заметил он и дожидаящуюся в приемной посетительницу, некую Дрожкину Елену Сергеевну. Женщина сидела уже битый час

в приемной, и в продолжение всего этого часа Елизавета Марковна метала в нее громы и молнии и еле сдерживалась, чтобы не запульнуть еще и дырокол. Вопреки всем инструкциям, посетительница вперлась в приёмную и сидела там, где сидеть было не положено, не поддавалась ни на какие увещевания, уперлась, как баран, и с места её было не сдвинуть. Елизавета Марковна предприняла несколько настоятельных попыток выдворить посетительницу, но ту будто на цемент посадили и никакая сила не могла отодрать ее от стула.

Злопыхающая секретарша даже не пыталась скрыть своих чувств, в то время как скромно сидящая на стульчике Елена Сергеевна и представить себе не могла, причиной каких эмоций она является, уж слишком много всего на нее саму навалилось. Самозванка, как ни странно, первая рада была бы бежать, но причины, приведшие ее сюда, были серьезные, финансовые, и она действительно будто гвоздями приколотила себя к стулу и не давала себе смалодушничать. Эта смелость, или, как её трактовала Елизавета Марковна, наглость, давалась Елене Сергеевне с большим трудом.

Не успела дверь за шефом захлопнуться, обдав женщин прохладным ветерком, посетительница вскочила и бросилась за ним. Не ожидавшая очередной подлянки секретарша ринулась, чтобы пресечь беспредел, но, пока она оббегала длинный письменный стол, дверь в кабинет директора успела захлопнуться. Можно было бы ворваться в кабинет, однако Елизавета Марковна не стала этого делать, сдула со лба прядь и, загоняя в пол каблуки, возвратилась на рабочее место. Оставалось ждать... и изнывать от любопытства.

В это время за дверью происходило что-то совершенно не деловое. Вбежавшая в кабинет Елена Сергеевна выхватила из сумки пачку чего-то и метнула её перед директором. На стол веером легли фотографии. Дмитрий Витальевич, не ожидающий за собой погони и, видимо, застигнутый врасплох, инстинктивно шарахнулся от стола. Глянув на распахнутый веер, даже не разглядев, что именно было на фото, Дмитрий Витальевич испугался.

Было от чего. Врывается какая-то сумасшедшая, швыряется фотографиями. С современными приспособлениями каких только фотографий не наклепают, любого порядочного человека опорочат. В подобной ситуации испугается даже тот, за кем вообще ничего не числится, у большинства же рыльце в пушку. Были свои секретики и у Дмитрия Витальевича. Справедливости ради надо сказать — ничего криминального: директорские увлечения не выходили за рамки общественного порядка,

не подрывали мораль, не противоречили букве закона, взглядов директор придерживался традиционных, скорее даже консервативных, мужчинами не увлекался, по разного рода сомнительным заведениям не шлся, ни одна Красная Шапочка, на ходу теряя пирожки, от него не улепетывала — в связях с несовершеннолетними уличен не был (и первый бы это осудил). Что же касается того, что иногда мужчина был не прочь задать даме сердца жаркую порку или применить что-нибудь из штучек, которые абсолютно легально продаются в любом секс-шопе, так, простите, с кем не бывает?

Тем не менее Дмитрий Витальевич холодеющими пальцами взял одну из фотографий.

По гляncy, переваливаясь с бугра на бугор, неспешно полз затейливый орнамент, пол пузырился, в некоторых местах вспучивался.

Дмитрий Витальевич приготовился к чему угодно, только не увидеть ламинированное покрытие ASS 5 (класс 35), судя по всему, вздыбившееся вследствие несоблюдения правил укладки.

«Не оставили достаточный зазор от стены, — промелькнуло в голове директора. — Руки бы поотшибать таким мастерам...»

— А вот это... — Ровненькие наманикюренные пальчики сунули под нос директора следующую фотографию. Елена Сергеевна вместе с ним опустила глазки на фото.

В фокусе был угол, скорее всего кухни или ванны, очередной чудный мастер — чтоб ему самому дома кто-нибудь так же ремонт сделал — на самом видном месте пустил плитку в обрез.

На следующей фотографии вдоль полос виниловых обоев клубились золотистые кренделя рисунка — Дмитрий Витальевич угадал, в чем состояла суть претензии, хотя на фотографии этого и не было видно. Обои клеились не от окна, падающий свет обнажал стыки, края, судя по всему, не были вплотную подогнаны друг к другу. «Это ж какими надо быть криворукими...»

Удивительно было два момента. Первое — то, что стоящая перед ним мадамка (Дмитрий Витальевич уже успел рассмотреть находящуюся рядом женщину) разбиралась в тонкостях ремонта. И второе — если она такая умная, где была раньше, когда его акробаты производили все эти работы?! Есть же прописные истины! Если не хочешь хлебать корвалол, стоять нужно рядом, даже отворачиваться нельзя! Контингент в бригадах ясное дело какой, сплошные славяне... Да предоставь она свои замечания сразу же, пока еще плитка не схватилась, да разве б его архаровцы не пошли навстречу? Тут же бы всё отодрали и приспособили по-новому...

Дмитрий Витальевич, разумеется, уже догадался, в силу каких таких причин был удостоен чести посещения своей скромной обители такой красивой тетенькой.

— С кем, собственно... — проговорил мужчина, присаживаясь в кресло и указывая на стул женщине.

— Дрожжина... Елена Сергеевна, — представилась посетительница.

Фамилия Дмитрию Витальевичу ничего не говорила, Елена Сергеевна уловила непонимание во взгляде и назвала свой адрес.

Услышав улицу Белогорскую, Дмитрий Витальевич приветливо закивал. Елена Сергеевна поняла, что ее соотнесли с неким объектом, а именно с её двухкомнатной квартирой, ремонт которой производился компанией «Гвозди. Петли. Два сверла» с мая этого года.

Женщина присела и поставила на него крупные, несколько на выкате глаза. Глянув в этот омут, Дмитрий Витальевич даже перешел крокодильничать. Конечно, он знал, какие у него мастера, но нормальных-то где взять?! Недавно набрал молдаван, думал, хоть эти работать умеют, но и они такого наколбасили...

Продолжая барахтаться в бездонном котловане, Дмитрий Олегович уже почти приготовился ликвидировать все недостатки. Елена Сергеевна и представить себе не могла, насколько близка она была к цели, оставалось только мягко, мягонько попросить о помощи — и Дмитрий Витальевич прислал бы к ней свою лучшую бригаду... и приехал бы сам...

Но... и на старуху бывает проруха. Кто из нас не делает досадные промахи? Вместо того чтобы повести себя как женщина, нежная, слабая, незащитная, Елена Сергеевна опять обратилась к фотографиям и, как старая динамо-машина, стала трещать о том, что было на каждой из них, будто бы и без ее пояснений этого было не видно. Не поленилась она вклинить в рассказ и стоимость испорченных материалов.

Добрые побуждения Дмитрия Витальевич моментально скукожились. Всё было подрублено на корню... О том, чтобы помочь и тем более компенсировать затраты, теперь не могло быть и речи. Сделать это из лучших побуждений, по собственной воле — еще куда ни шло, но когда с тебя требуют, хуже того, выбивают деньги... Тут уж дудки! Держите карман шире!

Закончив описание, Елена Сергеевна осеклась и почему-то покраснела. Обидевшийся Дмитрий Витальевич, конечно, не догадывался о том, что женщине нечасто приходилось попадать в подобные обстоятельства, просить кого-либо, обивать пороги, а тем более требовать она не привыкла и вся эта ситуация ей самой крайне неприятна.

Будто бы почувствовав, что оступилась, Елена Сергеевна деликатно пыталась отойти от щекотливого финансового вопроса, но тут её будто черт дернул — и с языка слетели роковые двести пятьдесят тысяч (по самым скромным подсчетам — общая стоимость испорченного).

Когда она оторвалась от фотографий и вновь посмотрела на директора, догорал последний мост.

Дмитрий Витальевич, может быть, и хотел сдержаться, но его понесло... Он нажал на кнопочку, измучившаяся в ожидании Елизавета Марковна влетела в кабинет, через три минуты в кабинете сидел Бубенцов, новый юрисконсульт компании. Судя по двум уже выигранным делам, специалист зубастый, к тому же на испытательном сроке, на котором, так уж сложилось, принято себя показывать. Зарплата у юрисконсульта была приличная, офис располагался недалеко от дома, и самое главное, у него наконец был свободный график — попотеть было за что.

Бубенцов не без профессионального удовольствия, показательно, под орех разделал Елену Сергеевну! Сделал он это так виртуозно, что женщина не успела и опомниться. Возможно, Елена Сергеевна и разбиралась в том, с какой стороны нужно клеить обои, но вот договор она читала невнимательно. Пункт 12.3 не оставил ей ни единого шанса.

Пока Бубенцов делал то, за что ему платят, Дмитрий Витальевич глянул на обтянутое бедро, юбка плотно облегла округлости. Взгляд пополз вверх. Воротник красиво открывал длинную шею. Капля на подвеске спускалась из покрытой невесомым пушком мочки уха. Ему вдруг захотелось вступить, защитить, вид у женщины был неожиданно жалкий, даже несчастный, но... Бубенцов уже почуял запах крови, юриста было не остановить...

Елена Сергеевна и не думала защищаться и тем более противостоять, слушала всё вполуха, в определенный момент поняла, что, если прямо сейчас не уберется восвояси, дело может обернуться еще более плачевно, ей самой придется приплачивать компании. Не сводя глаз с разгоряченного юриста, женщина поняла, что в фильмах не врут, когда показывают, как какого-то заливают в фундамент...

Женщина тихонечко встала, попятилась. Директор пару раз нервно прикусил губу.

Елена Сергеевна еще долго блуждала по коридорам — здание оказалось очень заковыристое, — прежде чем вышла на пяточок, на котором оставила машину.

Оставшись тет-а-тет с начальством, все еще

не уgomонившийся юрист продолжал метать перед директором юридические термины, рассказывая о том, что в договоре для заказчика все-таки есть одна лазеечка, а именно пункт 15.4! И будь Елена Сергеевна хоть чуточку юридически грамотной, она бы не преминула воспользоваться этой зацепкой. Юрист, конечно, эту зацепочку заметит, но в том-то и фокус, что к юристу она не пойдет. Откуда уж у Бубенчикова после десятиминутной беседы с Еленой Сергеевной появилась такая уверенность, остается загадкой. В каждой профессии — свои тайны.

Дмитрий Витальевич насилу отделался от нового сотрудника, нужно было ехать на объект. Хлопнув дверью и опять оставив в недоумении Елизавету Марковну, спустился на стоянку. Не успел дойти до своей машины, как наткнулся на блуждающую между рядами Елену Сергеевну. Женщина успела несколько развеяться и прийти в себя.

Директор остановился, хотелось как-то возобновить разговор.
— Так вы, значит, на Белогорской... обосновались?

Елена Сергеевна в несколько новом свете глянула на директора.

Дмитрий Витальевич был не красавец, в своем кабинетике, в окружении подчинённых, со всем этим директорским антуражем, еще так-сяк, но без этой поддержки, на голой автомобильной площадке, к тому же вдаль от собственного авто, которое еще хоть как-то могло приподнять статус, Дмитрий Витальевич был, прямо скажем, не сокол.

Женщина едва заметно вздохнула, как когда-то говорила ее бабушка, с таким бы она не то что шашни крутить, на поляне бы одной не села... Бабушка часто оказывалась права, но она, видно, никогда не занималась ремонтом, а вот внучке пришлось.

Елена Сергеевна вспомнила о недоделках... Лампочки в прихожей так и висят на соплях, провода оголены,ходишь в квартиру и не знаешь, пришибет тебя или нет...

— На Белогорской... — Женщина приветливо кивнула и поправила прядь, обнажив покрытое мягким пушком ушко.

Бабушка, может быть, ее бы и не одобрила, но ремонт-то доделывать как-то надо...

Выпустив изо рта кольцо дыма, Ник со скучающим видом проводил удаляющуюся от него вереницу. Публика, судя по всему, спешила на собрание, товарищи по-дружески подталкивали друг друга, не стесняясь в выражениях, бросали на лету хлесткие словечки, среди удаляющихся было несколько дам, затянутых в одинаковые узкие платья. Внешнее сходство платьев могло сбить с толку разве что новичка: дамы были совершенно не похожи друг на друга. Нику приглянулась та, которая замыкала вереницу — резкая, нахальная, крикливая, точь-в-точь как его Ирка. Молодой человек прислушался, удаляющиеся по-прежнему довольно бесцеремонно прикрикивали друг на друга, потом перешли на откровенную брань, только двое, отделившись от толпы, судя по всему, пытались направить разговор в конструктивное русло. В чем, собственно, сыр-бор, Нику разобрать толком не удалось, однако, кое-как слепив обрывки долетающих до него фраз, молодой человек с грехом пополам сообразил, что причиной раздора стала крышка от банки, в которой когда-то был вишневый компот. В воздухе растаяло еще одно кольцо дыма, прежде чем последняя ворона исчезла из вида. Ник придушил бычок, не без сожаления плюнул под ноги и поплелся в офис, сделав очередной неутешительный вывод: день ото дня количество доступного его пониманию стремительно несло к нулю.

За рабочим столом Ник так и не смог окончательно избавиться от раздражения. Приземлившись в кресло-вертушку, он отодвинул кипу бумаг и нырнул в интернет, набив привычные шесть букв — «в-о-р-о-н-а». В строке поисковика только за последний месяц это слово выскакивало раз сто, но ему было глубоко наплевать, что кто-то это отследит и заметит в его лазании некую заикленность, — мало ли кого на чем клинит. Сидящий рядом с ним Сиропов, к примеру, уже не раз попадался на просмотре за рабочим столом разного рода пикантностей — такой вот подпольный кролик с вострокрылой бабочкой. (Предпочтения и наклонности Сиропова остались бы его личным делом, если бы его монитор не был развернут к оконному стеклу. Темпераментный Сиропов не раз менял ракурс своего рабочего места, но передвинутый с вечера стол с утра принимал исходное положение: коллеги хохмили.)

Жизнь в пределах 200 кв. м офисного пространства шла по накатанной. Коллектив, в котором трудился Ник, был энергичным, продвинутым, единственным стариком считался

начальник Борис Иванович, молодящийся, цветущий мужчина лет пятидесяти. Статус Бориса Ивановича был, несомненно, выше статуса любого из его окружения, однако в последнее время начальник, явно обеспокоенный естественным процессом окисления своего организма (а может, в силу каких других прибабасов), был самым беспокойным, самым трепыхающимся, неугомонным и остро реагирующим сотрудником фирмы. (В жизни каждого человека наступает период, когда, как бы ни мохнатила на затылке луна и ни поскрипывали коленки, он ощущает себя все таким же дерзким и резким.) Бодрящийся Борис Иванович спуску себе не давал, рвал где ни попадя пупок, пытался угнаться за подчиненными в плане освоения современных технологий, последним новшеством, с которым бодался начальник, была удаленная работа. Технологии не давались, но и Бориса Ивановича было голыми руками за жабры не взять. Смекнув, что с наскоку эту самую удаленку ему не осилить, Борис Иванович забаррикадировался дома, на первых порах выписал себе из офиса Никиту Комарова, офисного айтишника, и на короткий период превратился в самого въедливого и дотошного студента, которого только можно себе представить. Никитке, прямо скажем, поначалу пришлось несладко: шеф не всё хватал на лету. Однако и медведи ездят на велосипедах — постепенно птенец оперился, проглотил все тщательно пережеванные Никиткой знания и пустился во все тяжкие. После недели электронного молчания на офис обрушился шквал! Вооружившись новыми знаниями, начальник жал на все педали: устраивал видеоконференции, забрасывал подчиненных письмами с разных устройств, отслеживал статус сотрудников и даже пару раз влез в чат... Вместе с тем опыта пока не хватало, это чувствовалось — Борис Иванович как будто боялся во всех этих возможностях и интерфейсах что-нибудь потерять: телефонные конференции дублировались письмами, что-то тезисно заносилось в ежедневник, самое важное выписывалось на бумажечку и лепилось на край монитора. Не получив вовремя ответа на свои послания, Борис Иванович не стеснялся напоминать о себе повторными письмами. Обильный, нескончаемо идущий от шефа поток не оскудевал, отчего в офисе его вскоре так и прозвали — Спам. Прозвище прижилось, к потоку, исходящему от Бориса Ивановича, отношение было соответствующее.

Ник со скучающим видом свернул сто пятьдесят пятое за день послание (если бы один только шеф обнаруживал признаки нездоровой активности) и принялся просматривать ссылки. Знания, приобретенные человечеством о семействе врановых,

были до крайности скудны, кое-что можно было откопать о гнездовании, территориальном расселении, особенностях поведения, но дальше этого представление человека о сообществах, живущих с ним рядом тысячи лет, не продвинулось. Ник застрял на страничке с описанием брачных ритуалов. Союзы образовывались единожды и на всю жизнь, одно это внушало уважение. Недавно его коллега Тютина, эксцентричная дамочка лет тридцати, завела разговор о том, что настоящие самцы давно перевелись. Тютина имела в виду, конечно, самцов homo и, наверное, отчасти была права, на это можно только развести руками: действительно, вокруг одни Сироповы... Ник мельком глянул на сидящего сбоку коллегу. Сиропов сидел в яркой, канареечного цвета рубашке, в узких, с заниженной талией брюках. Посадка каждый раз давалась коллеге с трудом, мужчина честно тянул штаны к ушам, но все его старания были тщетны: как бы он ни усаживался, выходило всегда так, что находящиеся сзади лицезрели его расколовшийся надвое орех и убегающую за ремень брюк впадину...

Ник вернулся к воронам. Столько всего написано — и всё мимо, сводилось всё к какому-то примитиву — подпрыгиваниям, подергиваниям, почесываниям, почти ни слова о языке ворон, о том, как трактовать тираду, состоящую из трех звонких одинаковых «кар», о том, что значит горловое «к-к-кар» и чем отличается долгое «ка-а-ар» от короткого «кар», а ведь есть даже рычащее «кар-р-р», не говоря уже об особенностях наречий, присущих представителям разных территорий. Может быть, для того, чтобы получить более обширные сведения, нужно обратиться к более уважаемым источникам, а не рыскать в такой помойке, как интернет? Так ведь он уже обращался...

Захлопнув все вкладки, молодой человек придвинул к себе кипу бумаг. Башенка появлялась на его столе каждое утро, к вечеру в идеале она должна рассосаться и появиться на столе через стенку в соседнем отделе. В течение рабочего дня Ник брал из кипы одну за одной папочки, раскрывал их, проводил пальчиком по пункту 1, запоминал три слова, состоящих не из слишком большого количества символов, а потом десятью пальчиками набивал ту же самую композицию в электронном документе — и так далее. Пунктиков на каждом листочке было аж двадцать пять, вместе с подпунктиками — тридцать пять, переносить информацию нужно было крайне аккуратно и, самое главное, в конце не забыть про большую красивую клавишу «Enter», иначе всё тут же гакнется. Ник был, конечно, гораздо более продвинутый пользователь, чем тот же Борис Иванович, и подобных ляпов давно не допускал. Особенно не торопясь,

со всей этой Вавилонской башней можно было управиться самое большее минут за сорок. Но это чревато. Раскидай он стопочку слишком быстро, через недельку стопка бумаг увеличилась бы на несколько папочек; если бы Ник опять показал свою прыть, башенка еще бы чуточку выросла. Если бы башенка и дальше продолжала расти прямо пропорционально его глупости, Ник нажил бы себе кучу врагов не только в рядах коллег, но и в кругах повыше — молодой человек не дурковал, папки равномерно размазывались на весь рабочий день. Как и многие, Ник терпеливо дрейфовал с девяти до шести, пережидая самый гнилой отрезок времени суток. Постукивая по клавишам, молодой человек думал о том, что его дед без труда бы разобрался во всех тонкостях перебранки, которую ему только что довелось наблюдать. Дед был корифей, хотя и он не раз жаловался, что знание уходит. Отчего это происходит? Ирка — его друг, соратник и брат — талдычила, что их спасет практика. Но и это было сомнительно. Какая уж тут практика, когда и уловить-то толком ничего не удастся...

Ник не успел заметить, как перенёс все буквы в электронную форму, через десять минут можно было дергать с работы. Еще один перекур, потом напряженная работа в течение полутора минут — и прощайте эксцентричная Тютина, неподражаемый Сиропов, удаленный Борис Иванович и остальные дражайшие коллеги. See you tomorrow². До следующего туманного трудового утра в городе с закрытыми глазами и заткнутыми ушами. Последнее, что заметил Ник в этот еще один рабочий день из их нескончаемой вереницы будней, — это то, как стопочку папочек с его стола подхватили и она удалилась в соседний отдел на ножках, заканчивающихся тоненькими блестящими шпилечками. Привет невидимому соратнику, чьи пальчики завтра пробегутся по тем же строчкам! Ник оседлал мотоцикл и на крыльях примчался домой, дома с Иркой гораздо комфортнее и лучше, чем с озабоченным красавчиком Сироповым и истекающей соком Тютиной.

Молодой человек осторожно зашел домой, Ирка, скорее всего, занята. И действительно, девушка стояла у распахнутого окна и как будто не услышала долетевшего до нее шума закрывшейся двери. Ник не видел ее лица, но чувствовал, что она улыбается. Ирка была счастлива. Ветер плясал вокруг, а она с трепетом ловила каждое его движение. Ник, конечно, не мог разобрать ни слова из сказанного Иркиным собеседником, ветер — все-таки не вороны... субстанция вроде как химерная. Отступив на шаг в темноту и стараясь остаться незамеченным, Ник в сотый раз задумался... Что привело их всех к этому

страшному бедствию? Почему они перестали понимать шепот ветра? Отчего знания их превратились в труху и они не заметили, как превратились в нищих, не способных разобрать даже крик пролетающей мимо вороны?..

Продавец с косой

Семен нашел в блокноте нужную таблицу и отчеркнул линию. Условно столбики можно было озаглавить так: место работы, предмет (он же инструмент) и примерная дата исполнения. Таблицу молодой человек вел для себя, все сведения, касающиеся выполнения возложенных на него функций, фиксировались и хранились централизованно. Шестнадцатым пунктом шел «Салон связи». Судя по предыдущим записям, в этом году он успел поработать в автосалоне, продав всего одну машину, мерчендайзером, расставив по полочкам мириады ряженок и кефиrow, и даже в галантерейном магазине продавцом ниток, пуговиц и прочей швейной канители. Этим список не исчерпывался. Попадись эти записи на глаза работодателю, вряд ли в ком-нибудь выиграло бы желание пригласить такого вот Семена к себе на работу: скачет с места на место, нигде не задерживается, к тому же, судя по списочку, и специалист никакой. Летун, одним словом. Но это при условии, если все эти записи были бы в трудовой, а не на листке блокнота.

В трудовой Семена все было более чем прилично: без рывков и падений, стремительных взлетов и зияющих временных дыр, прослеживался гладкий подъем по служебной лестнице, гладкий настолько, чтобы не действовать на нервы окружающим, как коллегам, так и вышестоящим. Бланков трудовых книжек с какими хочешь печатями в офисе основного места работы Семена была тьма. Наштамповать трудовые — не проблема, билеты Гознака подделывают, не то что бланки, пусть даже и строгой отчетности. Работать Семену приходилось в самых разных сферах, однако он предпочитал области, связанные с высокими технологиями, — раз уж прогресс предоставляет столько возможностей, почему бы и в их деле все его достижения не использовать?

— Сём, ну сколько можно, всё уже остыло, — нависла фонарным столбом Катерина. Молодой человек и не заметил, как она подошла, хотел было захлопнуть блокнот, но Катя была на редкость нелюбопытна, да и не было в блокноте ничего такого, о чем бы она не знала. Мало ли зачем ему понадобилось выписать названия товаров, может, он планировал изучить его характеристики, для продавца это вполне естественно...

Семен посмотрел сквозь Катю — скромная серая мышь, непонятного цвета жиденькие волосы, глазки — пуговики, сзади болтается обсосанный хвостик, сразу понятно — не его вариант. После недельного знакомства Семен хотел с ней расстаться,

предпринял несколько попыток, правда, не шибко активных... Прошел год, но он все еще был с Катей... Семен не сильно заморачивался по этому поводу, внутри сидела уверенность, что в любой момент он может встать и уйти... Хотя хватка и крепчала... Любой мужик за версту такое чувствует. Молодой человек сильно подозревал, что в последнее время у Катерины в голове все чаще бродили мысли о том, что он так прилежно бьет копытом, мечется именно из-за нее. Девочка, похоже, созрела и мечтала об очередном колечке, два уже висело в ушах, третье торчало из пупка. Семен был бы последний, кто стал бы её в этом разубеждать, в конце концов, каждый имеет право на собственный, пусть даже бредовый ход мыслей.

— Иду, — кивнул молодой человек и опять углубился в список.

Ирония заключалась в том, что он имел очень приблизительное представление о результатах своей работы. Кое-что просачивалось в СМИ, но в дозах аптекарских, большая часть оставалась за кадром. Конечно, можно было иметь повсюду информаторов, но это бы сжирало кучу времени, прежде всего — его времени. Хотя, с другой стороны, если бы его работа вызывала нарекания, выгнали бы давно взащей, смысл держать?

— Сём, ну, опять? — Катя стояла уже с надутыми губами.

— Иду, иду... — Семен отложил записи и поплелся за девушкой. Все равно ведь не отстанет.

— Со сметаной? — На столе стояли блестящие, побитые шрапнелью блины.

За год совместной жизни Семен поправился на семь кг, но Катя не собиралась останавливаться на достигнутом, будь ее воля, она бы привязала Семена к стулу и насильно кормила мучным и сладким. В скором времени Семен превратился бы в невнятного пельменя, а ей того и надо... Направление мысли понятно... Тем не менее от блинов Семен не отказался.

Поморгав белыми ресницами, Катя подвинула сметану и успокоилась, только когда Семён отправил первый блин в рот.

— Сём, я хотела тебе сказать...

Семен поднял на нее полные страдания глаза: «Ну почему баб разбирает на базар, когда у мужиков полный рот?» — Давясь блином, молодой человек попытался остановить ее взглядом, но редко какая баба поддается на такие штуки.

— По поводу работы?

— Да ты не переживай... — кивнула Катя.

— Да я и не переживаю, — пережевывая, проговорил молодой человек. — На крайняк таксовать пойду.

Конечно, таксовать он бы не пошел просто потому, что ему

нужно окучивать и другие сферы помимо несчастных случаев на дороге. Ну не выделяют им одну сферу, хоть ты тресни, хотя бы сделать из них многостаночников. Скорее всего, не хотят привлекать лишнее внимание.

Катя, не сводя глаз с Семена, трещала о том, что она ни за что не отпустит его работать таксистом, каких только ужасов с ними не происходит: и нападают, и угрожают, хорошо еще, если просто деньги отнимут, а если по голове шарахнут? Неожиданно Катя перескочила на какого-то хомяка, на страшную историю о том, как ее сосед когда-то получил от родителей три рубля, пошел на птичку покупать себе друга жизни, а какой-то урод стукнул его по голове, отнял три рубля и на всю жизнь оставил инвалидом. Семен слышал что-то подобное, не от Кати, давно.

— Так н... должно, — проглотил вместе с блином середину предложения Семен. Что до него, не любил он эти неестественные состояния, если уж рубить хвост, то сразу, но, похоже, не все разделяли его мнение. Да и кто он такой, чтобы к нему прислушиваться? Исполнитель, шпиндель в гигантской машине.

— Как должно? — Катя, конечно, не услышала проглоченное. — Ты понимаешь, человек и хомяк! — строго проговорила она. Катя была человек спокойный, безобидный, на первый взгляд, даже пластилиновый, но это было обманчивое впечатление, в некоторых ситуациях Катя была глыба. — Да он же гад после этого, а не человек!

Семен намазал сметаной следующий блин.

— Да его могли просто использовать! — жуя, проговорил он.

— Как использовать? — не поняла Катя.

— Да так, он получил задание от кого-нибудь сверху. Может, даже не осознавал, что делает. Хотя... скорее всего неспроста именно ему всё поручили. Они, кстати, давно живут среди нас и принимают разные облики.

Катерина вдумчиво хлопала ресницами.

— И руки у них не руки, а... щупальца, — продолжал Семен. — И они этими щупальцами могут творить всякие неприличные вещи. — Рука молодого человека поползла под подол Катиного халатика, лучшей темы для смены разговора не придумаешь.

— Ну, Сём! — Девушка вскочила со стула, по щекам разлился румянец. — Семен уткнулся опять в тарелку: «Наконец-то! Можно хоть пожрать спокойно». Блин не спеша сполз в желудок. Того самого, что только что было обещано Катерине, совсем не хотелось. «Ничего, в случае чего можно соскочить, свалив все на обожаемость», — успокоил себя молодой человек, шмякнув сметану на очередной блин.

Катя опять присела на стул. Семен посмотрел на нее с тоской, влюбленную дуру приятно видеть возле себя день, два, потом начинает на-до-е-дать. «Пусть лучше так, чем недоедать», — растягивая сметану по краям, возразил сам себе мужчина.

Доев блины, Семен сослался на то, что ему нужно еще кое-что сделать по работе, и пошел отправлять резюме. Катя отпустила. Резюме у него было версий двадцать пять, на все случаи жизни, для салона выбрал вариант попроще.

Через два дня пришло приглашение на собеседование. Работа была, считай, в кармане. Включив обаяние, Семён мог очаровать и столб, не то что девушку из кадров. Кэт натянула на него все лучшее сразу, успокоилась, только когда прошлась одной щеточкой по рукаву и другой по ботинкам. Да, глупость бесконечна — об этом говорил еще Эйнштейн. «Особенно женская», — добавил от себя Семен.

Собеседование прошло как по маслу, Семена взяли. Молодой человек даже почувствовал легкий укол совести от того, что так легко уложил тетю из кадров на лопатки. Но, с другой стороны, она сама была виновата в том, что вся как на ладони, — еще не успев приземлиться на электрический стул, Семен знал все о собеседующей его задавалке вопросов. На лбу бегущей строкой мигало: «Смотрите, какой я специалист. Вы ходите, пороги обиваете, а у меня и работа, и стабильная зарплата, и соцпакет, и от МЕНЯ зависит, пройдете вы этот этап или нет, или, скорее, от моей левой пятки. Вот такая я противная, бе-е-е!!!» Очень не похоже, чтобы тетя была замужем. Тоска во взгляде, как у Катерины. И какое-то беспокойство. Огонек как будто сначала проскочил, но потом, видно, переиграла. Ну зачем ей акробат с зарплатой в двадцать пять тысяч? Девочка надеется отхватить кусочек пожирнее. Зря надеется. С такими данными какой-нибудь прыщ именно с такой зарплатой — как раз ее вариант. И то если не будет долго выдрючиваться... а то и этот не обломится.

Семен не слишком далеко ушел от истины. Тётя же из кадров не знала про Семена ничего, кроме того, что он написал для нее в резюме номер 25. Но главное, она не подозревала, что Семен на этих собеседованиях собаку съел, мог прикинуться хоть премьер-министром и претендовать на какую хочешь должность, если б захотел... вернее, если бы направили.

Убедить тетю, что именно такие сотрудники им и нужны, для молодого человека труда не составило.

На следующий день Семён вышел на новое место.

Салон связи занимал маленькое помещение на первом этаже

торгового центра, склада как такового не было, коробка двадцать квадратов, с витринами по всему периметру. Молодой человек быстро нашел общий язык с напарником, сразу дав понять, что работать готов как вол, и за себя, и за того парня, и при этом ни на что не претендовать — идеальный вариант напарника. Чуть освоившись, молодой человек приступил собственно к поиску самого «предмета». Не особо понятно было, почему он им просто не выдавался? Возможно, чтобы и они не ржавели и не теряли навык. После того как «предмет» был вычислен, нужно было найти, кому он, собственно, предназначался. Но с этим все обстояло гораздо проще, «предмет» буквально фонил и сам искал человека, пройти мимо него нужно было еще умудриться.

Телефонов вокруг было много, тот самый стоял по центру, на уровне глаз, в ближайшей ко входу витрине. То, что это именно он, Семену подсказали, конечно, не серийный номер, модель или цвет, здесь было что-то другое... Не успел Семен определиться, в салон вошла девушка. Есть контакт. Молодой человек в очередной раз удивился, как быстро нашелся «покупатель».

Семен знал чуть ли не до мельчайших подробностей, что произойдет дальше: девушка будет мельтешить перед витринами, пока наконец не остановится на нужной модели. Для чистоты эксперимента ей можно предложить другие варианты, но ее все равно будет неумолимо тянуть к той самой лампочке. И даже если сейчас она уйдет без него, этот телефон ей купит и подарит кто-нибудь из родственников или она сама вернется, а он её будет ждать...

Девушка оказалась подкованной. В отличие от большинства дамочек, которых интересует скорее внешний вид, чем функциональность, ей было интересно, что внутри. С одной стороны, это хорошо — чем больше она разбирается в функциях телефона, тем активнее будет его использовать, но с другой — сколько времени нужно для того, чтобы машина обернулась вокруг столба, если это «твой» столб, или поймать обвалившийся балкон, если это «твой» балкон? Мгновение...

Девушка выяснила все, что ее интересовало о телефонных внутренностях, встал вопрос и о чехольчике. Женщина остается женщиной. Выбрали козам со стразам. Жуть жутью! Покупательница переживала о том, сколько они продержатся и когда отвалятся, — совершенно необоснованно... Девушка расплатилась. Семён проводил ее скучающим взглядом, дело сделано, можно еще недельку-другую для отвода глаз поработать и увольняться. И все-таки правильно придумали, что им приходится так часто менять место работы, не успевает

надоесть... И как некоторые стоят по двадцать лет за одним и тем же прилавком или составляют одни и те же отчеты? Рехнуться же можно от этого нескончаемого дежавю...

Катерине решил сообщить о том, что и здесь не задержится, ближе к концу недели. Каждая новая работа Семена для Кати — новый стресс. Больше всего Кэт всегда интересовало, с кем Семен будет проводить большую часть суток — с мужиком или бабой? Семена от этого всего уже слегка подташнивало: мужик, если приспичит, изменит и в трамвае, и на работу для этого ходить не надо. А вот некоторые особы со своими хитро выделанными вопросами уже достали.

Вечером за ужином Катя рассказала про случай с сестрой ее школьной подруги. Девушка, едва успев купить телефон, уронила его в ванну, и ее ударило током. Семен дернул бровью: «Вот уж точно, Москва — большая деревня».

— А у вас в салоне такие продаются? — Катя назвала ту самую модель.

— Кажется, да, — кивнул Семён. — Они сейчас во всех сетях есть.

Катя попыталась хоть что-то разглядеть на лице молодого человека. Лицо было самое обычное для Семена, непроницаемое-каменное, однако Катерина сделала вывод, что и здесь без него не обошлось. Мышка пробежала, хвостиком вильнула... Первый раз мысль о профессии Семена промелькнула у Катерины с полгода назад. Девушка даже не сильно удивилась. Сейчас народ чем только не зарабатывает... Что касается ее собственной жизни рядом с Семеном, то здесь Кэт была спокойна. Козел вон вместе с тигром живет — и ничего, в интернете их жизнь в режиме онлайн показывают, и у них даже любовь. Если б было надо, Семен давно бы ей или чего-нибудь в чай плеснул, или фен в ванну уронил, но, видно, не в его она списочках... В остальном Семен был вполне нормальный мужчина, любил пожрать, поспать, от работы не перегнулся бы, а у нее за порогом пятеро не стоят, чтобы мужиками разбрасываться. Да и в зеркало она смотрится...

Вендетта в современной обработке

Ляля первый раз заглянула в «Курятину и Мармелад» осенью. Ресторанчик ей понравился, приятная атмосфера, на стенах аппетитные картины, в нишах вазы с торчащими макаронами. Девушка присела у окна, но потом перебралась в уголок за столик, с которого отлично просматривался вход. Заняв наблюдательную позицию, девушка представляла собой замечательную картину — красивая, румяная, с круглыми щечками, милыми ямочками, вздернутым носиком. Ляля была из разряда тех девушек, от которых глаз не отвести, но стоит отвести — тут же о них и забудешь, потому как тут же наткнешься на точно такие же глазки и щечки. Оставшись всем вполне довольной, девушка в ресторанчик зачастила. Заказывала она осторожно: осторожно обычно заказывают те, у кого куры деньги все-таки клюют, или же те, кто пришел в ресторан не набить брюхо, а по совершенно отвлеченному делу. На офисных Ляля была не похожа, те трещали как сороки, делали вид, что им не всё равно, что глотать, и в промежутках между тыканьем вилок успевали вставить краткие диалоги про заказы и заказчиков. Лежащие на их столиках телефоны были сплошь айфоны, в ушках и на шейках блистала изящно-ювелирная «Вермишель», и на запястьях двигали время дорогие часики. Стоило айфону блымякнуть — зацепившийся за вилку лист салата или ложка с сырным супом зависали в воздухе, обедающий начинал быстро-быстро жевать, двумя-тремя уверенным глотками пропихивал всё внутрь, прислонял ухо к трубке и бодренько отвечал: «Запаркин!» (или «Кобылин!», или «Бурбурканавкин!» — вариантов множество, подставьте свой...) Ляля вела себя заметно ровней, не так часто дергалась и, казалось, была сосредоточена на том, чтобы минимально возможный заказ максимально растянуть во времени. Стасу не составило большого труда вычислить, что Ляля таскается в «Курятину и Мармелад» с единственной целью — подцепить мужика! У работников общепита глаз на это дело наметанный.

Способы охоты на сердце, счет и кошелек лучшей нашей половины в последнее время претерпели значительные изменения. Еще совсем недавно неутомимые Дианы, Полины и Татьяны таскались по музеям и выставкам, между экспозициями Ренуара и Дали находили еще не сильно запылившегося современника — и, как говорится, дело в шляпе. Потом пошла какая-то остервенелая мода на экспатов, бабы буквально свихнулись на всем иностранном, любая уважающая себя

красотка мечтала укатить за бугор. Однако быстро выяснилось, что заморский мужик жаден до чертиков и скорее удавится, чем потратит на вас кровный пенс или пфеннинг, к тому же в последние годы конкуренция стала аховая, на английском теперь балакают все от Воронежа до Казани, а экспатов на всех не напасешься. Тогда-то кое-кто и сообразил, что и у нас не только каменного угля, но и хороших мужиков залежи. Женщины снова развернули лыжи в сторону родного отечества и рванули, конечно, туда, где мужик водится: в офис, на склад, на завод! Оказалось, что мужика охмурить проще, если строить с ним вместе трубопровод, возводить башню, перекидывать через реку мост! И тут снова кое-кто допетрил, что приличного мужчину можно встретить не только на рабочем месте, когда мысль его рвется вдаль, ему можно понравиться... во время обеда, в современной терминологии — бизнес-ланча!

Заведение «Курятина и Мармелад» Лялей было выбрана неслучайно — центр города, скопление офисов, рядом штаб-квартира нефтяного гиганта. Ляля предварительно прозондировала, что запасов нефти у нас хватит еще лет на пятьдесят, значит, и нефтяные мужики будут водиться примерно столько же. (В разных источниках цифры варьировались, но Ляля не переживала, на её век хватит.) Девушка оказалась даже более дальновидной: на случай неприятностей с нефтью (геополитику порой сложно просчитать) Ляля заметила парочку корпораций, торгующих шампунями и другими пускающими пузыри жидкостями — их офисы находились так же поблизости. Одного топ-менеджмента в этой Силиконовой долине набиралось душ двести-триста. Триста! А ей нужен всего один!

Ляля прилежно ходила в ресторанчик уже с месяц, но пока с нулевым результатом. Еще не закаленная неудачами девушка несколько скисла, стала высматривать среди жующих менеджеров и меньшего калибра и в ужасе констатировала, что не отказалась бы даже от начальника какого-нибудь отделчика, с которым жить, конечно, можно, хотя и не так, как с топ-менеджером. Пока Ляля вынюхивала да высматривала, Стас крутился поблизости: молодой человек работал в «Курятине и Мармеладе» официантом. Молодые люди вежливо здоровались, Ляля приветливо улыбалась и даже пару раз показывала свои ямочки. Она, конечно, была не коза, официантов за людей считала, однако одно дело — люди и совсем другое — мужчина!

Ляля, конечно, заметила, что Стас к ней периодически подкатывает, но пока его игнорировала. Молодой человек не оставлял попыток. Ляля была... нет, не оскоблена, она был

в недоумении. Стас напирал. Ляля всё больше удивлялась, и дошло до того, что ей пришлось сменить место дислокации. В «Курятине и Мармеладе» она не появлялась недели три. Однако в других заведениях оказался полный тухляк: когда солнце стояло еще высоко, на обед в них забегали в лучшем случае главные специалисты, среди прочей офисной тли бродили с сальными хвостами айтишники... Ляле пришлось вернуться. Девушка решила не замечать Стаса, пила до тошнотиков выжатый ананас-сельдерей, до мушек в глазах таращилась на вход, выхлопа все не было, Стас всё крутился рядом, и Ляля неожиданно согласилась. Почему? Не стоит здесь копать слишком глубоко, причин может быть множество, взять хотя бы одну из наиболее часто встречающихся... для здоровья... К тому же Стас был высок, приятен, кучеряв, одним словом — готовый распуститься бутон! В жилах его бурлила кровь, в кармане иногда водились деньжата, и напор был такой, что позавидует любой топ-менеджер.

Отношения завязались. Молодой человек даже позволил себе слегонца увлечься. Влюбленность, конечно, не такая, чтобы сломать себе шею, придает отношениям пикантность. Вся эта резина, наверное, и дальше бы тянулась, если бы на горизонте Ляли наконец не появился Он. Встретила она Его, конечно, не в «Мармеладе», а совершенно в другом месте. Вот так вот судьба иногда улыбается...

Ляля не стала юлить перед Стасиком прежде всего потому, что это потребовало бы от неё лишних усилий, она была девушкой честной, честно искала свое счастье и, кажется, его нашла. Стас был взрослым мальчиком, Ляля исчезла, он не сильно переживал, да и как тут переживать, когда на улицах просто нашествие симпатичных лялечек. Стас, наверное, никогда бы больше не вспомнил о Лёле, если бы не... Антошка, Антон Сергеевич Лапка — он же золотая рыбка, заплывшая в сети Ляли.

Природа случайностей до конца не изучена, влетают ли они в нашу жизнь по принципу генератора случайных цифр или присутствует какой-то высший умысел, не очень понятно, но, во всяком случае, нужно считаться с тем, что явление это существует независимо от того, хотим мы этого или нет. Лапка вот уже полгода гулял Лялю, в программу входили бутики, заграницы и другие приятные неожиданности, вечерами влюбленные отправлялись во что-нибудь французско-грузинское, побаловаться плюшками, ляжками, лапками и вином.

В один из таких вечеров Антон Сергеевич припарковал свой автомобиль на пяточке возле ресторанчика, подняв глаза, Ляля прочла вывеску «Курятина и Мармелад». Ляля, конечно, была

не лишенная ума женщина и понимала, что своих мужиков, хотя бы даже один из них и был бывший, желательно разводить во времени и пространстве; она, безусловно, именно так бы и поступила, если бы могла предположить, что из мульёна кофеен и ресторанчиков Лапка выберет именно это место. Тем не менее, даже когда Лапка вытащил ключи из зажигания, у Ляли еще оставались пути к отступлению, можно было что-нибудь наврать, выкрутиться, но Антон Сергеевич ни с того ни с сего напустил на себя такой таинственный вид, что Ляля, почуяв наконец плывущее в руки счастье, ойкнула, побоялась его спугнуть и, опустив глазки, зацокала рядом с рыбкой. К тому же столько воды утекло, Стас мог уволиться, могла оказаться не его смена, да и вообще, мало ли чего могло оказаться...

Могло, но не оказалось... Стас не уволился, была его смена, и в довершение всего Антошка плюхнулся именно за тот столик, который обычно обслуживал Стас. Стас был уже где-то рядом, но Ляле было не до того, всё её внимание было приковано к спутнику. Антошка разместил свое пухленькое тельце на диване, подпихнул его со всех сторон подушками, побледнел, пару раз запустил пятерню за плотно облегающий ворот, натер шею и наконец стал красным как рак. Стас не заставил себя ждать — вырос возле столика влюбленных. Царапая в своей книжечке заказ, молодой человек успел рассмотреть Антона Сергеевича, уже не юного, распухшего от достатка, но в общем довольно приятного и счастливого толстяка, которого просто распирало от того, что рядом с ним сидела вот такая вот Ляля! Ревность тут неуместна. Стас знал себе цену. Было ясно, что Ляля наконец нашла, что искала. Конечно, было глупо тащить толстяка в «Курятину и Мармелад», но Стас не обиделся. Баба — не человек, курица — не птица, какими уж изгибами проходит у нее мыслительный процесс, неизвестно...

Пока Ляля и Стас не замечали друг друга, Антошка, все еще претерпевая метаморфозы, зрел. Наметанным глазом Стас угадал в Антошке «тот самый случай» и уже точно знал то, о чём только догадывалась Ляля. На лице Антона Сергеевича сменяли друг друга умиление, восторг и в то же время неуверенность, как бы уверен в себе он ни был. Антошка вынашивал предложение...

Пока пухляк пыхтел, робел и мучился, Ляля была само изящество: казалось, даже тело её старалось не делать лишних движений, чтобы не спугнуть милого. Антошка всё тянул, хлопнул для храбрости уже два бокала шампанского, которое вообще никогда не пил, покрылся пунцовыми пятнами. Стас подливал, подносил, время шло, Ляля заметно нервничала, не вытерпела (у кого хочешь нервы сдадут), вскочила, куда-то

побежала, разумеется, наткнулась на Стаса и, прежде чем скрыться за дверью, лягнула что-то обидное, неосторожное, относящееся вовсе не к Стасу и даже не к Антону Сергеевичу, а к ситуации в целом... Лялю, конечно, можно было понять, но что-то клацнуло, Стас стал мрачнее самой черной тучи. Джентльмен, который не позволил себе ни единого намека на то, что они с Лялей знакомы, готовый молчать о том, что Ляля таскалась к ним в «Мармелад», пытаясь подцепить зайку, сдулся — пока Ляля пудрила носик, в груди у Стаса что-то копошилось и назревало.

Антошка в это же самое время собирался с духом.

Стас подошел к столику и, наверно, совершил бы подлость, если бы в этот самый момент Антон Сергеевич не повис у него на рукаве.

— Молодой... человек... — Маленькие глазки толстячка приняли страдальческое выражение, он похлопал себя по карману, вынул красную коробочку и ткнул ею в Стаса.

— Как бы... это... — Антон Сергеевич покосился в том направлении, в котором исчезла Ляля. Вид у него был умоляющий.

Подобная сцена могла бы оставить равнодушной твердолобую тыкву, но не мягкотелого человека. Стас неожиданно размяк. Куда ему только не приходилось запихивать кольца. Проще всего кинуть кольцо в бокал; хорош этот способ еще и тем, что кольцо хорошо видно, соответственно, меньше шансов проглотить и подавиться. Но, с другой стороны, способ этот до того затерли, что он стал вроде как не комильфо. Стас с позволения взял коробочку, со знанием дела открыл. Бриллиант сверкнул! Антон Сергеевич вспыхнул! Брови Стаса встали домиком. Мужчины переглянулись, зародилось что-то вроде мужского товарищества.

— Пять карат, — промокнул лоб салфеткой Антон Сергеевич. Стас, хватанув ртом воздух, замер.

Польщенный Антон Сергеевич расплылся в улыбке.

— А что если... в шербет? — выдвинул предположение Стас.

— Точно! Точно! — Антон Сергеевич затряс в воздухе ручками. — Она его очень... очень...

Стас взял кольцо, вернул коробочку и летящей походкой удалился в сторону служебного помещения, в котором сновали белые колпаки. Три замороженных шарика, припорошенных кокосовой стружкой, сверху пучок мяты — и блюдо готово! После кухни Стас завернул в раздевалку, быстро оглядевшись по сторонам, раскрыл свой ящичек, вытащил из кармана куртки маленький пузырек. Содержимое пузырька Стас когда-то

опробовал на себе, результатом остался доволен, правда, один выходной был изрядно подпорчен. Тонкий слой пудры украсил шербет. С торжественной улыбкой молодой человек возвратился в зал. Играла мягкая, приглушенная музыка: в вечерние часы «Курятина и Мармелад», промышленяющая с двенадцати до шестнадцати часов бизнес-ланчами, напускала на себя романтический флёр. Все вокруг журчало, струилось, мерцало, по столам трепыхались свечки. Ляля уже возвратилась и, затаив дыхание, казалось, обдумывала, кому же она достанется? Стас подкрался, незаметно перемигнулся со счастливым.

Креманка оказалась перед Лялиным носом. Антон Сергеевич, увидев мороженое, вспыхнул до кончиков ушей, окончательно влюбив в себя Стаса... и пошел в наступление.

Стас не стал смущать героя, галантно удалился, но, обходя зал, краем глаза все-таки следил за столиком Ляли и Антошки. Ляля набросилась на шербет так, как будто не ела полгода, то, что не удалось запихнуть в рот, сразу было безжалостно разворочено ложечкой, стружка летела во все стороны. Наконец кольцо было найдено. Ляля взвизгнула. Антон Сергеевич поднатужился, побледнел и разродился! Предложение было сделано.

Радостное событие не осталось незамеченным: остальные официанты и старший менеджер, находящийся в зале, оживились. Покачиваясь между двумя крепкими руками, над полом проплыла корзина с сезонными фруктами — подарок заведения. Ляля была в восторге! Конечно, не от персиков и черешни. Еще с полчаса голубки поворковали и стали собираться. Антон Сергеевич рассчитался, еще раз незаметно подмигнул Стасу. Когда парочка удалилась, Стас уже под салфеткой нашел второй дубль солидных чаевых. Антон Сергеевич был и правда душка!

На следующее утро Ляля, зеленая и изможденная, лежала на белоснежных подушках. Рядышком на такой же нежной подушке дремал не менее изможденный и тоже не спавший всю ночь счастливый влюбленный. Всю ночь Антон Сергеевич вел себя, как рыцарь: не отходил от Ляли ни на шаг, повсюду ее сопровождал, подносил и уносил тазики, отлучился разве что на минутку в аптеку, чтобы закупить разного рода средств. К утру Лялю, благодаря его стараниям, отпустило. (Да и Стас, кстати, не был гадом, сыпанул порошка немножко, а обидеться может любой мужчина. Некоторым, конечно, его поступок может показаться вопиющим, не берусь спорить, однако хотелось бы сказать, что Стас поступил, несомненно, более гуманно, чем

негодяи, плюющие в суп.)

С первыми лучами солнца действие порошка закончилось, Лапка был счастлив, у Ляли разлился на щеках нежный румянец и опять появились ямочки. Антон Сергеевич, человек опытный и умудренный жизнью, конечно же, обо всем догадался — надел тапочки, вышел в подъезд и лично выкинул остатки ненавистой черешни!

Призрак замка

Алка прибежала домой взбаламученная, повисла на шее у отца, взвизгнув, подбежала к матери, чмокнула в прокуренные усы деда и, схватив за руку старшую сестру, потащила её в комнату. Пусть остальные не обижаются, но первой обо всем должна узнать Ульяна. Алка с самого детства привыкла посвящать сестру в самое сокровенное, столько всего было вместе пережито, столько подушек насквозь проплакано, чего стоили одни похороны хомяка.

— Уля, ты не согласишься... — Алка стиснула до удушья сестру и засопела ей в ухо, ей до умопомрачения хотелось поделиться всем с Улей, но еще больше хотелось, чтобы Уля догадалась обо всём сама. — Ну! Ну! Ну! — чуть не прикрикнула на сестру она.

Уля дала себя потискать, что поделать, Алка и сдержанность — понятия полярные, совсем другое дело — Уля, к лобызаниям не испытывающая разве что брезгливость. Уля обратилась в слух, похоже, наметился очередной виток стремительно развивающегося романа.

С самого детства Алка часто и густо влюблялась, сначала в героев из ящика, лет в четырнадцать её, как и положено, тюкнуло, и она сообразила, что экранная любовь — вовсе не любовь, а дымка, обман, суррогат, сладость есть, а толку — нуль. Девочка стала вертеть головой по сторонам, под горячую руку один за другим попали Витька из восьмого класса и Славик с шестого этажа.

Отпустив шею сестры, Алка наконец отлипла, но тут же потребовала:

— Закрой глаза!

Уля закрыла, сердце стало биться тяжелее. Алка, не сводя глаз с бледного лица сестры, торжественно протянула руку.

— Открывай! — скомандовала она.

Уля глаза не открыла.

— Ну! — чуть не притопнула Алка.

Уля послушалась. Алка искрилась и переливалась, ничуть не уступая поблескивающему на её пальчике камешку.

«Как банально и... смешно», — промелькнуло в голове Ули.

Алка опять повисла на шее сестры и затараторила ей на ухо всё, что с трудом умещалось в груди.

— Сначала мы танцевали, и музыка такая... романтик... вообще-то, у них там хорошая подборка, слезоточивая, — хихикнула Алка. — Ну, и для этого дела сойдет. — Алка расширила глаза и многозначительно глянула на сестру, надеясь,

что та поймет. — Потом, потом... песня кончилась, мы пошли обратно к столику, сели, нет, это я села. — Алка сбивалась, скакала с пятого на десятое, пытаюсь переварить свалившееся на нее счастье... — Да, да, да, я села, а он встал за спиной и так галантно подвинул стул, нет, сначала — он подвинул, я села, а потом официант и это ведро, ой, ведро! — Алка, приснув, надавала себе по губам. — А потом вдруг стал такой серьезный-серьезный и пристально так смотрит. — Алка тоже замерла и стала серьезной. — И тут вдруг — хлопбы! — на колено! — Алка, не раздумывая, с лету бухнулась на пол и, уткнувшись лбом в колени сестры, пробубнила: — Представляешь?!!

Когда она оторвала лоб от Улиных ног, на губах сестры играла легкая, почти джокондовская улыбка, за эту самую улыбку (а вовсе не за свое имя) она еще в детстве получила прозвище Улитка. Показавшись на свет божий, улитка представляла собой сплошное созерцание, а уж если пряталась — всё, амба! Что уж там творилось за стенами раковины, оставалось только догадываться, всем, даже приближенной Алке.

— А потом... — Алка сделала длинную паузу, в которую могла уместиться куча всего, ей тоже хотелось напустить туману, хоть разочек в жизни.

— А потом он пообещал достать с неба звезду, — закончила за нее Уля.

— Примерно, — выпалила Алка, ни капельки не удивившись Улиной прозорливости.

— Короче, всё, я теперь девушка замужняя, — затараторила Алка и, почему-то надув щеки, степенно прошлась из угла в угол. — Ну, скажи, скажи, он правда замечательный, а? — Алка, как собачонка, заглянула сестре в глаза.

Олег действительно был замечательный, весь, от носа до кончика хвоста. Конечно, даже на солнце есть пятна, и у Олега они были, но ведь никто каждый день телескоп с собой не таскает.

— От него прям исходит уверенность и... бабы тают, тают, тают... — Алка сделала такое лицо, как будто собственными глазами видела нескольких растаявших. — Понимаешь, за ним — как за каменной стеной... И еще он мне сказал, что он строит замок. Представляешь, самый настоящий замок. Вот бы здорово жить в нем втроем!

Уля как-то странно посмотрела на Алку.

— Ну, да. Не то, — моментально осеклась Алка, сообразив, что сморозила ерунду.

«Неужели... замок...» — забираясь всё глубже в раковину, перебирала Уля.

— Ну, ты рада? Рада?! — Алка последний раз дернула Улю и поскакала к остальным, ей нужно было обязательно разделить радость со всеми, иначе от всего этого можно было просто лопнуть.

На кухне Алке тут же учинили допрос. И это неудивительно. Родителям не терпелось знать про будущего зятя всё! Области, интересовавшие родню, были самые разнообразные. Мать с короткими интервалами раза три спросила про зарплату. Алка каждый раз выдавала какую-то огромную цифру — реальный доход Олега она вряд ли знала, — мать верила, да и Алка сама уже тоже верила. Отец поинтересовался, где молодежь собирается жить. Алка, как ни странно, решила про замок промолчать. Проблески бывали даже у Алки. Самым неприземленным оказался дед: узнал, когда Олег родился, записал дату на клочке газеты и удалился. Появился он спустя несколько минут, сел на табуретку, многозначительно погладил бороду и приступил. Олег оказался козлом. Увидев смятение в массах, дед поспешил всех успокоить. Козлы, оказывается, очень упорные, хорошо приспособляются, слегонца самовлюбленные, не без этого, но есть в них какая-то основательность, жить они умеют, и деньги их любят. Собравшиеся несколько успокоилась, тем более что дед сообщил, что в гороскопе это еще не самый худший зверь. На этом дело не закончилось. Олег оказался еще и рыбой. Качества у рыбы и козла были диаметрально противоположные, но деда это не смутило, он объяснил, что такое бывает сплошь и рядом и что человек такая животиная, что всё в нем уживается, поэтому-то он и ведет себя, как последний хамелеон, а истинное лицо свое никому не показывает. С дедом спорить не стали, однако в головах обозначилась некоторая путаница, так и осталось неясным, что за зверь женится на Алке.

Зверь появился в доме очень скоро, буквально на следующий день. Как ни странно, теперь Олег предстал перед всеми в образе похитителя птенца из гнезда. Птенцом была, конечно, Алка. В матери проснулось что-то патриархальное, дотоле долго дремавшее. Покладистая, тихая женщина вдруг будто белены объелась, заявила, что руки Алки нужно просить не у Алки, а у неё — и уж она будет решать, давать свое благословение на брак дочери или нет, а без этого ни-ни... Отец свернул разговор на машины и гараж, надеясь хоть здесь найти слабинку в слишком уж напомаженном Олеге. Въедливее всех оказался дед, старик, не стесняясь, задавал каверзные вопросы, причем было совершенно не ясно, куда он стрельнет в следующий раз. Убедив

себя в том, что никто, кроме него, этого не сделает, дед долго ковырялся в генах на предмет всяких сюрпризов в наследственности, выяснил отношение будущего зятя к полигамии, задал в лоб еще несколько с подковыркой вопросов. Олег с легкостью отбилсЯ от родителей, обошел все засады фронтовика, Уля на время цирка удалилась.

После знакомства с родней конфетно-букетный период продолжился. Олег будто с цепи сорвался, каких только подарков Алка домой не таскала, как царь Кощей, складывала всё в сундучок и чуть ли не каждый вечер перебирала свои сокровища. Обязательным участником действия должна была быть Уля. Нежадная Алка уже тысячу раз предлагала сестре примерить что-нибудь из несметных богатств, но та все как-то увиливала. Олег и на этом не уgomонился... Ему вдруг вздумалось отвезти Алку на острова, да еще не одну, а со всем семейством. Такое лихое развёртывание событий почему-то никого не удивило. Дед хотел было вернуть, что сначала бы неплохо в загс, а потом острова, но так и не ввернул. Мать поначалу заартачилась, уперлась и ни туда ни сюда. Отец тоже. Олег открыл второй фронт, глубоководная рыбалка и гарантированный двухметровый тунец сделали свое дело. Отец согласился, мать без поддержки быстро спеклась. Остались еще два члена семейства: дед и Уля. Дед неожиданно и наотрез отказался, по политическим соображениям, — сказал, что любит родину и ни на что её не променяет, даже на две недели. Ему тысячу раз объяснили, что это с возвратом, но дед упрямо стоял на своем... Ульяна собиралась-собиралась, все были уверенны, что она тоже едет, но в последний момент всё сорвалось, её не отпустили с работы.

В итоге поехала странная компания из четырех.

Бог ты мой, сколько Алка всего испытала за время одной поездки! Остров лежал на высоте всего лишь двух метров над уровнем моря. Это очень страшно. Алке все время казалось, что земной шар вот-вот даст крен и их вместе со всеми пальмами и кокосами смоет. Отец аргументированно доказал, что это возможно только при смещении земной оси и, пока не растают полярные шапки, этого не произойдет. Алка всё равно не верила. А цунами, подводные толчки — да разве можно всё это предвидеть? Млела от ужаса и уже не раз представляла себе, как было бы сладко во время всех этих катаклизмов прижаться к Олегу, а после — хоть потоп! Потом они катались на гигантских черепахах. Потом Алка с Олегом стояли и держали в ладошках одно на двоих солнце. Потом все вчетвером ходили в набедренных повязках из диковинных цветов. И Олег был всегда такой веселый и даже чуточку не похожий на себя. Алка только

успевала выкладывать фотки и очень обижалась, если Уля их вовремя не просматривала.

С островов приехали загорелые и чуточку утомленные. Влюбленные уже перебрали несколько дат и со дня на день должны были объявить родне, когда же наконец всё свершится.

Дом погряз в приятных хлопотах, состояние Алки передалось всем, все поглупели от счастья, и всем было чуточку жаль своей простой и не очень устроенной жизни. Одна только Уля жила по-прежнему в раковине.

Телефон Ули был давно на беззвучном. Но тут дозванивались долго, дед строго глянул на дребезжащее устройство, и Уле пришлось взять трубку. Девушка выскользнула на балкон.

— Уля, — услышала она в трубке знакомый голос. — Не клади трубку, слышишь?

Уля молчала, вдали возвышались две башни высоток, девушка блуждала по ним взглядом.

— Уля, ты меня слышишь? — Голос звенел от злости, странно, Олег редко злился.

Между домами тянулись длинные провода, на проводах сидели птицы.

— Я же обещал, что превращу твою жизнь в ад, — пошутил Олег и опять повисла тишина. — Забудем... с чистого листа... хочешь?.. — Голос Олега стал мягче.

— А как же Алка? — проговорила в трубку Уля.

— Алка? — не понял Олег и на секунду задумался. — Что-нибудь придумаем, — уверенно ответил он. — Мы...

Уля больше не слушала... в ушах звенело это только их «мы»... что же произошло?.. маленькая глупость... размолвка... на каждом шагу вранье, зашкаливающее упрямство, три жутких месяца, день за днем затянутые в воронку, пасть которой становилась всё больше... но Олег со всем еще может справиться... а она... она не может и дальше жить в раковине...

Алка, житель северного города северной страны, узнав, что Олег её оставил, вела себя прямо-таки по-мексикански. Воспитание на сериалах сослужило плохую службу. Первым делом была изрезана в лапшу подаренная Олегом шуба, потом разорваны в мелкие клочья ненавистные фотографии, следом уничтожены все файлы с солнцем, морем и тунцом, оставались украшения... но тут подсуетилась мать, припрятала. Алка крушила все вокруг себя, как зловещий тайфун, которому еще

не успели придумать красивое имя. Не тронула Алка только Улю, посмотрела на нее глазами, полными слез, и наглоталась таблеток. Таблетки у деда оказались убойные. Скорая застряла в пробке. Алку откачать не успели.

Мать плакала очень, отец молчал, только стал серый, как асфальт; дед, видевший много смертей, и молодых, и юных, хорохорился и сказал почему-то, что Уля родилась под несчастной звездой, наверно, перепутал с Алкой.

После похорон стало еще тяжелее, теперь поплохело деду, дед плакал, винил себя за то, что недоглядел пилюли... у Ули в голове роились страшные мысли, но почему-то чаще всего на ум приходил прихлопнутый дверью хомяк...

У подъезда вот уже несколько дней дежурила машина, Уля проходила мимо, зная, что не за горами тот день, когда она откроет дверь и сядет рядом с водителем...

В отстроенном замке жили трое: Олег, Уля и призрак Алки. Дед сказал правду, Уля была несчастливая, а Алке опять повезло, рядом с ней теперь всегда были те, кого она очень любила и с кем так мечтала жить под одной крышей. Комнату Алка выбрала самую верхнюю, самую светлую, ту, которая ближе всего к солнцу. Странно, призрак и солнце. Но Алка всегда была странной, раньше шумной и смешной, а призраком очень скромным и тихим. Шатаясь по коридорам, она старалась ничего не ронять, встретив Улю, долго смотрела ей вслед, а после, забравшись к себе, таяла в лучах солнца...

«И все-таки как-то по-дурацки всё вышло. Она оказалась всего лишь соблазнительным пузырьём и ничем больше. — Борис шел вдоль перекинутого через пролив моста, мост тянулся на многие километры без всяких опор и свай и представлял собой очередной полет инженерной мысли. — Ну надо же быть таким олухом! Существует ведь куча способов проверить реальность девушки. Мыслеобраз, хоть и еле заметно, но все-таки притормаживает, пока сигнал обернется, центр, управляющий им, находится за тысячи километров; более того, нет ничего, чего бы мысленный пузырь не знал, не умел и тут же не сбацал (хотя бы и партию Жизели); ну и наконец — болевой порог, у мыслеобраза он отсутствует, можно же было нечаянно опрокинуть чашку, прищемить палец, дернуть за волосы, в конце концов, — и тогда бы всё сразу встало на свои места... И все-таки жаль с ней расставаться!..»

Борис остановился, припоминая подробности своего недавнего приключения. Клятвы, всхлипывания, а потом вдруг по спине табуном мурашки, задираешь голову кверху и лыбишься на луну... Странно, как это к нему за время их «нереального» романа ни разу не наведались ребята из центра отслеживания состояний, он же, наверное, фонил, как радиоактивный уран, засунь его хоть в бункер со стометровыми стенами, приборы всё равно бы пищали: «Иу-иу. Обнаружен мужчина. Иу-иу. Зона риска. Химический состав крови изменен. Иу-иу. Активное выделение гормонов. Блокирование систем, отвечающих за адекватное восприятие мира. Иу. Мы его теряем».

Молодой человек усмехнулся: а что если за ним следят и сейчас? Тогда почему не вмешаются? Наблюдают? Дают шанс?.. Может, он одумается? Исправится?.. Они ведь очень гуманные... А может, все команды на выезде, нет ни одной поблизости, чтобы вправить ему мозги?.. Все команды на выезде... Странно, как это раньше не приходило ему в голову... значит, он не один такой, а что если их десятки, а может, сотни, тысячи?.. И где они бродят, все эти сотни и тысячи?.. Под ногами пронесся поезд, мост затрясся: «Да... Неплохо бы встретить... соратничка...»

Берега тонули во тьме, и если бы не мелькающие за спиной машины, он был бы совершенно один: а что с ним сделают, если схватят?.. Физически, конечно, не уничтожат, тело для них ресурс, а к ресурсам они относятся трепетно, а вот от заливки камня на камень не останется: где был Вася, появится Петя... спасибо, что не Маша...

«А может, выбросить все из головы... — На секунду Бориса охватило что-то похожее на малодушное сомнение. — Стать, как все... А что, всё не так уж плохо: комплект белья на год, стандартный паек в магазине, над которым корпела целая группа диетологов, через год гарантирована квартира, вполне сносная, не тот коробок, в котором он живет сейчас, коробок попросторнее, еще через год предоставят жену, подобранный кем-то исключительно под тебя экземпляр (неплохо, а?), потом пойдут детки, землекоп от землекопа... — осклабился Борис, — и попробуй скажи, что о тебе не заботятся... Да, жена будет самая настоящая баба — плоть и кровь, как ты сам, а не какой-нибудь дребезжащий мыслеобраз. Фантастика...» — Молодой человек посмотрел вниз на перекатывающееся море, взгляд его стал свинцовым, перед ним опять замелькал образ недавней возлюбленной... Воображение... надо же, куда опять занесло... Ясно, откуда дует ветер и всё это наваяло, кое-что сохранилось в памяти, остальное почерпнул в семейных архивах. Всё дело в бабке, яблоко от вишенки... Бабка у него была дамочка с прибабахом, как кошка влюбилась в деда, странная по нынешним меркам. Деду, как любому гражданину, была положена назначенная кем-то сверху жена, тридцать восьмая статья Конституции, бабка рассудила по-своему: одно дело — заставить человека под чью-то дуду крутить гайки, другое — продолжать род человеческий. Бабка подстерегла назначенную деду спутницу и вместе с ней вошла в дом деда. Избавиться от нее оказалось делом неподъемным, бабка была нрава крутого. Несколько раз ее промывали, но она, как зомби, возвращалась к деду, в конце концов стерли все, даже имя, но от деда так и не отвಾದили. Официально прикомандированная к деду женщина в итоге посвятила всю себя стрижке газона, а что ей еще оставалось? Бабка не допускала её не только до деда, но и вообще до любой работы в доме... Женщину эту в какой-то степени даже жаль было, каждодневное лицемерие чьих-то чувств не прошло даром, у неё что-то сбойнуло, она, кажется, тронулась умом, а заодно и влюбилась в деда... Пока та сходила с ума, бабка с дедом наклепали пятерых детей, хотя им и пришла официальная бумага, что им положено только двое... так и пошла поросль...

Борис не отрывал глаз от тихой глади воды, под нею сотни тонн, раздавят, как клопа. Если бы... Раньше повернуть это было проще простого, кирпич на шею — и видал я всех! Сейчас прикончить себя — из разряда нереального, даже не успеешь нахлебаться, прилетят вертушки, выловит гигантский половник, продуют все дырки, а заодно и мозги. Да, умереть вне графика

сейчас сложно. Ежемесячные сканирования не дают ни единого шанса закупорке сосудов, инфекционные заболевания задушены в самом зачатке, казалось бы, остались несчастные случаи, но и тут в полете — повсюду датчики, даже машина вряд ли переедет. Сработают жучки, паучки, ботинки сами отпрыгнут метра на два, заранее рассчитав траекторию полета. А дальше... «Берегите себя, граждане и гражданки!» — проговорит ближайший столб. Банальная сосулька тоже, кстати, вряд ли пробьет черепушку. При приближении сработает специально обученный пупырышек, откуда надо выстрелит миниатюрная версия тепловой пушки и... сосулька растает еще на подлёте, лишь слегка забрызгав черепушку, никому не светит остаться лежать с пробитой башкой на мостовой. Государству нужны рабочие пони, и оно ни одной не уступит смерти без боя.

«И все-таки шанс есть...» — Борис опустил руку в карман, почувствовал холод металла, наследство от бабушки. Внутри шелохнулось сомнение. Удастся ли? Черепушка нынче вроде как чудо генной инженерии, сплав титана, легкая, как крыло самолета, прочная, как саркофаг реактора. А может, врут? Никто ведь себе лобешник специально не ковырял. Издалека, догоняя друг друга, катились волны, бабка часто рассказывала байки о других сообществах, о том, что тут ловить уже нечего, а там найти пристанище и пожить еще можно, хотя и у них беженцев прорва... Борис смахнул капли с виска и быстро рванул руку: Ведь бабка с дедом как-то улизнули!!!

С неба долетел приглушенный шум вертушек. Борис не успел опомниться, как уже лежал неподвижно, прижавшись щекой к мостовой: кажется, его сбили с ног, кто-то навалился сверху... «Не успел, — снова поплыли обрывки мыслей... Что дальше?... Участок... Зачитают права, очередная промывка — и он снова станет как все, вернется к достойной работе, о которой не стыдно рассказать детям во время семейного ужина... А может, нет? На этот раз всё будет гораздо хуже, отчуждение тела... чистые, белые стены, раньше головы рубили гильотиной, теперь все эстетичнее, аккуратнее... Отправят уведомление на работу, поставят в известность родственников... Да нет... О таких, как он, стараются не трубить...»

— Не надоело трепаться?! — гаркнул кто-то, проплывающий мимо.

Молодой человек в недоумении вытянул длинную шею.

— Неужели удалось? Удалось!!!

— Удалось, — съехидничал лебедь.

— Бабушка! — Молодой человек кинулся к величественной птице и неуклюже уткнулся клювом в шею.

— Тише-тише, в здешнем обществе это не принято, — проворчала старуха. — Уж и не чаяла дожждаться тебя, такого прыткого! — Птица глядела строго, не моргая. — Без бабки никуда! Ежели б знал, каких мне усилий стоило выхлопотать для тебя здесь местечко. Наши-то бегут, как крысы, к кому только не попадают, последняя партия просилась к макакам, еле взяли... Всем хотца пожить по-человечески!

— А... — хотел было что-то спросить Борис.

— Сам все увидишь, — отрезала бабка и, пошевелив царскими крыльями, поплыла по глади озера.

Теория Геннадия Шнуркова

Глава первая

Любовь под лавочкой найдет и сама из-под лавочки достанет

— Нет, это уму непостижимо! — Шляпка съехала набекрень, дамочка, судя по всему, пребывала в сильном волнении. — Раньше стояли за колбасой, писались в очередь за сапогами, и теперь туда же!

Стоящие рядом посмотрели на женщину с некоторым удивлением, нет, не то чтобы ей не верили, конечно, все слышали о временах тотального дефицита, когда гречку и мыло выдавали по талонам, а палка сухого сервелата считалась за манну небесную, но как-то если тебя это не коснулось, то вроде как и не верится. Вокруг стоял один молодняк, народившийся на свет гораздо позднее кризисных 90-х.

— Нет, ну почему не сделать электронную очередь? — продолжала сама с собой беседу дамочка. — Было бы всё интеллигентно, все бы стояли, ждали, никто бы никуда не лез.

— Были, — донеслось откуда-то сбоку.

— Были?! — тут же встрепенулась женщина: голос принадлежал мужчине. — И где же они? — Бровки встали домиком, глазки принялись искать: «Ну, наконец-то, хоть с кем-то можно перекинуться словечком».

— Сломали, — снова долетело до неё. Отвечающий был немногословен, зато всё, что он говорил, было, что называется, сгустком: четко, ясно, внятно.

— Варвары, — возмутилась дамочка и нечаянно поправила шляпку. — А я ведь говорила... — Женщина слегка подпрыгнула, но мужчина надежно скрывался за спинами. — Нужно ставить полицейских, чтобы следили за порядком! Что о нас могут подумать?!

— В городе десять тысяч жителей, к каждому не приставишь, — возразил невидимый собеседник.

Народ вдруг зашевелился, занавес дернулся и чуточку раздвинулся, в образовавшуюся щелочку дамочка наконец увидела мужчину и теперь сверлила его глазами. Взгляд ее пополз по руке, добрался до кисти, на пальце ничего не оказалось. В голове дамочки тут же вылупился проект: познакомились в очереди, потом вместе улетели, а там их уже поджидало новое счастье. Щечки вспыхнули даже ярче, чем нарисованный румянец. Мужчина смотрел куда-то вдаль, обращая внимание на собеседницу постольку-поскольку. Дамочке это даже

понравилось. Значит, серьезный. Мадам хмыкнула, крикнула, опять потревожила свою шляпку — очень хотелось продолжения, — не выдержав слишком затянувшуюся паузу, заработала локотками и в два счета оказалась рядом с мужчиной.

— А вы знаете, какие там вопросы задают? — спросила она.

Мужчина посмотрел на неё с удивлением, потом как будто вспомнил, вздохнул. «А, это всё вы», — слышалось в этом вздохе.

Женщина проигнорировала этот отголосок пренебрежения: если на всё реагировать, можно в девках остаться. Дама была уже далеко не девка, но не будем забегать вперед...

— Не в курсе, — ответил мужчина.

— А я слышала, что они дают заполнять анкету, — предположила женщина.

— Глупости, — отрезал мужчина. — Неужели вы думаете, что есть что-то, чего они о вас еще не знают?

— Обо мне? — удивилась женщина. Дамочка была из тех женщин, которые мечтают оставаться хотя бы для кого-то непрочитанной книгой.

Мужчина посмотрел на неё с сожалением: «Женщина, конечно, друг человека, но не более...» — Он был невысокого мнения о женщинах, а о женщинах в шляпках — подавно. Несомненно, вслух он никогда бы это не сказал.

— Как вас зовут? — неожиданно спросила дамочка.

— Геннадий... Геннадий Андреевич, — представился мужчина.

— А я Юлия ...Юлия Альбертовна, просто Юля, — просияла женщина.

Геннадий Андреевич посмотрел на «просто Юлю», которой было хорошо за полтинник: «Ну что ж... если женщина просит... Стоять еще непонятно сколько, не все же в затылки таращиться...» Геннадий Андреевич тоже успевал делать выводы: Юля, похоже, представляла собой сорт женщин, которые всё обо всем знают, и это могло оказаться полезным, мужчина давно заметил за собой неприятную особенность — обо всем узнавать последним.

— Геночка, ну как же они могут обо мне всё знать? — пропищала Юлия.

Геночка чуть не присел, однако взять и вот так отвернуться было теперь не совсем удобно, он все-таки мужчина, а перед ним все-таки дама. Геннадий посмотрел еще раз на «просто Юлию», подчеркнув про себя это «все-таки».

— Вы как будто бы с луны, — проговорил он.

— Нет, я из местных, хуторянка, — пошутила Юлия Альбертовна. — Так откуда вы знаете, что им всё о нас известно?

— Всё же написано в вашей личной карточке, — спокойно ответил Геннадий. — Они даже знают, что вы предпочитаете миндальное мороженое клубничному.

Юлия побледнела:

— Я действительно предпочитаю миндальное... клубничному, — пробормотала она.

Геннадий выдержал паузу, но долго мучить собеседницу не стал.

— Об этом легко догадаться, заглянув в вашу сумочку. — Мужчина указал взглядом на расстегнутую молнию.

— Ах, — Юля рассмеялась.

Геннадий посмотрел на хохотунью не без удивления: только женщина могла додуматься засунуть в сумку мороженое, теперь оно растает, перепачкает всё внутри, она будет возмущаться и в конце концов закидает жалобами компанию-производителя, обвинив их в том, что они не написали на упаковке предупреждение, что нельзя в тридцатиградусную жару засовывать в сумку мороженое.

— Нет, ну а кроме мороженого? — кокетливо улыбнулась Юля.

Геннадий проигнорировал наметившуюся в Юлии игривость:

— Единые базы данных, — серьезно ответил он. — Мы для них всё сами подготовили, им только осталось прийти и взять.

— И что ж, все наши данные тю-тю?

— Ну почему же тю-тю, они их просто скопировали, — объяснил Геннадий.

— Страшно, — неожиданно проговорила женщина.

Геннадий пожал плечами:

— Страшно было раньше, когда за тобой начал подглядывать собственный чайник.

Юля, признаться, не была в курсе таких подробностей. О том, что следят айфоны, было всем известно, но от айфона все-таки можно было уберечься: айфон «кусается», в смысле — не каждый его может себе позволить. Хотя, конечно, и он тоже скоро будет стоять, как семечки; но вот от того, что предателем может оказаться собственный чайник, который уж точно имеется у каждого гражданина, было действительно жутковато.

— А был вообще занятный случай. — Геннадию вдруг захотелось попугать Юлию. — У одной дамы обнаружили считыватель, и как вы думаете, где?

— Где? — пробормотала Юлия.

— В силиконе.

— В силиконе? — Юлия икнула и сразу побледнела. Геннадию сразу всё стало ясно, Юле тоже сразу стало ясно, что её

маленький секрет теперь уже не секрет.

— Вы только ничего не подумайте, — серьезно сказала она.

— А я ничего и не думаю, — ответил Геннадий.

— И что же он делает, этот самый считыватель? — Юлия смело посмотрела Геннадию в глаза, глаза у него были такие, что хоть утонуть. «Эх, скорее бы!» — подумала женщина.

— Да то же самое, что и чайник, сканирует ваши состояние и отправляет куда следует, а главное — не нужно никаких развешенных повсюду камер и себестоимость — копейки, не больше, чем у обычной лампочки. Но насмешка... насмешка вы знаете в чем? — вздохнул Геннадий, видно, данный вопрос серьезно его интересовал.

— В чем? — молниеносно отреагировала Юлия.

— В том, что вы сами за все платите. — Геннадий, воодушевившись, ткнул пальцем в Юлию, попал совершенно не туда, куда рассчитывал. — Ну, вы понимаете, — смущенно проговорил он.

— Ну, и зачем все это? — Юлия попыталась увести беседу подальше от щекотливой темы. — Зачем им-то всё знать о нас? — Она вдруг подняла руку и тыкнула неопределенно вверх, над верхушкой дерева парила ворона. — Неужели будут такие, которых не возьмут?

— Удивляюсь, вы уж меня простите, человеческой наивности. Ну, а к чему тогда все эти очереди? Ну подумайте, стояли ли бы вы тогда, на закате коммунизма, в очереди, если бы каждой женщине была обеспечена пара добротной, красивой обуви? — попытался объяснить на, как ему показалось, доступном для Юлии языке Геннадий.

— Значит, вы думаете, всех не возьмут, — озадаченно проговорила дама.

— Уверен, — не стал разубеждать ее Геннадий.

— А вам не кажется это странным? — Юлия, нужно отдать ей должное, наклонилась к Геннадию и теперь шептала ему на ухо. — Прилетели какие-то прощелыги, взбаламутили народ, зовут к себе, к звезде Альдебаран, кстати, где это? Если, значит, вы здесь уже всё прошляпили, всё вам тут обрыдло — то айда к нам! Мы, так уж и быть, даём вам еще один шанс сбачать неудавшееся сальто-мортале, только нужно, чтобы вы на этот раз раскинули мозгами и покумекали, в чем же, собственно, состояла ваша здешняя миссия, ну, и защитили этот проект у нас. — Юлия так щебетала, что у Геннадия стало влажным ухо. — Ну, а мы, если, конечно, проект удовлетворит нашим требованиям, выделим вам под него время, свое-то вы уже профукали... — Юлия наконец отстранилась, расширила глаза, тем самым показывая,

что хоть и стоит она вместе со всеми в очереди, но все-таки до конца не верит этим космических аферистам.

Геннадия, надо сказать, уже приходила в голову подобная мысль.

— Ну, и что же у вас есть такое, что вы уже не надеетесь успеть сделать здесь? — Юлия театрально закинула голову и смотрела теперь на Геннадия даже и издевкой.

Геннадий заерзал, на его лбу буквально было написано: «Ну, есть же такие вещи, о которых цивилизованные люди не спрашивают и не суют свой нос куда не следует. Мы же, в конце концов, не айфоны и не чайники!»

— Ну, хорошо, тогда я вам скажу! — ничуть не смущаясь, продолжила Юлия. — Мне обязательно нужно ехать! Годы прошли, как песок сквозь пальцы. — Юлия сделала паузу и тут же с разгона продолжила: — А в душе я знаете еще какая?!

Геннадий внимательно смотрел на Юлию: «Конечно, в душе ей семнадцать, а в жизни семьдесят. Ну, конечно, не семьдесят, это он махнул... Всю жизнь порхала...»

— Да, в моей жизни было многое. — Юля как будто догадалась, о чем размышлял Геннадий. — Но теперь я хочу все переиграть. Я хочу еще исполнить свою главную миссию! Стать матерью! — Судя по горящим глазам, Юлия поставила жирный восклицательный знак.

Геннадий даже испугался. Будь он посмелее, он, конечно, задал бы вопрос: «А где же ты, голуба, была раньше?»

— Да, мы все делаем ошибки, — с вызовом продолжала Юлия, предугадав и этот вопрос. — Но, возможно, ещё не все потеряно...

Геннадия стало чуточку неловко от всей этой свалившейся на него откровенности. Выворачиваться вот так вот наизнанку перед посторонним человеком — было в этом что-то неестественное, после сказанного Юлей он почувствовал, что теперь и ему вроде как тоже нужно что-то сказать:

— Мои задачи гораздо скромнее... Так, самый обычный ученый-теоретик, пока еще не создавший своей теории... Всё думал, как устроен этот мир. — Геннадий Андреевич замялся. — Смешно даже. Нужно работать и не тратить время на ерунду. И на кой черт мне сдался этот Альдебаран, если и у себя на родине ни в чем не смог разобраться... А вы знаете, все это действительно очень глупо, — неожиданно резко продолжил Геннадий. — Я не буду стоять в этой очереди. Как баранов, нас выстроили, а мы и стоим. Невероятно глупо!

Геннадий не успел сделать даже шаг, в него тут же вцепились острые коготки:

— Ишь что удумали! Стояли-стояли, а теперь! — Нужно знать характер и судьбу Юлии, чтобы понять, почему она отреагировала именно так, а не иначе. Юлия много хлебнула в прошлом и теперь ни за какие коврижки не отпустила бы от себя единственного знакомого неженатого мужчину.

Геннадий посмотрел на нее с грустью, и на него вдруг налетела апатия (с учеными-теоретиками это случается). Нет, он больше не сопротивлялся. В конце концов, свою теорию можно обдумывать где угодно: в очереди, рядом с Юлей, даже с альдебаранами.

Юля, несколько успокоившись, продолжала щебетать, задавала себе вопросы, придумывала на них ответы — приятно находиться с женщиной, которая может себя занять. Время пошло быстрее.

Подошла очередь Юлии, потом Геннадия. Они по очереди исчезли в шатре, раскинутом посреди площади альдебарановцами. Юлия дождалась Геннадия, обменялись впечатлениями, договорились встретиться на следующий день, все равно приходить за результатами.

Глава вторая

**Выбери меня, Выбери меня, птица счастья
завтрашнего дня³.**

Геннадий пришел первый, своей фамилии в списке не нашел. Зато Юлия Альбертовна Цаплина присутствовала. Геннадий не сомневался, что это была та сама Юлия.

На локте у него вдруг кто-то повис, его подтащили к доске, ткнув пальчиком, Юля пробежалась по списку и, найдя свою фамилию, с облегчением выдохнула: — Взяли!

— А вас? Вас взяли? — затараторила она.

Геннадий ничего не ответил.

— Ваша фамилия, — потребовала Юлия Альбертовна.

— Шнурков, Геннадий Андреевич Шнурков, — ответил Геннадий.

Юля еще раз быстро пробежала список глазами и, не найдя нужную фамилию, оттащила Геннадия в сторону.

— Ничего не понимаю, как вы могли не пройти? — полушепотом спросила она.

— А почему, собственно, должен был? — так же полушепотом ответил Геннадий.

— Да потому! Я же вижу, что вы за человек! — рассерженно ответила Юлия. — Прошла даже моя подруга Ритка, а она знаете какая птица! Ритка, — опять зашептала Юля, — сказала им, что всю свою жизнь мечтала завязывать котам хвосты!!! — Юлия Альбертовна выкатила глаза, Геннадий догадался, что это сигнализировало крайнюю степень возмущения. — Хвосты! Бантиком! Вы представляете?! Тут она себя, видите ли, не реализовала! Котов не хватило!

Геннадий не сразу нашел, что ответить.

— Ну, может быть, в этом есть некая целесообразность? — несмело предположил он.

— Вы с ума сошли!!! — осадила его Юля и тут же спросила: — Надеюсь, вы не пустым ходили?

Геннадий её не понял.

— Ну, что-нибудь предлагали? — нетерпеливо проговорила Юлия.

— Что предлагал? — опять не понял Геннадий.

— Всё, что у вас есть! — Юля начала выходить из себя и вдруг дернула Геннадия за рукав.

— В каком смысле? — безропотно стерпел он.

— Да в самом прямом! Квартира, дача, машина!

Настала очередь Геннадия удивиться.

Юля посмотрела на него вроде как даже с жалостью, тут же сообразила, что с таким кашу не сваришь, поэтому, пока не поздно, нужно брать всё в свои руки.

— Так! Вы сейчас же туда пойдете и скажете, что вы все продадите... Нет, уже не успеете, — спохватилась она. — Скажете, что всё им отпишете, у вас есть нотариус? Нет? Ничего-ничего, — усиленно соображала Юлия Альбертовна. — Полетите, как миленький, у меня там уже и свой человечек есть...

Геннадий стоял столбом: «Надо же, как у людей всё ловко получается!» Не зря ему всю жизнь говорили, что он жить не умеет, мать тюкала, потом жена... Слава богу, бывшая.

— Нет, — опять замялся Геннадий. — Это было бы не совсем...

— Что?

— Не совсем... честно... — опустив глаза, проговорил он.

— Не глупите! — не скрывая своего раздражения, выпалила Юлия. — Времени мало! Кто как может, так и устраивается...

— Извините... — Геннадий нахмурился.

— Что еще?! — нетерпеливо проговорила Юлия.

— Извините, но... у меня ничего нет...

— Как нет?! — возмутилась Юля.

— Вот так, живу в квартире, но она не моя, дачи нет, машины тоже. — Геннадий виновато опустил голову. Врать он не любил, но тут пришлось, нужно же было хоть как-то притормозить Юлию.

— Как же так... — растерянно проговорила женщина, но растерянность эта была внешней, так сказать, фиктивной, на самом деле Юлия Альбертовна ушла в себя и снова усиленно соображала — в голове хуторянки что-то варилось.

— А вы знаете, я передумала, — неожиданно выпалила она. — Я остаюсь!

— Что вы, что вы! — чуть не замахал руками Геннадий. — Летите, раз уж вас выбрали!

— Нет, не полечу, — отрезала Юля тоном, не допускающим возражений. «Неизвестно, что еще там у них с мужчинами, может, наврали с три короба, — пронеслось молнией в голове Юли. — А тут уже гарантированный Геннадий, пусть даже и Шнурков!»

— Ну, как знаете... — покраснел Геннадий.

— Остаемся! — уверенно продолжила Юлия. — В конце концов, мы родились здесь, здесь наш дом, мы должны здесь показать себя, а потом уже лететь к альдебаранам, иначе что они о нас подумают?!

Геннадий был согласен. Народ все так же рвался, надеялся свалить в далекое созвездие, начать там дело, ни единой попытки

запустить которое так и не было предпринято здесь, но Юле и Геннадию было уже не до того...

Глава третья

Любовь всем возрастам покорна. Рождение теории.

Юлия перебралась к Геннадию в тот же вечер, объяснив свое поведение очень просто: столько драгоценных мгновений потеряно и теперь ни секунды терять нельзя!!

Геннадий не возражал, да и мог ли? К тому же, чего греха таить, Юлия ему все больше нравилась. Был в ней какой-то задор, ребячливость, то, чего ему в жизни никогда не хватало. Забегая вперед, скажу, что и позже он в ней не разочаровался. У Юлии оказалось множество увлечений, и то, чего он боялся более всего — а именно того, что Юлия всю себя посвятит ему (и будет ему, соответственно, надоедать), — не произошло. Юля неплохо разбиралась в живописи, музицировала, собирала этикетки от джина и в общем была личностью разносторонней и обещала скрасить остаток его дней. К тому же Юля взяла на себя всю бытовую прозаическую часть вопроса (имеется в виду быт в самом простейшем его воплощении: стирка, глажка, уборка), тем самым высвободив ему бескрайний океан времени для его теорий. Не об этом ли можно было мечтать! А творить хотелось! И жить, как ни странно, тоже хотелось!

Юлия оказалась ларчиком с сюрпризами, обнаружилось это чуть ли не в первую неделю совместного проживания.

— Лямсик... — Юля подошла к Геннадию как-то во время обеда и чмокнула в маковку. Геннадий потихоньку привыкал к своему новому, безусловно, ласковому имени. — Мы все про них узнаем, про этих аферистов, — загадочно проговорила женщина.

Геннадий отодвинул от себя тарелку, снял заботливо повязанную ему на шею салфетку, он еще не совсем понимал, к чему клонит Юля.

— Ты только не сердись, — воспользовавшись замешательством Геннадия, начала Юлия. Плохо было уже то, что сама Юлия понимала, что в том, что она собирается сказать, есть что-то, за что следует на нее рассердиться.

Геннадий взял салфетку и промокнул ею уже начинающую мокнуть макушку.

Юлия не стала тянуть кота за рога.

— Помнишь, ты мне в очереди говорил про айфоны? Я еще тогда подумала, а почему бы и нам за ними не проследить? —

Юля невинно захлопала глазами, как будто бы речь шла о том, что она собиралась вытащить из холодильника размораживать курицу.

Геннадий замер. Внутри что-то оборвалось. Быть замешанным в шпионаже, да еще межпланетном — это вам не в бирюльки играть. Отношения между ними и альдебарановцами еще очень невинные, послами они обменялись, и дипломатии еще очень-очень много предстоит сделать. Геннадий, как настоящий мужчина, первым делом, конечно, испугался за Юлю (которая, как он предполагал, даже не поняла, куда она влезла и какими это чревато последствиями), что же до себя, он не сильно тревожился, хотя, конечно, ему, как ученому, не хотелось бы быть вовлеченным в межпланетный скандал. Ученый должен быть вне политики! Геннадий внимательно глянул на Юлию. Даже несмотря на все свои страхи, он не мог отрицать некоторую пытливость ума в своей хуторянке. Юлия Альбертовна опять его удивила.

Мужчина постарался скрыть свои эмоции и обратился весь в слух.

— Все это пустое, — вдруг махнула рукой Юлия, всем своим видом показывая, что и говорить-то не о чем.

— Нет уж, нет уж! — мягко проговорил мужчина, усаживая Юлю к себе на колени. — Ну, давай, милая, — подбодрил он её. Получилось очень хорошо. Юлия растаяла — мужчина, когда хочет, конечно, может найти в женщине сокровенные рычажочки. Рассказ потек, как весенний ручей.

— Помнишь, тот день? — Юлия, конечно, имела в виду знаменательный день их знакомства. — Когда они пригласили меня к себе, я попросилась на их корабль, в гости, — пояснила Юлия. Это было очень похоже на нее. — Я уже тогда чувствовала, — вздохнула она, — что никуда не улечу. — Геннадий посмотрел на нее, взгляды встретились, мгновение этого требовало. — Так вот, если я уже предполагала, что никуда не полечу, то я подумала, а не плохо бы узнать — что у них там творится? За тех ли они себя выдают? — Юлия говорила очень ровно, как будто о чем-то обыденном, вообще, она могла быть разной и переходы в ней были часты, не это ли является самым верным признаком настоящей женщины?! — У меня был с собой диктофон...

— Айфон, — мягко исправил Геннадий.

— Нет, нет, диктофон, — тоже мягко проговорила Юлия. — Совершенно случайно.

— Конечно, — кивнул головой Геннадий. — Ну, и?

— Ну, и теперь пишутся все их разговоры, уже записано

несколько папочек, программкой, которую я получила в подарок при покупке, там еще, кажется, есть функции приемника или что-то в этом роде. И даже фонарь... — объяснила, как могла, Юлия. — Хочешь послушать?

Пока Геннадий подбирал слова, Юлия выпорхнула в комнату, принесла маленькое устройство с прицепленными наушниками и тут же нацепила их любимому на голову, не забыв один наушник вывернуть для себя.

До Геннадия долетели первые звуки. Было, что называется, и сладко, и жутко, и до чертиков любопытно, Юлия уселась рядом, и Шнурковы принялись слушать. (Для удобства я буду называть Геннадия и Юлию Шнурковыми, что есть штамп в сравнении с любовью?!) Первый, не совсем утешительный вывод был сделан вскоре после прослушивания нескольких файлов: идейки и цельки у нашего народа были из разряда «без слез не взглянешь», сплошь гаденькие: народ, однако, не смущался и, даже если и осознавал неказистость своих проектов, всё равно пускался во все тяжкие, только бы уболтать альдебарановцев взять их с собой на свою планету, — Юлия со своей квартирой и дачей была просто скромняжка. Попадались такие затейники! Что только не предлагали в качестве взяток! Но самое неприятное было то, что сплошь и рядом были случаи не только «честных» взяток, когда предлагаешь своё, кровное, нажитое, — на каждом шагу было вопиющее разбазаривание чужого, в первую очередь, конечно, государственного имущества. Чего стоил один Пролазкин, особенно неприятно поразивший Геннадия. Этот Пролазкин убедил товарищей с дружественной планеты, что владеет всеми запасами золота на нашей многострадальной Земле, и обнаглел до того, что пообещал одарить всех альдебарановских женщин. Так сказать, всем сестрам по серьгам! Размах чувствовался. Но какой недобрый размах! Вор на воре! Взятчик на взятчике! В головах разброд и шатание, за душойничего (никакого осознания себя во времени и пространстве). Геннадию стало даже тошно от такой человеческой нечистоплотности, от того, как мелко человек думает! Как низко летает!!! Попадались, конечно, и те, которые собирались наладить бизнес, хотели обменяться опытом, надеялись способствовать прогрессу, но какие это были крохи в безбрежном океане пакости...

Геннадий даже обрадовался, что не улетел вместе со всем этим сбродом.

Где-то на пятом файле Геннадий плюнул, до того неприятно было все это слушать.

Юлия на досуге продолжала слушать сама, пока однажды

не ворвалась к нему в кабинет, прихватив с собой приемник. Натянула на милого наушники, как всегда, вывернула один для себя! Предстояло самое интересное — челнок вырвется за слои атмосферы, прощай, Мать-Земля! Чао, бамбино! Улетаем бороздить просторы вселенной! Да здравствует неведомое созвездие!

Юля и Геннадий прилипли к приемнику, затаив дыхание и моля только о том, чтобы в самый ответственный момент приемник не подвел. Что там говорить, во всем этом трепете была и доля зависти. Полетели... счастливчики! Что-то их ждет впереди! Слышались разговоры. Юлия и Геннадий слышали, как корабль вылетел на орбиту и тихим ходом, на третьей космической, чтобы нашим с непривычки не поплохело, лег на курс... Из приемника доносились охи, ахи, вздохи, всхлипы, кто-то даже затыкнул «Как сын грустит о матери...», и вдруг все оборвалось...

Юлия, еще не сообразившая, что произошло, схватила приемник и затрясла его над ухом. Приемник не отвечал, Юлия трясла сильнее, до тех пор, пока побледневший Геннадий не взял его из рук возлюбленной и не поставил на место.

— Что? — Юлия, все еще не понимая, смотрела на Геннадия.

Геннадий встал и заходил из угла в угол.

— Что-о? — не сводила с него глаз Юлия.

Геннадий остановился.

— Корабля больше нет, — ответил он.

— Как нет? — охнула Юлия.

Весь вечер Геннадий и Юлия почему-то молчали. Так, по инерции, дожили день, попили вечерний чай и легли спать.

Юлия спала плохо, всю ночь с кем-то боролась:

— Заговор, беззаконие, — часто срывалось с её губ, под утро она стала всхлипывать: — Я буду... жаловаться, — несвязно бормотала Юлия. Геннадий часто бросал на нее тревожные взгляды, поправлял съехавшее одеяло, в ту ночь он еще раз убедился в том, что его Юлия Альбертовна не просто прекрасная женщина, но и борец, пусть даже взбалмошный и непоследовательный. В других даже на такое благородство не наскребешь...

В ту же ночь у Геннадия родилась теория о мусорщиках вселенной. Мусорщики, исходя из теории Геннадия, могут когда угодно приземлиться, собрать всю шваль и вывести её за орбиту. К утру теория была готова. Геннадий сначала не хотел говорить о ней Юле, но та, проснувшись, тут же почуяла, что за ночь у Геннадия что-то созрело, забралась в кресло и приготовилась слушать. Дослушав, хуторянка вдруг объявила, что

непростительно считать, что ты пришел в этот мир, чтобы завязывать чьи-то хвосты бантиком, и что если бы люди побольше соображали и не мечтали так гаденько, то не наплодилось бы столько подлецов и взяточников! Геннадий не стал спорить, хотя, наверно, тут были нюансы. В теории Геннадия оставалось еще одно слабое место: он никак не мог решить, действительно ли прилетали альдебарановцы или всё это было состряпано собственными органами... в борьбе за чистоту масс. Геннадий, как человек любящий, не стал посвящать в это Юлю, и так в этой жизни много и страшного, и неизвестного.

Шнурковы вскоре перебрались на дачу и, несмотря ни на что, прекрасно зажили, хотя и не раз признавались, что многое было упущено. Вскоре их маленький дачный участок превратился в цветущий оазис. Юля развела замечательные сорта деревьев, разбила клумбу, не без участия Геннадия устроила фонтан, на край которого они вместе посадили гипсовую русалку. В тени деревьев Шнурковы поставили две скамеечки и стали приглашать к себе усталых странников. От странников отбоя не было — рядом была остановка автобуса. Вечерами Геннадий корпел над бумагами, а Юля, с умилением глядя на своего Шнуркова, верила, что однажды Геннадий родит свою самую главную теорию. Одну ведь уже родил, пусть даже она и осталась лежать в ящике.

В поисках неизвестного, или 300 лет совместной жизни

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

А. С. Пушкин

Лера лежала в палате совсем одна, только что кто-то вышел, когда закрыты глаза, только и остается лежать и слушать. Раньше она никогда не замечала, что вокруг столько звуков: стул, кровать, приборы, к которым она была подключена, голубь, плюхающийся на подоконник, — все имело свое продолжение в звуке. «Цап-цап-цап...» — Голубь уверенно, чуть не султаном расхаживал по подоконнику, ворковал, срывался в пропасть, но, ударив клювом о стекло, вскарабкивался обратно. Это хорошо, что Нина оставила ему крошки. Вместе с привычным «цап-цап-цап» слышалось что-то похожее на «ци-ци-ци» — теперь по подоконнику ходили двое, а двое — это толпа, двое — это сила, двое — это... Рядом с голубем топталась голубка. От размеренной неспешности не осталось и следа, голубка задиралась, выхватывала крошки из-под самого клюва голубя, спихивала его вниз, но он, опрокинувшись, каждый раз возвращался.

Дверь раскрылась, сейчас в палату войдет сестра и спросит: «Проснулась, Лерочка?»

Нина взглянула на приборы, подошла и тихонечко спросила:

— Проснулась, Лерочка? — Ресницы шелохнулись. — Вот и хорошо, а то уж скоро твои придут.

Вокруг Нины, словно ларец, набитый звуками, всегда что-то шуршало, скрипело, бухало, Лере все больше нравились «шумные» люди, своею понятностью, сейчас сестра подойдет к окну и...

— Ах ты подлец! — Палец застучал по стеклу, зашуршал пакет. — Прилетел, душа в перьях, да не один! Да что ж это, каждый день пир для тебя устраивать?!

— Дай им, — шевельнула губами Лера и открыла глаза.

— Дам, куда ж денусь! Опустить? — Нина дернула за шнурок жалюзи.

Губы Леры растянулись:

— Расскажи... приходил? — тихо попросила та.

— Да что рассказывать-то, — отмахнулась было сестра, но принялась рассказывать, Лера в последнее время стала для нее

чем-то вроде поверенной. — Был вчера, такой из себя, этакий... толстый, как бочка, — то ли икнула, то ли хихикнула сестра. — А я что, привыкшая, Илья Семенович-то мой, покойник, тоже мужчина был в теле. Царство ему небесное! — Нина задрала глаза вверх к гладкому потолку больничной палаты и наскоро перекрестилась. — Смотрит сейчас на меня...

— Он там радуется... за тебя, — пошевелила губами Лера.

— Да куда там, радуется! Он перед смертью-то знаешь что сказал? «Ты, Нина, здесь шибко-то хвостом не крути! Без глаза не останешься...» Шутник был, царство небесное! Это чтоб я-то хвостом крутила, — хмыкнула Нина. — Ты меня-то видала?

Лера утвердительно качнула головой. Нина была не из красавиц, лицо рябое, будто поклеванное, ножки тонкие, грудь такая, что хоть поднос ставь. Никаких тебе изгибов, мраморных кож, персиковых отливов. Всё как есть, чем богаты, тем и рады...

— Понравился? — прошелестела губами Лера.

Нина задумалась:

— За руку возьмет, жмет, а у меня сердце вроде как жамкает, он опять жмет, а у меня опять жамкает, — провела ревизию своих чувств медсестра.

— А сыну... говорила? — прошептала Лера.

— Что ты! — махнула рукой женщина. — И говорить-то не о чем, всего-то два... свидания было... — Нина пошла пятнами, и Лера догадалась, что ухажер ей был по сердцу.

— Ох, да чего ж мы чешемся?! Твои сейчас придут! — Сестра заторопилась, нажала на кнопку, спинка кровати стала подниматься.

— Удобно? — спросила она.

Лера кивнула и потянулась рукой к тумбочке.

— Дай-ка я... — Покопавшись в Лериных вещах, сестра нашла пудру, от души потерла спонжик и прошлась по носу и щекам Ляли:

— Вот так-то оно лучше! Мужик-то должен лучшее видеть! — Сестра прибрала волосы женщины и протянула Лере круглое, в ажурной рамочке зеркальце.

Лера, глянув в зеркальце, тяжело вздохнула.

— Ты бога-то не гневи! — тут же отреагировала сестра. — От других-то и головешки не осталось, а она вон какая гладенькая, как яичко, и вздыхает... Глядишь, и в другом выправишься... — чуть подумав, добавила Нина.

Лера глянула на нее вопросительно.

— Выправишься, выправишься, — уверенно повторила та. — Столько на своем веку перевидала, знаю, что говорю! Так что

глядись! Глядись! И радуйся! — чуть не приказала сестра.

Лера посмотрела в зеркало. Бледное, изможденное лицо, бескровные губы, желтый синяк еще не прошел, а порезы уже затянулись. Нина права: заживает, как на собаке, и гладенькая, как яичко. Опустив зеркальце, женщина как будто еще что-то хотела попросить у сестры, но всё не решалась.

— Нина, посиди со мной, когда... они придут, — наконец проговорила она.

— Ишь что выдумала! — отмахнулась сестра. — К ней муж с сыном придут, а ей тетку чужую подавай. Найдете о чем говорить! — отрезала Нина и вышла из палаты.

— Ах, какие красавчики! — цокнула языком сестра, поправив появившиеся на Лериной тумбочке цветы. — Вроде как колокольчики, только мясистей... и размеров слонячих...

— Нет, не похожи, — глянув на орхидеи, проговорила Лера. — Нина, я, кажется... люблю орхидеи...

По щеке больной покатилась капля. Нина, шумно вздохнув, потопталась возле кровати, опустила тяжелую пятерню Лере на голову.

— Ну, будет, — погладила она её. — Что реветь-то... Потихоньку... Полегоньку...

— Один шанс из ста, — пролепетала Лера.

— Так один, зато твой! Тебе зачем много?!

— Нина... ничего... ничего не помню, — прошептала Лера.

— А ты не реви, тебе что было велено? Ждать! — твердо проговорила Нина. — Ирина Горилловна хоть и гримза, но врач от Бога, тебе ж было сказано — воспоминания, может, враз одной волной как нахлынут, а может, и по кусочкам возвращаться станут. А ты кусочки-то эти собирай, собирай, глядишь, и получится картинка. — Нина говорила спокойно, уверенно, и казалось, что именно так всё и будет.

— Про пазлы-то знаешь? — продолжила втолковывать сестра. — Я Федьке своему недавно купила картинку на двести пятьдесят писов⁴. — Нина недовольно скривилась. — Во какие слова-то подсовывают, как будто своих нет... Сначала думала, мамочки родные, да как же из этой кутерьмы собрать что можно? А Федька ничего, на пол усядется, всю эту кучу перед собой вывалит, тыр-пыр, тыр-пыр, где верх, где низ — ничего не разобрать, сидит, пыхтит, иной раз и псих его накроет, не без этого, — ухмыльнулась Нина, — бросит все эти писы к едрене фене, а сам ходит, ходит кругами, как лисица, облизывается и опять садится, а там, глядишь, один кусочек, другой —

и картинка-то собирается...

— Со... бирается? — запнулась Лера.

— А куда ж денется?! — подтвердила сестра.

Лера провела рукой по кровати, Нина права, нужно потихоньку начинать собирать картинку.

— Расскажи про Федьку, как маленький был, — попросила она.

— Как все был. Ребенок как ребенок. Только уж слишком в складочку, как собачка, — хмыкнула Нина. — Порода вот только забыла, у неё кожу три раза вокруг неё обмотать можно... А однажды кувырк — и об пол! — вдруг вспомнила Нина. — Всё было!

— Дети без этого не растут, — кивнула Лера и вдруг схватила сестру за руку. — Ниночка, а вдруг Ирина... только так... успокаивает?

— Да что ты говоришь-то?! — чуть не отдернула руку сестра. — Прошли те времена, когда голову-то морочили. Нужна ты кому, комедь перед тобой ломать! — Нина всем своим видом дала понять, что ей даже противно от Лериной глупости.

Пациентка внимательно посмотрела на сестру:

— А как... сейчас? — спросила она.

— А так, вызывают и говорят: «Вам, Иван Иванович, осталось столько-то и столько-то. — Нина задумалась. — По поводу путевки в санаторий на следующий сезон можете не хлопотать. Пусть другие съездят, „Боржом“ попьют».

Лера усмехнулась:

— Честно.

— Да, честно, — подтвердила сестра.

— Так оно лучше...

— Да кто ж его знает, как лучше... — Нина прошуршала по палате, проверила капельницу и, пробурчав себе что-то под нос, вышла.

К Лере теперь ходили часто, после того, как она нашлась, муж и сын старались не пропускать приёмные часы и появлялись при первой возможности. С ними Лера держалась молодцом, но после погружалась в апатию, но однажды Нина застала её в беспокойном, приподнятом настроении.

— Вспомнила? — тут же всколыхнулась сестра.

— Нет, — спокойно ответила Лера. Но в этом её «нет» не было недавних охов-вздохов, простая констатация факта.

— Нина, мне нужна твоя помощь, — без колебаний начала Лера. — Я хотела попросить, чтобы ты к моим сходила...

Нина не сразу поняла.

— Два мужика... сидят... голодные... — объяснила Лера.

— Схожу! — тут же откликнулась сестра. — Хвалиться не буду, но борщ у меня такой... за уши не оттащишь...

— Нина, ты каждый день ходи, — не дала ей договорить Лера.

— Как каждый день? — уставилась на неё сестра.

— Как на работу, мы тебе и платить будем, — проговорила Лера так, как будто бы Нина на все уже дала свой согласие. — Я и с мужем договорилась. Посмотришь там, что да как...

Нина внимательно посмотрела на пациентку:

— Ох, и хитрющая, — проговорила вдруг сестра и аж зарделась от собственной догадливости. — Это ж ты не просто так меня туда засылаешь. К мужикам своим приставляешь, сторожить! — сверкнула глазами Нина.

Лера не стала её разубеждать.

— Это ты правильно делаешь, — неожиданно похвалила ее сестра. — Мужик сейчас такой, кто перед ним лучше спляшет, туда он свой клюв и развернет... инфантильный... — Нина, благодаря знаниям, почерпнутым в журналах, оставленных пациентами, с некоторых пор стала подкованной во многих областях, особенно по части плетения тонкого кружева взаимоотношений инь и ян, и не упускала случая козырнуть ими.

— Вот и договорились... — обрадовалась Лера.

Нина приступила к своей второй работе на следующий же день. Лера со своим предложением оказалась очень кстати: Федьку поднимать надо, Илья Семенович со своим уходом явно поторопился, а с Алексея, нового хахаля, пока взятки гладки, сплошная неопределенность, у неё-то в груди жамкает, а у него? Чужая душа — потемки... Работа, по Нининым меркам, была почти что курорт. Борис, муж Леры, оказался незатейливым интеллигентиком, как его про себя окрестила Нина: чистенький, аккуратненький, неприхотливый, как диффенбахия, на каждом шагу спасибо-пожалуйста и ест всё, что ни дай, хоть салат из одуванчиков. Сын Степка в общем такой же. Лере с ними очень повезло. Подозрения же Леры по тому самому вопросу Нине вообще показались беспочвенными, весь дом как будто только и дышал её возвращением из больницы.

Заступая на смену, Нина теперь первым делом рассказывала Лере, как у них прошел предыдущий вечер. Лера с нетерпением ждала свою утреннюю порцию.

— Вчера пришел поздно, — как-то утром сообщила Нина. —

На работе какие-то нелады. Вроде как проект должен сдать, срок вышел...

— Проект?! — Лера старалась подобрать каждую крошку из того, что приносила Нина.

— Проект, — кивнула Нина. — Он у тебя инженер, оказывается, да что ж это я? — спохватилась сестра. — Я же вчера пылесосила, под кроватью нашла. — Из кармана вынырнула визитная карточка.

Лера с жадностью её схватила.

— Конструктор... Вертолетостроение... — чуть не подбоченясь, будто Борис был ее собственный муж, проговорила Нина. — Мужик стоящий. Ему постоянно кто-то трезвонит, советуется, а он консультирует... — Нина задумалась, подняла руку, растопырила пальцы и покрутила кистью в воздухе, скорее всего, изображая вертолёт. — Никаких следов баб нет, — не забыла отчитаться и по этому вопросу Нина. — По мне так и не было... А если и были, то теперь уж точно ни одна мышь не прошмыгнет, — не удержалась, чтоб не похвастать Нина. — Степану рубашки вчера перегладила, а Борис свои не дает, сам, говорит, и все тебе тут! Ты б поговорила с ним, Лер? — приглушив звук, конфиденциально попросила женщина. — Нехорошо как-то, я вроде как на хозяйстве, а у меня мужики утюгами орудуют. Ему что, вертолетов мало?

Лера кивнула, прокручивая в голове только что услышанное. Память, как будто бы провинившись перед ней, впитывала всё до малейших подробностей. Нужен был каждый кусочек. Ирина Гавриловна говорила, что любая зацепка может послужить толчком к воспоминаниям.

Чем ближе дело шло к выписке, тем ненасытнее становилась Лера, дошло до того, что она попросила Нину пролезть дома во все шкафы и антресоли. Нина хоть и со скрипом, но работу выполнила, уже давно догадываясь о том, что дело не в одних только хищных бабах, следы которых ищет Лера... Дня за три до выписки Лера всунула ей в руку список, в котором оказалось штук двадцать вопросов, на которые «хоть ты тресни!», но ей нужно было знать ответ.

Вопросы были самые разнообразные. Где и когда они проводили отпуск? Какие фильмы предпочитает Борис? Любит ли Степка чипсы? Какими болезнями он переболел в детстве и откуда в гардеробе Бориса появилась розовая рубашка. Нина и с этим заданием расправилась. Про Степку она все узнала на правах медработника, разглядев какой-то прыщик на Степином носу, — перепуганный Борис тут же всё и выложил. А история розовой рубашки оказалась и вовсе банальна: подарок сослуживц

на 23 февраля. Интересно девки пляшут!

Пребывая в каком-то расшатано-возбужденном состоянии перед самой выпиской, Лера поделилась со своей помощницей и вовсе сокровенным:

— Нина, а я ведь должна быть еще и... полноценной женщиной, — несколько стушевавшись, выговорила Лера.

— Будешь, — совсем не удивилась вопросу сестра, отношения между женщинами были все более доверительные, да и как по-другому, Нина теперь чего только не знала о Лере и её семействе, а уж о себе сестра с самого начала рассказывала щедро. — Голова-то для этого дела не нужна, — успокоила её Нина. — Хороший мужик сам знает, что с тобой делать, а ты по первости не ягози... Потихонечку...

— Вот и я так думала, — кивнула Лера.

Перед самой выпиской Лера заглянула к Ирине Гавриловне поблагодарить, еще раз выслушать рекомендации и напутствия своего лечащего врача, попросить о маленьком одолжении.

Вторник был днем выписки. Борис взял пару отгулов, хотелось хотя бы на первых порах помочь жене обжиться. Лера находилась в прекрасном расположении духа, Степка помогал собирать вещи, Ирина Гавриловна заглянула в палату и, оглядев пакующееся семейство, удалилась. Борис, воспользовавшись моментом, вышел за ней, догнал, уже когда врач заходила в свой кабинет.

— Можно?

— Прошу вас... — пригласила Ирина Гавриловна. — Да вы присаживайтесь, — перешла сразу к главному доктор. — Ну, что ж, в последнее время наметилась положительная динамика... вас можно поздравить... выписываетесь...

Борис сидел ни жив ни мертв. Сколько им за последнее время пришлось всего пережить, исчезновение, потом эта кошмарная авария, а потом снова, как обухом по голове... Хотя Ирина Гавриловна никогда не отнимала надежду... Борис от радости с трудом соображал: «Неужели Лера снова станет их Лерой и весь этот ужас останется позади?»

Мужчина поднялся со стула, похлопал по карману, спохватился, опять сел.

— Доктор, это уже... окончательно?

— В мире нет ничего окончательного, сплошное движение. — Доктор посмотрела сквозь Бориса. — Но вот то, что она может вспомнить даже то, что вы забыли, вполне вероятно... — то ли в шутку, то ли всерьез добавила доктор.

— Спасибо! — Борис вскочил со стула, схватив доктора за руку, сильно затряс.

Уголки тонких губ Ирины Гавриловны дернулись, сколько она таких перевидала, сегодня в ножки кланяются, а завтра забудут, как зовут.

Дома было замечательно! Леру действительно долго ждали. Жизнь потихоньку устаканилась. Утром она готовила завтрак, провожала своих мальчиков в школу и на работу, между делом поглядывала на Бориса и украдкой целовала в макушку сына, Степка морщился, но терпел, раньше, может, и шикнул бы на мать, но теперь не осмеливался. В общем, к Лере относились, как к китайской вазе: баснословно дорогой, но очень хрупкой. Когда все расходились и Лера оставалась дома одна, маленькая хозяйка своего нового дома снова и снова переворачивала ящики, прочесывала шкафы и антресоли в поисках неизвестного.

В конце октября в семействе намечалось радостное событие: Триста лет совместной жизни! Раньше всегда куда-нибудь уезжали — Венеция, Рим, Стамбул... а теперь хотелось побыть дома, втроем, со Степкой.

Лера накрыла стол, достала тканую скатерть, два подсвечника. Гулять так гулять. На столе появился гусарский напиток, Степка прицеливался, надеясь пустить залп. Блюдо выплыло из кухни. Борис повел носом, смесь трав, сушений, корений.

— Индейка под сливочным соусом! — Лера торжественно поставила блюдо на середину стола. — Как ты любишь! — проговорила она, глянув на мужа.

Борис замер, во взгляде промелькнуло что-то похожее на испуг. Лера как будто вся сжалась, еще мгновение — и она вся пошла бы трещинами, но лицо мужа уже переменялось.

— Какая же ты... хорошая... — Борис не договорил, Лера зависла в воздухе, обвив руками шею мужа, один тапок соскользнул и упал на пол. Спугнув голубков, рядом все-таки бахнул Степка. Все наконец расселись.

Кромсая индейку, Борис стал припоминать, как жена приставила к ним домомучительницу и та на каждом шагу все высматривала да вынюхивала, куда только свой нос не сунула, кажется, спрашивала и про любимое блюдо, а он ляпнул первое, что пришло в голову... Вот так троица... Он-то думал, Лере её просто жаль, а тут вон какие тайны... И Ирина Гавриловна ведь толком ничего не сказала, кинула что-то на затравочку, а он и рад подобрать крохи...

Шампанское зашумело в бокалах. Первый тост был за триста лет совместной жизни!

Впереди у них было столько же...

Закатившийся апельсин

— Алло, алло! — Жанна почти кричала в трубку. — Срочно вызовите наряд и скорую!

— Что случилось?

Женщина замолчала, внимательно прислушиваясь к тому, что ей говорили, последовали несколько типичных вопросов, как и требовалось по инструкции. Жанна честно попыталась успокоиться и довольно спокойно, во всяком случае для человека, который стал свидетелем аварии, начала отвечать на вопросы.

— На пересечении Биноклевой и Проспекта кинематографов, — сообщила женщина. — Со мной всё в порядке, а вот им, им! — Голос взвился. — Им требуется помощь!

Оператор Артем Лягушакин, привыкший к подобного рода скачкам напряжения, внес адрес, на экране сразу же высветилось сообщение: «Уровень реагирования низкий: держать на контроле, после исполнения закрыть заявку». Осталось только успокоить дамочку, поинтересоваться, нужна ли ей самой помощь, и, если нужна, попросить оставаться на месте до прибытия кареты скорой помощи, среди команды медиков обязательно будет и психолог. Оператор посмотрел на другой монитор, от с завыванием летящей скорой до места аварии оставалось 5 км 476 м, судя по дорожной обстановке, она будет на месте через полторы-две минуты.

Артем вытянулся за пультом, звонившая была уже четвертой сообщавшей о данном происшествии, однако самое первое сообщение поступило вовсе не от бдительных граждан. Происшествие было зафиксировано камерой наружного наблюдения, привинченной к одному из столбов, как раз напротив места аварии, с неё-то и поступил сигнал. Камера уловила характерный звук, треск, провела визуальную сверку, сравнение контуров, и система с достоверностью девяносто пять процентов определила, что произошла авария. Дальше шла веерная рассылка городским службам, включая дорожную инспекцию, скорую, страховую. После того как они выполняли свою часть работы, за дело брались brave ребята из службы благоустройства — последним штрихом шла мойка дорожного покрытия шампунем. По инструкции не более чем через пятнадцать минут после аварии место инцидента должно было быть приведено в надлежащий вид и сдано в эксплуатацию.

Лягушакин хотел было уже переключиться на следующий звонок, но тут вдруг вспомнил, что забыл поставить одну важную

галочку. Распознаватель голоса вывел на экран личную карточку звонившей. Ею оказалась Пружинкина Жанна Ивановна. Карточка содержала стандартную информацию, всё, что в ней было сейчас, Лягушакина не интересовало, за исключением последнего пункта. Последней строкой стояла «Бдительность» (раньше этот пункт назывался «Лояльность», однако от прежнего названия буквально веяло «вялостью» — и его поменяли на более энергичное, бодрое). За этот год Жанна Ивановна успела набрать двести тридцать баллов! Артем аж присвистнул, еще десять баллов — и Жанна Ивановна подползет к заветной кепке, а еще через тридцать баллов станет обладателем новой надувной кружки! Молодой человек поставил Пружинкиной еще одну честно заработанную галочку. Данные по этому пункту вносились с особенной аккуратностью, суммировались, архивировались и хранились (с обязательным дублированием) в современном дата-центре, в одном из бывших бомбоубежищ. Если бы на каком-нибудь этапе хотя бы крючок из драгоценных сведений был стёрт или утерян, пара-тройка государственных мужей, как пробки, вылетели бы из своих насиженных кресел.

Экранная Жанна Ивановна бочком выехала в прямоугольник монитора, улыбнулась и заблмыкала глазами (конечно, это была только запись, сама Жанна Ивановна во плоти, крови и в новом платье находилась пока на месте аварии). Оператор, вытянув лицо огурцом, придал ему официальное выражение и выпалил: «Благодарим за помощь и внимание к окружающим! Будьте аккуратны на дорогах!» Артем залихватски, как учили на тренинге, улыбнулся: такие товарищи, как Жанна Ивановна, до последнего будут торчать на месте происшествия, потом побегут домой, войдут в сеть, проверят, не забыли ли им накинуть балл, и не успокоятся, пока раз пять не прослушают благодарственное сообщение.

— В Багдаде всё спокойно, — хмыкнул себе под нос молодой человек, проверив несколько наружных, развешенных в разных концах города камер, и опять вернулся к звонкам.

Следующий звонок носил скорее бытовой характер. Раньше такие звонки поступали в основном от старающихся выслужиться бабулек, теперь этот показатель стремительно молодец.

— На проводах!.. — задребезжал в трубке голос. — Эта дрянь... Little Sugar White! — кто-то закашлялся. — Алле! Вы меня слышите?! Ку-ку!

— Слушаем вас, Мария Гавриловна, — среагировал оператор. — Вы хотите что-то сообщить?

Мария Гавриловна, услышав, что к ней обращаются по имени-отчеству, расцвела. Что поделаться, всё течет, всё изменяется, а старики, как и раньше, страдают от недостатка общения. Отсюда и частые названивания в службу немедленного реагирования. Конечно, на инструктаже их предупреждали и об этом: для стариков телефон в их службу был будто мёдом намазан, не говоря уже о том, что после того, как пенсии были сведены к мизеру, а для некоторых категорий граждан и вовсе упразднены, многим пенсионеркам пришлось искать подработки, самые дальновидные заключили контракт с госорганами, предоставляли, куда надо, сведения, органы в ответ начисляли баллы, конвертируемые в гречку, тушенку или твердую валюту — юани и рубли.

— Это я, — захихикала старушенция, но, вовремя вспомнив, зачем, собственно, звонит, продолжала: — Так вот, Малышка Sugar White⁵ опять нагадила в подъезде. (При упоминании Little Sugar White открылся смежный файл, на экране появилась мохнатая морда белой болонки. Болонка, судя по сопровождающей фото справке, была из элитных, бабушка по отцовской линии не раз выезжала во Францию и участвовала в рекламе шампуня, в хозяевах болонки значился некий господин Прутенков.) Артему потребовалась пара секунд, чтобы ознакомиться с информацией.

— Это просто непостижимо, — высморкалась старуха. — Я только вчера купила новые туфли, на низеньком каблучке, помогают при варикозе, стоят уйму денег... Слава богу, могу себе такие позволить... выхожу... и что вы думаете...

Оператор не перебивал собеседницу, по опыту зная: если человек намерен высказаться, то ничего его не остановит. Чаша изливалась долго. Едва управившись с разнузданными нервами, старушка, кряхтя, собрала себя в кучу и наконец кое-как изложила суть проблемы... — Это возмутительно! Неэстетично! — задребезжала она. — Сахарная Крошка уже в третий раз за эту неделю безобразничает в подъезде, и это в доме, где живут одни академики!

— Академики? — машинально повторил Артем.

— Академики, а что? Я живу на Арбате, — нахохлилась старушка. — Хотя... был один космонавт. Двадцать лет проболтался на орбите... — захихикала старушка. — А как вернулся, глянул на наши нововведения, сказал, что у нас камер больше, чем народу на сенокосе, и все мы с ума посходили, грозился вернуться тудась. — Артем догадался, что подразумевается космос. — И со всех спутников это самое оборудование посымать... Диверсант, — понизив голос, сообщила

бабулька конфиденциально, но тут же голос ее взвинтился: — Куды там! Помер... Но я-то знаю, отчего с ним случилась эта неприятность. — В трубке послышалось напряженное сопение, Артем же приготовился выслушать версию об умышленном убийстве, заговоре, зловредных кознях, но старушка его обскакала. — От него жена ушла, пока он барахтался на орбите, — зашептала в трубку Мария Гавриловна. — Лично мне сообщила, что у него еще после первого полета... тавось... Ну, вы понимаете... без гравитации-то и тренировки что хочешь ослабеет... Жалко человека, да? — Мария Гавриловна спохватилась, сообразив, что разговор убежал совершенно в другую сторону. — А я получу... компенсацию? За туфли? — перепрыгнула на интересующую её тему она. Повисло застенчивое молчание, Артем почувствовал это даже на расстоянии. — Они, конечно, не совсем испорчены, но как я буду в них ходить-то после этого? — подлизывалась старушка.

— Одну секундочку! — Пальцы Артема запрыгали по клавишам, пауза была не случайна. Обработывая звонок, нужно было обязательно выйти на камеры, чтобы проверить достоверность поступающей информации (как ни странно, среди мухлюющих больше всего было именно бабусек, уж очень заманчивым был паёк.). Артем сверил адрес, по которому жила Мария Гавриловна, получил доступ к камерам в её подъезде, осмотрел место происшествия. Камера была установлена как раз на выходе из лифта. В нескольких шагах стояла собственной персоной Мария Гавриловна с телефоном в руке. От лифта до нее вело несколько мокрых следов, в том, что Мария Гавриловна вляпалась, сомневаться не приходилось, похоже, Сахарная Крошка действительно набезобразничала и господину Прутенкову придётся раскошелиться, если, конечно, после проведения экспертизы вина Крошки будет доказана.

«У вас сохранился чек на туфли?» — хотел было уже спросить оператор, но вдруг выскочило еще одно сообщение: «Господин Прутенков и Мария Гавриловна Кулакова состояли в законном браке тридцать пять лет, после чего не совсем благополучно расстались». Ага, вот ты какая, лапша! Артем внимательно прочитал сообщение, похоже, дело было не в одной красоте-безобразнице. Болонку просто используют! Скорее всего, Мария Гавриловна тоже насолила господину Прутенкову, и теперь они по очереди шпыняют друг дружку и только и мечтают о том, как бы так изловчиться, чтобы укусить обидчика побольнее!

Кто бы мог еще недавно подумать, что госслужбу можно использовать вот так, в своих личных, меркантильных целях. Народ ни в коем случае нельзя недооценивать, подобное

сотрудничество с властью имущими было скорее симбиозом, где каждый извлекал свою выгоду. Кстати, образовывались не только пары, но и целые группы сцепившихся меж собой личностей. Правда, для участия в группе нужно было иметь более энергичный характер, потому как подсматривать приходилось уже не за одной личностью, а за целой тучей представителей общественности. Власти сразу оценили эту инициативу: помимо того, что в голову занятых поеданием друг друга граждан приходит меньше отвлеченных мыслей, так еще данная инициатива помогла в решении насущной проблемы, а именно в системе видеослежения до сих пор кое-где еще в буквальном смысле зияли дыры — человек исчезал из поля зрения одной камеры и появлялся под прицелом другой только через несколько секунд, некоторые «слепые» зоны постирались аж на десятки метров, за эти несколько секунд и несколько метров свободного полета чего только можно было не натворить. Вот здесь-то и пригодились активисты групп и группочек. В общем, давно работал принцип: один глаз хорошо (имелся в виду беспристрастный глаз видеокамеры), а три лучше (система «Циклоп»).

Что касается дела Сахарной Крошки, его нужно было незамедлительно передать в отдел взаимных компенсаций, а там уже пуща бодаются адвокаты.

— Только я вас прошу, не направляете меня в отдел взаимных компенсаций, — ловко опередила оператора Мария Гавриловна. — У меня, знаете ли, не та пенсия, чтобы позволить себе хороших адвокатов!

Старушка жалостливо заохала в трубку.

Артем проверил несколько банковских счетов Марии Гавриловны, сумма набегала приличная. Старушка и тут юлила. Шустрая Мария Гавриловна, кажется, хотела самолично причесать своего бывшего, не доверяя никаким адвокатам.

— Ну, пожалуйста, — протянула старушка. — Ну, зайчик! Ну, киска! Ну, рыбочка!

Артему, в принципе, было все равно, куда отфутболить заявку, принять вещдоки могли и там.

— Хорошо, — согласился молодой человек.

— Когда можно подъехать? — зашебетала Мария Гавриловна.

— Сегодня.

— С туфлями?

— Да, конечно.

— И с мерзавкой?

Артем не совсем представлял, как можно приехать, прихватив с собой чужую болонку (судя по приложенным к файлам

документам, Сахарная Крошка и часть другого имущества после развода отошла к Прутенкову), поэтому попросил Марию Гавриловну приехать без собачки. Оператор и звонившая очень любезно попрощались.

Следующий звонок поступил с улицы Туристов, мужчина, запинаясь и заикаясь, сообщил о недавно совершенном там преступлении. Ограблении!

Артема как будто опустили в ванну со взболтанной пепси-колой, так у него везде мелко приятно засвербело. Наконец-то серьезное дело.

Открыв новую заявку, молодой человек дождался, пока на месте преступления появятся молодчики из МВД, опросят свидетелей, применят дедуктивный метод, выйдут на след и наконец схватят двух мужиков, прущих на себе коробку «Мишек косолапых», мужиков Артем уже засек на одной из камер.

Молодой человек хотел было уже отправиться на обед, но кнопка опять призывно замигала. «Ладно, последний...» — Артем ответил.

— Оксид углерода, диоксид углерода, цианистый водород, соединение... — бойко перечислял звонивший.

— Все данные нужно сдать лично, в третье окошко, — прервал звонившего Артем и назвал адрес. — А потом туда же подъехать для получения компенсации.

«Очередной счастливчик», — подумал молодой человек.

Штраф за курение теперь выплачивался не в бюджет, как раньше, а в пользу лица, зафиксировавшего курильщика. После того как нововведение вступило в силу, население будто взбесилось, все накупили себе приборчиков, улавливающих дым, и устроили настоящую охоту за курильщиками, с выслеживанием, засадами. Курильщики теперь шарахались от каждого шороха, а по данным недавнего отчета по борьбе с заразой, по всей стране их можно было наскрести разве что несколько сотен. Некоторые особо рьяные борцы уже успели сколотить на этой акции целое состояние.

Артем оторвался от монитора, вокруг копошилось полторы тысячи уткнувшихся в экран сотрудников, в глазах у него прыгали искорки, плавали кораблики. Молодой человек, выгнувшись дугой, от души потянулся, встал и потопал к выходу. В коридоре его поймал стеклянный глаз камеры, Артем завернул за угол, изображение было передано на соседнюю камеру, камеры так

и передали его из рук в руки, пока молодой человек не дошел до комнаты отдыха. Усевшись на уютный диванчик, молодой человек закрыл глаза, расслабил члены — даже от любимой работы порой хочется отдохнуть.

Артем обожал свою работу. Во-первых, на его работе можно было быть одновременно и следователем, и сыщиком, и психологом, и даже врачом (однажды ему пришлось принимать удаленно роды — и такое случалось!). Во-вторых, задействованы были и внутренние механизмы, ощущение значимости того, что ты делаешь, он был не просто оператор, он обеспечивал безопасность — на улицах теперь тишина и покой, сплошное умиротворение, никто никого не грабит, не режет, не насилует, за кошелек не пришибает, пылу-жару поубавилось — население знает: от всевидящего ока не спрятаться — не скрыться! Благодаря работе таких, как он, общество в скором времени избавится от худших, низменнейших своих черт и, сбросив с себя шкурку, предстанет в еще невиданном доселе свете! И третье, если все-таки хотелось чего-нибудь этакого, то, опять же, где это взять, как не на такой работе, только здесь еще можно было поймать драйв, люди с мостов сигают, за ногу привязавшись, чтобы получить нужный градус, а тут все то же самое, не отрываясь от стула.

И еще, на работе можно было и пошалить... Артем в этом смысле не был исключением. Большинство его коллег грешили тем, что под прикрытием служебных функций кадрили понравившихся девушек. Понять молодых людей было можно, работающие с ними девушки почему-то, как на подбор, были одна другой мыростее, а в нерабочее же время на улице кадрить девчонок многие стеснялись: не хотелось нарваться на коллег со своего же наблюдательного пункта.

Возвратившись с отдыха, Лягушакин начал шарить по камерам. Под Крымским мостом пристроилась влюбленная парочка, влюбленные терлись и обжимались, товарищам было наплевать на то, что за ними кто-то наблюдает, лишь бы не вмешивались. Лягушакин на эти слюни насмотрелся еще в первые месяцы работы, приелось. Изображения, одно подгоняя другое, замелькали на экране. Взгляд за что-то зацепился. Молодой человек перелистнул несколько картинок обратно и увидел на экране высокую, стройную... Вах! Глядя на девушку, Лягушакин выкатил грудь колесом, Артем заулыбался и с всё большим интересом стал разглядывать изображение. Волосы русые, краска «Донна-Беладонна», наметанным глазом определил

молодой человек. Длинное, чуть не волочащееся платье куплено в «ХХХмаксе» за пятым кольцом МКАДа... Артем намеренно не стал заглядывать в карточку незнакомки, хотелось помучить себя неизвестностью. В руке у девушки была сетка с апельсинами — в этом было что-то экстравагантное!

Лягушакин продолжал наблюдать, ловя себя на мысли, что с каждой секундой ему хочется все больше и больше, а именно услышать голос незнакомки, дотронуться до волос, побаловаться с рожками... Ух-х! Артем дернул головой, чтобы привести в порядок мысли. Девушка шла вдоль улицы. Лягушакин вошел в режим отслеживания объекта, теперь не нужно было скакать от одной камеры к другой, чтобы не потерять ее из виду. Артем весь завибрировал... но формального повода заговорить пока не было. Потыкав на плюсик, молодой человек попытался увеличить изображение... Секунды текли, а Лягушакин так и оставался немым и невидимым в то самое время, как все в нем уже готово было заявить о себе!!! Поедая ее поездом, он мечтал о том, чтобы с девушкой что-нибудь приключилось, лучше всего было бы, если бы она прямо сейчас подвернула лодыжку (из курса оказания первой помощи почему-то в голову лучше всего втемяшился пункт о перевязке конечностей). Он бы пришел ей на помощь, сделал всё, что нужно по инструкции, а потом... дня через три позвонил ей снова, попросил оставить отзыв о работе спасательных служб, как-нибудь намеками, полутонами стал бы подбираться ближе, ближе и ближе, и, наконец, они бы оказались у него дома, на всхлипывающем диванчике...

Текли уже не секунды, а минуты, на экране ничего не происходило, за исключением того, что девушка, пару раз озабоченно поправив волосы, продолжала путь, размахивая сеткой с апельсинами. Лягушакин не отлипал от экрана, внутри всё ныло, тянуло, гудело, вдруг один апельсин из сетки нечаянно выскочил и покатился по дороге.

Лягушакина чуть было не разорвало от радости.

— Гражданка, — проговорил, не узнав своего голоса, Артем.

Девушка на экране дернулась.

«Как нежная лань», — стер со лба пот Лягушакин.

Дева тем временем вздёрнула головку, захлопала ресницами и уставилась прямо в камеру. Лягушакин опешил. На него никто никогда так не смотрел! В упор! Большими синими глазами, в которые вылились все девяносто земных морей! Лягушакина уже ничего не могло спасти, ничего, кроме профессиональной выправки, — с языка слетела заученная, тысячу раз сказанная до этого фраза.

— Рад приветствовать! Городская служба наблюдения, —

выпалил молодой человек.

Человек, если только застичь его врасплох, выплеснет целый коктейль разнообразных эмоций. Будут тут и испуг, и раздражение, и радость, и даже страх. А иногда всё в кучу, и даже не поймешь, что преобладает.

По лицу незнакомки пробежало что-то больше похожее на недоумение.

— Что вам? — процедила девушка. Голос у незнакомки был несколько грубоват, с хрипотцой.

— Я... хотел... — стушевался Лягушакин, от официальной брони не осталось и следа.

Выражение лица девушки моментально поменялось. Стало опять мягким, даже зовущим...

— У вас закатился апельсин, — пролепетал Лягушакин.

— Ах, да... — Девушка наклонилась, приняв живописную позу, у бедного Лягушакина в трехсотый раз перехватило дыхание. Девушка поймала апельсин и теперь стояла и улыбалась. — А у вас сегодня замечательная голубая рубашка, — как-то похохатывая, произнесла она. — Она вам очень идет.

Лягушакин раскрыл рот от удивления. Конечно, он не сразу вспомнил, что не только у него, а у всех сотрудников службы наблюдения голубая форма, и узнать об этом совсем не сложно, заглянув на сайт службы, однако в голове Лягушакина одно с другим состыковалось не сразу.

Девушка, так и не дождавшись ответа, хмыкнула и пошла дальше. Лягушакин тоскливо проводил ее взглядом, повода задерживать ее не было. Девушка прошла несколько метров, потом вдруг обернулась, жеманно сплющила мордочку, легко подхватила юбку, задрала ее повыше и понеслась по улице, как ошалелая. Под юбкой замелькали армейские ботинки сорок пятого размера.

Лягушакин вскочил со стула.

Голова девушки тем временем как-то неестественно съехала в сторону, она на лету поставила её на место, но та опять отпрыгнула в сторону. Девушка рванула себя за локон и откинула голову в сторону. Мужик, коротко подстриженный бобриком, размахивая сеткой с апельсинами, понесся вдоль по улице...

— Стой! — почти закричал Артем, схватившись руками за экран, тут же обрушился на стул, набросился на клавиатуру, через несколько секунд засек мужика на одной из камер, но не успел он его зафиксировать, как в объектив полетел большой, круглый, золотой апельсин!!! Лягушакин инстинктивно отпрянул. Камера разлетелась вдребезги, вместо неё замигала

веселая заставка.

Лягушакин, опешив, схватился за ручки кресла, лямур давно уже вышибло из головы. ЧП районного масштаба! Надо было во что бы то ни стало поймать преступника! Если мужика упустить, его самого затаскают по кабинетам, заставят писать ворох объяснительных и, скорее всего, вычтут из зарплаты стоимость испорченного оборудования. На этой неделе ему не видать звания лучшего сотрудника.

Странная заставка исчезла, все текло так, как будто бы ничего не произошло. Артем порыскал по закладкам, проверил количество поврежденных камер, оно было равно нулю, попытался вытащить информацию другим способом, но наткнулся на несколько запароленных папок, чему был крайне удивлен. Оказывается, у него не ко всему есть доступ, Лягушакину стало вроде как даже обидно, он, значит, верой и правдой, чуть ли не 24/7, а тут какие-то секреты. Молодой человек обвел глазами затылки коллег и решил тряхнуть стариной, недаром именно его руке принадлежало знаменитое «Руки прочь от любимой Родины!», начертанное когда-то на сайте вражеского Пентагона.

На взлом ушло не более трех минут. По всему городу метались мужики с оранжевыми апельсинами, камеры стремительно выходили из строя, Артем оторвал глаза от экрана, на мониторах сидящих вокруг коллег все было безмятежно спокойно, поступали звонки, в количестве поврежденного оборудования значился все тот же бублик.

Артем бросился к окну, прислонился лбом к холодному стеклу и, как замороженный, наблюдал за тем, что творится внизу. Люди куда-то неслись, громили магазины, сметая всё на своем пути, двое мужиков тянули на горбу три коробки «Мишек» и «Красных шапочек». Возле разграбленного магазина Артем заметил свою знакомую Марию Гавриловну. Старушенция приволокла за собой Сахарную Крошку, намотала вокруг собачьей шеи конец длинного шарфа и уже прицеливалась к стоящему рядом столбу.

Артем, как ошалелый, бросил вниз, все еще надеясь спасти болонку.

Царица, Богиня и Утка

— Нет, ну Вы же понимаете, это всё не то! — Господин Перьев, конечно, не вскочил со стула и ни одним лишним движением не выдал крайний предел своего возмущения, но уже в том, что он повысил голос, было что-то!

Эффектная реплика возымела свое действие. Сидящая перед ним Людочка, Людмила Сергеевна Флоксова, попробовала зайти с другого боку. В конце концов, уметь разговаривать с клиентами, ублажать их, если хотите, — это то, чему её учили, и уж в чём в чём, а в этом она была профи. Девушка еще раз оглядела сидящую перед ней фигуру. Фигура имела вытянутую, как струна, спину, чуть задранный вверх подбородок, аккуратную, волосок к волоску, подстриженную под горшок шевелюру. Облачена фигура была в кофейного приятного цвета костюм, к которому были подобраны, судя по всему, платиновые запонки, на шее повязан платок, конечно, шелковый, как Людмила Сергеевна сразу определила — «баснословно дорогой», из коллекции известного модельера, прогремевшего на весь мир собранием платьев из пластиковых стаканчиков, а теперь потихонечку приторговывающего чем ни попадя, не исключая и шелковых платочков. Внутри костюма находился мужчина. Их клиент! Да, несколько заносчивый, да, не в меру щепетильный, может, и излишне требовательный, но разве это в клиенте главное?! Главное, что Господин Перьев — мужчина состоятельный, а значит, платежеспособный, конечно, не очень хорошо, что он так разгорячен... но она сделает все возможное, чтобы сбить градус, иначе фирма «Небесные сводники» потеряет очень солидного клиента, а она, Людочка, очень хорошую работу. Первый пункт девушку беспокоил, но не особенно, а вот второй, что называется, брал за живое.

Людмила Сергеевна решила начать всё с самого начала. Приобретенный несколькими годами прилежной службы нюх ей подсказывал, что в расчеты закралась ошибка, от этого и выходило несколько не то, на что, собственно, рассчитывал господин Перьев.

— Я совершенно с вами согласна! — девушка поправила на груди яркую блузу, черт её дернул именно сегодня нацепить эту дразнящую тряпку цвета «вырви глаз», а не что-нибудь нейтральненькое, действующее на клиента успокаивающе.

— Итак, — сделал многозначительную паузу мужчина, паузы тем и хороши, что в них может вститься всё что угодно. — Я не хотел бы показаться грубым, но, если и на этот раз я

не получу то, что мне нужно, я буду вынужден забрать с собой ВАС!

Девушка вспыхнула, это уже переходило все границы. Она, безусловно, человек маленький, скромный офисный труженик, но она еще в состоянии за себя постоять и оградить себя от всяческих посягательств. Нужно еще крепко подумать, прежде чем связывать себя по рукам и ногам, когда вокруг столько всего интересного. Людмила Сергеевна, как и многие ее соотечественницы, вела жизнь прекрасную, размеренную и в меру насыщенную, в которой было место для множества увлечений, и ей было не до глупостей. Она посвятила себя другому! Подледной рыбалке, выращиванию декоративных сортов капусты, игре в крикет...

Только что прозвучавшее в ее адрес тянуло на самый настоящий комплемент и ставило её в затруднительное положение: как на это реагировать? Сообщить куда следует? Или пропустить всё мимо ушей? (Но ведь всё имеет пределы!) Еще бы ничего, если б господин Перьев был один такой, а то ведь каждый второй на что-то намекает, каждый третий треплет нервы! Из разреза блузы вырвался вздох. Это только на рекламном плакате всё выглядело лучезарно. Фирма «Небесные сводники» удовлетворит все ваши запросы! Два ангелочка хлопают крыльями, проказники натянули тетиву, и одна стрела — бабах — вылетела из лука и устремилась прямо в сердце безоружного клиента! Клиент, растопырив ноги, стоит в самом центре картинki. Любой мужик в этом самом Клиенте узнает себя — еще бы, над картинкой пыхтела целая группа натуральных и искусственных интеллектов, сколько ртов и носов было перелопачено, чтобы создать нечто усреднённое, не говоря уже о том, что разработка сожрала чуть не половину их маркетингового бюджета. Рядом с клиентом порхала прекрасная дева, но сколько за этим зефирным порханием было пота и крови!.. Об этом могла знать только Людмила Сергеевна, в обязанности которой и входило подобрать эту деву.

Жаль, что действительность отличалась от этого лучезарного рекламного фантика, трепыхающегося на каждом столбе в городе.

Господин Перьев почувствовал, что перегнул палку, хотел поправить положение, но с его уст одна за другой слетели:

— Милочка! Душечка! Людочка!

Мужчина выругался, что совсем не вязалось с платочком на шее, посмотрел по возможности строго, даже холодно, попытавшись льдом сковать только что вырвавшееся, и наконец выговорил:

— Людмила Сергеевна! Но и вы... войдите в мое положение...

Вы же как-никак... женщина...

Людмила Сергеевна, девушка действительно прекрасная, кофе с молоком, часто заморгала, глазки ее заблестели, кончик носа симпатично покраснел...

«Этого еще не хватало, — ошеломленно замер господин Перьев. — Что это? Сопли? Нюни? Не за этим же я сюда пришел!» — Глазки мужчины забегали, пальчики запрыгали по столу

— Давайте мне то, что у вас есть, и на этом кончим!!!

«Нет, нет, нет! — спохватилась Людмила Сергеевна. Да что это с ней сегодня?! Какая муха?.. Девушка дернула себя за прядь, потом за пуговицу, туфля с грохотом свалилась с закинутой одна на другую ноги, перепугав их обоих. Слава богам, атмосфера несколько разрядилась. — Как это непрофессионально, глупо! — чихвостила себя Людмила Сергеевна. — Да за такое одна жалоба — и фьють! Останешься без работы! — А она ведь уже расписала приближающуюся премию, заказала несколько сортов бархатной капусты. — Нужно немедленно взять себя в руки!»

— Вас не затруднит? Еще разочек? На вопросы? Я уверена... Вы прекрасно со всем справитесь! — Людмила Сергеевна, снова оказавшись на коне, в яблоках, ринулась в бой, всем своим видом показывая, что сделает все от нее зависящее, чтобы господин Перьев ушел из офиса их компании удовлетворенный! — Начнем с внешности, самого простого и тем не менее... Вы даже представить не можете, сколько здесь подводных камней, нидансов, — заулыбалась Людмила Сергеевна, казалось, забыв, на краю какой пропасти она только что стояла. — У нас недавно один клиент был. — Ничто так не скрашивает неприятное впечатление, как юмор. — Так вот он никак не мог определиться, какие глаза ему нравятся: голубые, как небо, показавшееся из-за туч, или зеленые, опять-таки не абы какие зеленые...

Господин Перьев довольно хмыкнул, Людмила Сергеевна, нащупав нужную стезю, продолжила.

— Мы очень долго мучились, подбирались к оттенку и так, и этак... — При этих словах Людочка почему-то закачалась из стороны в сторону. — Ну не делать же, в конце концов, голубые в зеленую крапинку? — как колокольчик, засмеялась она.

— Ну, и чем закончилось? — покачивался на тех же волнах господин Перьев.

— Нашли! Один глаз голубой, другой зеленый! — Колокольчик зазвенел еще громче. — И такое бывает!.. А потом выяснилось, — не унималась зашедшая опять куда-то не туда Людмила Сергеевна, — клиенту, оказывается, что голубой, что

зеленый, он их не различает! И вообще не нужно было никакой мороки, ему все равно ничего не подошло...

— Но позвольте! — Лицо господин Перьева вытянулось. — Как же так...

Людмила Сергеевна моментально сообразила, что сболтнула лишнее, и тут же насупилась.

— Голубой так голубой, — уткнулась в экран она.

— Да! Но только умоляю вас, не цвет сливы, а нежнее... как калифорнийская бирюза, — спохватился господин Перьев.

— Конечно, зачем нам слива, — кивнула Людмила Сергеевна.

— Волосы... длина, цвет, окрас... — Почувствовав, что переборщила с колокольчиком, Людмила Сергеевна вновь превратилась в матерого офисного сотрудника.

— Блондинка, чуть ниже плеч... — На устах господин Перьева забрезжила улыбка. — И чтобы мягкие, как шелк...

Людмила Сергеевна поставила на него глаза: «Ну, как малые дети, всем подавай одно и то же».

— Конечно! — Девушка вдруг вспорхнула с крутящегося стульчика и побежала в сторону шкафчика. Толстый журнал из распахнутых дверей шкафа лег в руки господина Перьева. — Можете выбрать...

Картонные страницы заухали, переворачиваясь, на одной в углу слева был приклеен пук великолепных шелковистых волос (у фирмы сложились взаимовыгодные, добропорядочные отношения с лошадиной фермой).

— Вот эти... — Господин Перьев, переменившись в лице, погладил рукой волосы.

— Отличный выбор, — похвалила его Людмила Сергеевна, отобрала журнал и занесла номер образца в анкету.

— Рост, — перешла она к следующему пункту.

Мужчина задумался.

Сотрудница позволила себе дать совет.

— Обычно заказывают на несколько дюймов ниже собственного, запас на каблучки, — объяснила Людмила Сергеевна. — Дама ведь будет вас повсюду сопровождать, разные там мероприятия, тематические вечеринки. Вы ходите на тематические вечеринки? — Людмила Сергеевна приставила две пятерни к голове, хотела было для наглядности выкрикнуть три коротких энергичных «У! У! У!», но что-то ее остановило.

— Да, да, да... — Господин Перьев поспешил кивнуть головой, он обожал вечеринки. Раньше пользовались популярностью вечеринки в стиле Чикаго тридцатых, перья, подтяжки, потом по стране прокатились «бондианы», а недавно вошли в моду африканские мотивы, пустыни, хищники, саванны,

высоко поглядывающий на мир жираф.

— Так, значит, сто семьдесят, — забила по клавишам девушка.

— Где-то так, — подтвердил господин Перьев.

Людмила Сергеевна продолжала задавать вопросы, вообще, наблюдать за тем, как она работает, было одно удовольствие, уточнила еще несколько моментов относительно внешности — с самым сложным было покончено. Что касается, так сказать, внутреннего содержания будущей спутницы — тут все было гораздо проще: главное, чтобы не истеричка, характер имела мягкий, податливый и без всяких зависимостей. Шопинги, пирсинги — вся эта дурь исключалась, тату — туда же. Умение готовить шло как опция, некоторые особенно закоренелые приверженцы старых традиций видели в этом особый смысл, говорили, что без этого невозможен уют. Господин Перьев не разделял этих взглядов, он сам прекрасно готовил и мог сбачать макароны по-флотски и даже одноглазую яичницу!

— Что-нибудь еще? Какие-нибудь пожелания? — подчищала анкету Людмила Сергеевна.

— Да вроде нет, — подумав немного, ответил господин Перьев. — Ах да, гарантия, — спохватился он.

— Вам и не снилось, — интригуяще заметила Людмила Сергеевна и не стала сильно распространяться по данному пункту, пусть для господина Перьева это будет сюрпризом! Потенциал закладывался умопомрачительный, ресурс был такой, что за всю жизнь не разработаешь. Вопрос еще в том, выдержит ли всё это господин Перьев?! — Это же качество! Фирма, не какое-нибудь фуфло! — позволила себе единственное замечание сотрудница.

— Это хорошо... — Господин Перьев продолжал сидеть. Людочка моментально сообразила, что клиент хочет еще что-то уточнить, клиент всё мялся, на этот раз она не стала ему помогать — не из-за вредности, для пользы дела, пусть сам сформулирует, что ему нужно, чтобы уж на этот раз без осечек.

— Даже не знаю, как начать... — наконец запыхтел господин Перьев. — Простите, но как-то неудобно говорить о таких вещах... с дамой... — Мужчина осекся.

Сердце юной Людмилы Сергеевны по-матерински сжалось.

— Ничего, я привыкшая, — мягко проговорила она. — Вы же не стесняетесь врача?..

— Не стесняюсь. — Уши господина Перьева вспыхнули.

— Вот и хорошо, — еще раз подтолкнула девушка.

— Понимаете, очень хотелось бы, — вдруг разогнался господин Перьев, — ну, чтобы она во всем была... на высоте, ну

как... богиня...

— Как богиня... Так и запишем, — понимающе кивнула Людмила Сергеевна. — В гостях... царица, на кухне... кухарка, в спальне...

— У-у-утка, — вытянув губы и не сводя глаз друг с друга, произнесла парочка.

Господин Перьев с облегчением выдохнул, все точки над «і» были расставлены. Ну наконец-то! «Еще немного, еще чуть-чуть...» — чуть было не вырвалось у него из-под носа. Ему хотелось еще попросить, чтобы она была похожа на «Сонечку», но мужчина постеснялся. Такой солидный клиент — и на тебе, «Сонечка»!

— А когда все будет готово? — напоследок спросил мужчина.

— Через неделю! — пообещала Людмила Сергеевна.

Господин Перьев был не просто доволен, он чуть не вприпрыжку вышел из офиса, рассчитывая совершить променад, по дороге нужно было сделать еще одно дело. Неделя — срок не маленький.

Рядом с автобусной остановкой в рядочек стояли автоматы. Господин Перьев подошел к одному из них. С экрана на него смотрели двадцать стройных красоток, ноги от ушей, талия, как у шалуньи-стрекозы, брови соболя, ресницы, как у Гоги, у которого он каждую неделю брал на рынке фрукты. Господин Перьев перелистнул несколько раз экран, под номером 155 шла его любимая «Сонечка» — пышнотелая, ясноокая. Мужчина вытащил бумажник, губы его вытянулись в дудочку, потом разъехались в лодочку — и так несколько раз: движение это было произвольным и проскакивало каждый раз, когда господин Перьев понимал, что не очень разумно тратит деньги. Аппарат сожрал купюру, потом еще три, цены на «Сонечку» только за последний месяц выросли на тридцать процентов. Автомат мигнул, поблагодарив очередного клиента, напоследок вылезло предупреждение, что резиновую, только что выданную «Сонечку» можно будет эксплуатировать с перерывами, не более трех часов подряд. «За это время нужно кучу всего переделать, успеть приготовить для нее что-нибудь вкусненькое, поболтать, может, еще что успеют... Эх, опять экономить, — вздохнул Господин Перьев. — Ничего, — тут же подбодрил себя мужчина, — недельку перебьемся, а там и заказ подоспеет, судя по отзывам, баба по всем параметрам золото, и пошить, и постирать. Эх, молодость, свежесть, — усмехнулся господин Перьев. — Ну, ничего, рано или поздно гормоны закончат свою свистопляску, а там, глядишь, заживем еще лучше!»

Господин Перьев вдруг ни с того ни с сего со всего размаха

хлопнул себя по лбу: ну как можно было забыть! Столько просидел в офисе и опять не попросил Людмилу Сергеевну поставить дополнительную опцию, нужно будет сегодня же ей позвонить и предупредить, что его избранница обязательно, обязательно! должна уметь играть в шашки. И тогда долгими зимними вечерами...

Господин Перьев аж зарделся от удовольствия, вообразив, какая жизнь его ожидает... Эх, хорошо бы, у нее еще и глазки были, как у Людочки...

300 лет тоски зеленой, красной, синей, голубой

— А как туда добраться? — наострила ушки дама. — Сейчас кругом такой бардак! Можно застрять где-нибудь посреди океана — и жди, пока тебя вытащат. Мы, знаете ли, уже не в том возрасте! — В отвисших мочках задрожали серьги. Дама была из богатеньких: на дряблой шее были ловко и со вкусом развешены жемчужные капли, на покрытой пушком ручке тикали часики известной марки «Чикен Дрикен», женщина уже несколько раз с серьезной миной поправила булавку на галстук сидящего рядом мужчины. Грани с переливами блеснули.

Вот уже битый час они вместе с супругом сидела в офисе известной фирмы «Фьють и нету!».

— Ну, что ты молчишь, как олух!

Пока она вела разговор, касающийся, между прочим, их обоих, мужчина глазел в окно, взгляд его непростительно блуждал по растопыренным веткам.

— Опять ворон считаешь?! — рывкнула супруга.

— Марьянушка... — Степан Макарыч по команде отвел взгляд от окна и, ни капельки не обидевшись, ласково посмотрел на женщину. — Я как ты, рыбонька...

— Как ты... — передразнила супруга. — Да я ж твое мнение спрашиваю!

— Лучше бы долететь напрямки, чтобы уже наверняка, — высказался мужчина.

— Тьфу ты! Да это и без тебя ясно! Да говорят же тебе: нет туда прямых рейсов! — Марьянушка раздраженно махнула рукой. Супруг потупил взор и хитро глянул на супругу — ему того было и надо, пусть уж сама всё решает, а то если что — шишек не оберешься, а ежели это будет её единоличное решение, так с него и взятки гладки!

— Пень он и в Африке пень! — Марьянушка раздраженно отвернулась от Степана Макарыча. — Навязался на мою голову, ну ничего, недолго мучиться осталось! Дай только залететь подальше! Настанет конец мукам!!!

По правде говоря, Степану Макарычу надоело это все не меньше, чем его супруге, однако, имея совершенно иной склад характера, он об этом не горланил на всю Ивановскую и не приставлял к каждому встречному уху рупор.

— Нет уж, милочка, вы нам во всех подробностях, такие деньжищи-то платим... — Переключившись, Марьянушка

продолжила тиранить сидящую напротив девушку.

Девушка в пятый раз улыбнулась, улыбка входила в стоимость тура. Парочка была преинтереснейшая, денежные мешки.

— Это сеть отелей, — будто по рекламному проспекту читала она. — Каждый отель представляет собой маленькое бунгало, все удобства, фен, вода, электричество. Расселение двухместное. Вы будете полностью отрезаны от мира. Почти отрезаны, — поправилась девушка. — До ближайшего поселения двадцать пять миль. Можно, конечно, переплыть...

— Куда там! Сиднем будем сидеть! — перебила её Марьянушка и грозно посмотрела на Степана Макарыча, который, несмотря на все их ухищрения, был все еще в прекрасной физической форме.

— Безусловно, — пообещал супруг.

— Ну если так... — продолжала девушка, — значит, спасти вас будет некому!

— Отлично! — просияла Марьянушка.

— Все эти земли принадлежат дикарям, у нас с ними договор...

— Ого, многообещающе, — вклинился без спросу Степан Макарыч.

Марьянушка полоснула по нему взглядом, Степан Макарыч осекся. Женщина с сомнением покачала головой — дескать, знаем, все вы в офисе сладко чирикаете, а как суть да дело, выходит другое.

— И все-таки хотелось бы поконкретнее. — Женщина локтем толкнула супруга. — У меня супруг — математик, на кафедре преподает, нас баснями не накормишь!

— Да, да, хотелось бы знать вероятность, точные цифры — это целый мир, — обрадовавшись тому, что разговор свернул на близкую ему тему, захлебывался Степан Макарыч. — Мир этот есть красота! И всё, всё в нём подчинено цифрам! Всё в нём гармония! Что в сравнении с ним обещания? Пшик — и нету... — Математика, как всегда, куда-то занесло, но Марьянушка осталась им довольна, супруги удовлетворенно переглянулись. Степан Макарыч хотел еще добавить, что если что-то не может быть подтверждено цифрами, значит это есть ложь! Высосано из пальца! Но до пальца не дошел, супруга его снова обратилась к девушке.

Не всякий мог выдержать взгляд Марьянушки, припиленная девушка заерзала.

— По правде говоря, из последнего тура почти все туристы возвратились целыми и невредимыми, — потупила взор она.

Конечно, она не имела права разглашать служебную информацию, тем более если эта информация касалась репутации фирмы. — У дикарей начался сезон дождей, а в этот период они неохотно выходят из хижин и редко охотятся, к тому же не все наши соблюдают диету, алкоголь, всякие излишества, — виляла она, всё еще надеясь скрыть удручающую статистику. Супруги переглянулись.

— Так сколько, вы говорите, было съедено? — спросила в лоб Марьяночка.

— Двое. — Девушке ничего не осталось, как сознаться. Эти два старых гриба так ей надоели, что она уже мечтала от них избавиться, независимо от того, купят они тур или нет.

— А какая, простите, вероятность, что в следующий раз эти двое будем мы? — тут как тут подоспел Степан Макарыч.

— Один к ста, — покраснев, ответила сотрудница. — Вообще-то, это средний показатель по отрасли... — Девушка решила хоть в этот раз отстоять репутацию фирмочки, в которой она работала. — К тому же до сих пор не согласован законопроект, разрешающий более высокий процент...

— Обрекать себя на такие неудобства — и все для чего? Для того чтобы вернуться... ни с чем... — в недоумении проговорила Марьянушка.

— А может быть, какие-нибудь другие варианты? — нехотя предложила девушка. — Прыжки с парашютом... или один на один с тигром?

— Плавали, знаем! — Тут уж не выдержал Степан Макарыч. — Какой-то негодяй накормил от пуза зверя, так он вместо того, чтобы вцепиться в нас по-взрослому, лизал нас! Как котят! Мы три дня сидели, ждали, на четвертый не вытерпели, вылезли, перед нами, конечно, извинились, но нам-то что с этих извинений!! А может, какой-нибудь вирус подхватить? — выдвинул идею Степан Макарыч.

— Не наша специализация, — извиняясь, пожала плечами девушка. — А может, подождёте полгодика? Мы сейчас разрабатываем новую программу, там будет вероятность повыше...

— Еще чего! — вскрикнула Марьянушка. — Да вы знаете, что это такое? Триста лет скуки?! Тоски! Тягомотины! Всё уже перепробовали, всё надоело хуже горькой редьки, и этот еще под боком ноет!!! — Степан Макарыч виновато улыбнулся.

Девушка с сожалением посмотрела на стариков. Молодость их прошла уже лет двести как, и теперь все обрыдло до тошнотиков, а впереди всё одно и то же! Этим еще повезло, денег море, могут хотя бы попытаться закончить эту волюнку,

а сколько таких бедолаг, которые все откладывают, откладывают и никак не могут накопить нужную сумму...

Девушка вдруг встрепенулась, как это она забыла старый добрый способ, конечно, не совсем легальный, но можно предложить, и лететь никуда не надо, все рядышком, на ферме, всего лишь в нескольких километрах от города. Да и деньги можно пустить мимо кассы! Она внимательно посмотрела на клиентов: «Таким предложить можно».

— А как вы относитесь к крокодилам? — осторожно спросила она.

— Пойдет, — неожиданно выпалила привередливая Марьянушка. Степан Макарыч тоже довольно заулыбался. — Но только уж так, чтобы хрясь — и всё!!

— Да, хрямс — и всё! И чтобы вместе! — засияла Марьянушка.

Несколько дней у супругов ушло на то, чтобы уладить дела и делишки, в пятницу вечером закатали прощальную вечеринку, танцы до скрипа в коленках, ну, а в воскресенье с первым лучом блеснувшего солнца парочка, прихватив маленький рюкзачок, отправилась по нелегальному адресочку.

Пользуясь случаем, требуем...

— Да вы что, с ума все посходили? — гремел Антонов.

Вывести Иван Палыча из столь привычного для него состояния равновесия могло только что-то действительно экстраординарное. Экстраординарное у них случалось чуть не каждый день.

Антонов разошелся не на шутку, молотил кулаком воздух, метал молнии, изо рта, шипя, падали проклятия, из ушей валил дым с пеплом, хорошо, что поблизости не было ни одной женщины. Его секретарь Лукерья Петровна не в счет. Работая бок о бок с Антоновым, она чего только не насмотрелась и не наслушалась, и сама могла загнать похлеще сапожника. Однако «могла» не значит, что именно так и делала. Лукерья Петровна никогда не позволяла вылиться из себя всему, её переполняющему. Женщина она была дисциплинированная, вышколенная: всё ненужное пропускала мимо ушей, нужное — ловила на лету, большую часть рабочего времени была тенью своего шефа, но в нужные моменты показывалась — и ей не было равных! Лукерья Петровна такой была всегда. Антонов, старый жук, присмотрел её давно, еще на её старом месте работы, крутился вокруг нее, облизывался, обил не один порог, чуть было не попался на взятке, но все-таки выбил её для своего ведомства. Когда ему было что-то нужно, он готов был расшибиться в лепёшку, только бы получить желаемое. Кстати, именно за это умение — вывернуться, но достать! хоть звезду с неба! — его здесь и держали.

— И что?! — продолжал орать Антонов. — Кому-то там понадобилось, а мне теперь расхлебывай! Что, нельзя было сделать все заранее?!

Лукерья Петровна недоумевающе глянула на шефа: «Сами-то понимаете, что говорите?» — подразумевал ее красноречивый взгляд.

Антонов крикнул и тут вдруг жалостно добавил:

— Ну, Лукерья Петровна, ну ведь ни заявочки, ни какого-нибудь там паршивого уведомления — ничего! Они что думают, у Антонова закрома?! Антонов только свистнет — и у него тут же всё и появится?! Стань передо мной! Как лист перед травой?! Да?! Да?!

Лукерья Петровна разделяла негодование шефа, хотя из неё, конечно, не валил пар, она старалась думать логически: ну что они, в первый раз, что ли, попадают в подобную ситуацию?! Конечно нет! И раньше им, простите, так же кто-то падал, как

снег на голову. Бывало даже, и не в таких количествах, раньше-то они как-то справлялись? Справлялись! Значит, и на этот раз справятся.

Женщина кинула в чашку шефа пакетик чая собственного приготовления, контрабандный, удалось достать по чистой случайности натуральную мяту, успокаивает, а аромат какой... Антонов, поборник справедливости (в тех случаях, когда не химичит сам), контрабандную травку, конечно, учует, но выпьет, как миленький.

Секретарша поставила перед носом шефа стакан.

— Лукерья Петровна, ну ведь сорок пять человек, — все не успокаивался Иван Палыч.

«Да, число, что ни говори, вызывающее. — Лукерья Петровна дернула головой. — Антонов, конечно же, прав. Кому-то там срочно понадобились артисты, музыканты, а им тут расхлебывай. Всех надо накормить, разместить, артисты хоть народ к переездам и привычный, но и среди них встречаются с придурью. Может, кто-нибудь захочет поселиться в отдельном номере. Дамочки попадают и вовсе припадочные. А инструменты?! Инструменты?! Флейтисты, гобоисты, разные там скрипачи, эти-то хоть инструмент с собой таскают. А ежели вдруг рояль, контрабас, какая-нибудь там ударная установка? Это же всё достать надо! А беспокойные все какие, минуты не могут посидеть, чтоб не подудеть, не попиликовать. А Антонову хоть разорвись, но чтоб последний бубен был всем доволен!!!»

— И все из-за чего?! Из-за того, что Тычкину, видите ли, вздумалось свой юбилей отметить! Да не просто так, а с оркестром! — опять начал набирать обороты Антонов. — Заранее, что ли, нельзя было сказать?! Мы бы потихонечку, полегонечку, без всяких пожаров весь оркестр и собрали...

Вообще, Тычкин в последнее время доставлял им одни неприятности. В прошлом году ему понадобилась личная команда футболистов. И не какая-нибудь сборная района Кукуево. Нет, финалисты Кубка УЕФА, сборная, в полном составе! Тычкин, конечно, был на седьмом небе от счастья! Прыгал вокруг них, как вокруг новенького «майбаха», только что в пятки не целовал! Все выдохнули, думали всё, наигрался мальчик, ан нет... В этом году в другую сторону его выперло! Чтоб он неладен был!

— А что футболисты?! — отхлебнув чая, спросил Антонов.

— Да все в порядке, Иван Палыч, — откликнулась Лукерья Петровна. — Все довольны, с утра до вечера мяч гоняют, только вот некоторые сокрушаются, что нет у них здесь достойных соперников. Всё приходится играть с какой-то шелупонью.

Антонов грозно поставил чашку:

— Шиш! — Антонов грозно поставил чашку и чуть не выкинул фигуру из трех пальцев.

— Да, это было бы уже слишком, — спокойно согласилась с ним секретарша. В прошлом году Тычкину понадобилась одна команда, в этом — другая. Так у них там вообще играть некому будет... Олигарх, конечно, остается олигархом, но все ведь имеет границы... Интересно, и как ему удалось перетянуть сюда все его денежки? — спросила Лукерья Петровна, вопрос повис без ответа, с олигархами всегда так.

За дверью послышалась мышиная возня.

Антонов недоверчиво посмотрел на дверь, потом на секретаршу.

— Они что, здесь? — втянув шею, прошептал шеф.

— Здесь, — кивнула головой Лукерья Петровна. — А где ж им быть?! Мы ж их еще не разместили...

Антонов с шумом выдохнул, с грохотом отодвинул стул, по-медвежьи прошагал к двери и демонстративно закрыл дверь на ключ. Вовремя. Спустя мгновение кто-то несмело дернул за ручку.

Антонов опять сел за стол:

— Ну, ладно, давай, — глянул он на Лукерью Петровну.

Лукерья Петровна будто ждала этого взгляда и этой команды. Перед ней откуда-то появилась папочка и бумажечки. Папка раскрылась, бумажечек стало еще больше, Лукерья Петровна с удовольствием их оглядела. Было видно, что, пока её шеф был занят метанием копий и молний, она занималась практическими делами. Узнала количество прибывших музыкантов, их пол, инструментальный состав, оказалось, был какой-то перекос в сторону саксофонистов, скрипка оказалась всего одна, странно. Скорее всего, оркестр ехал не целиком, а группами, не очень понятно, что теперь с этим делать... Прилежная Лукерья Петровна зачем-то даже узнала, какие у них были гастрономические причуды. Контрабандист оказался кровожадным любителем бифштекса, а один трубач — вегетарианцем, да не абы каким, потреблял только опавшие с веток плоды, и откуда у него только силы брались дудеть? Достав последнюю бумажку из синей папки, секретарша доложила, что один саксофонист нетрадиционной ориентации.

— Это как? — заинтересовался Антонов.

— Ну, понимаете, у них там любовь проявляется в совершенно разнообразных формах, — начала объяснять, как сама поняла, Лукерья Петровна. — Я наводила справки... Это когда мужчина мужчине цветы дарит, конфеты, всеми доступными способами делает приятные для него вещи, ну, еще

они стараются больше времени проводить вместе, иногда живут вместе...

— А-а-а, — протянул Антонов. — Так это все мужики, которые у нас по двое расселены...

— Нет-нет-нет, — поспешила возразить Лукерья Петровна. — Это совсем другое...

Антонов строго посмотрел на помощницу: ну, все было хорошо в Лукерье Петровне, но зачем сейчас-то было забивать ему голову всякой ерундой?!

Лукерья Петровна поняла взгляд шефа, извиняющимся движением опять засунула бумажечку в синюю папочку. «Кто ж его знает, — про себя подумала женщина. — Это у нас тут сведения эти всем до лампочки, а у них там каждый такой вот голубчик гордится этой своей ориентацией, чуть не на бронетранспортер готов влезть, повесив на шею табличку: я, дескать, такой-то, люблю дарить парням мороженое и конфеты. Ищу пару! Гей, дру́ги!»

Дверь опять несмело, но все же дернулась.

Лукерья Петровна и Антонов переглянулись и разом опустили головы в бумаги.

— Итак, всего сорок пять? — Антонов, похоже, выходил из состояния ступора и вновь превращался в деятельного, предприимчивого руководителя, у которого в руках всё горит и который за пять минут готов подготовить достойную встречу для свалившегося ему на голову оркестра.

— Сорок пять, — поспешила ответить секретарша.

— Из них женщин... — напирал Антонов.

— Двадцать три с половиной, — выпалила Лукерья Петровна.

Антонов оторвал глаза от записей.

— Ой, простите, — спохватилась секретарша. — Система считает чудным образом, как-то там особенно, не по головам, а учитывая количество гормонов и еще кучу всяких параметров, двадцать три, — поправилась она.

— Значит, мужчин двадцать два? — со знанием дела проговорил Антонов.

— Двадцать один, — поправила его опять Лукерья Петровна.

— Это как? — выпрямился Антонов.

— Один не определился, — виновато пробубнила Лукерья Петровна, как будто в том, что кто-то там, видите ли, не может определиться, направо ему или налево, был ее личный промах.

— Да что у них там твориться?! — опять прогремел Антонов, тем не менее в графу вписал: 21.

— Проследите, чтоб у него был отдельный номер, — не отрывая глаз, попросил он секретаршу. — Не хватало еще

жалоб!

Лукерья Петровна кивнула.

— Что им еще понадобится? — грозно спросил шеф.

— Зал... для репетиций, — вздохнула женщина. — И желательно, чтобы была хорошая акустика...

— Ла Скала? Большой зал Чайковского? А может, Метрополитен? — зарычал Антонов. — Не стесняйтесь! У Антонова всё есть!

— Все может быть... — нечаянно ляпнула Лукерья Петровна.

Антонов, слава богу, не расслышал:

— Пусть маэстро Тычкин сам обеспечивает им зал и акустику! Хотя это он в состоянии сделать?! — язвительно заметил Антонов.

— И еще нужен рояль, «Стейнвей», на другом пианистка играть отказывается.

Антонов послушно нацарапал и это на своей бумажке.

— Всё? — буркнул он.

— Нет, — спокойно проговорила Лукерья Петровна. — Они отказываются выходить в своем. Говорят, это неприлично, нигде так не работают. Нужны фраки и вечерние платья.

Антонов чуть не разломал на две части ручку:

— А у нас выйдут! Как миленькие! Еще что?

У Лукерьи Петровны аж сердце сжалось, столько на Иван Палыча опять навалилось, все требуют, всё приходится доставать в сжатые сроки, а в ответ хотя бы слово благодарности...

— Ну, — ждал Антонов.

— И еще... — несмело произнесла женщина. — Они убедительно просят... Раз уж они здесь очутились... устроить им встречу с Моцартом...

Антонов так и обмер, обмакнул пот со лба, руки его затряслись, глаза выкатились.

— Да у меня здесь что!!! Дом свиданий, что ли! — заорал он.

Лукерья Петровна уж на что была привыкшая к особенностям шефа, но и та от последнего крика скукожилась. В комнате повисла тишина. Шеф и секретарша молчали. Вдруг со стороны двери донесся шорох. Ручка опять пошевелилась, дверь не открылась, но шорохи не прекратились. Лукерья Петровна и Антонов с опаской переглянулись. В узкой щели между дверью и полом легла тень, по ней пробежался свет, потом снова упала тень. В щели показался край бумажного листа. Лист медленно пополз по полу и вскоре показался полностью. Антонов и Лукерья Петровна, не сговариваясь, встали каждый со своего места и на цыпочках подошли к двери. Две фигуры нависли над клочком бумаги.

На листке кривыми буквами было начеркано:

«Выступать без Моцарта не будем!»

И чуть ниже буковками помельче (уже другой рукой):

«Пользуясь случаем, требуем... аудиенции»

Антонов, прочитав записку, опешил, несмотря на то, что Лукерья Петровна только что сообщила ему то же самое.

Так же на цыпочках Лукерья Петровна и Антонов возвратились обратно к столу и стали соображать, как бы им устроить и этот маленький пустячок. Понятно, что музыканты уперлись, и теперь, пока не увидят великого маэстро, ни одна балалайка не шевельнет струной. А Тычкин, в свою очередь, не слезет с них. Он ведь на свой юбилей уже кого только не приглашал, всем растрезвонил, что будет шампанское и оркестр! (В числе приглашенных были, кстати, Антонов и Лукерья Петровна.)

— А может, — хотела было помочь шефу советом Лукерья Петровна, — предложить им что-нибудь из земных благ... ну... апартаменты, люстры хрустальные, джакузю...

— Куда там, — отмахнулся Антонов. — Интеллигенция! Этим так просто голову не задумишь...

Всё оставшееся время до конца дня Антонов бегал по инстанциям, упрашивал, выклянчивал, уговаривали, а иногда и выбивал! Лукерья Петровна, как всегда, была его верной тенью, подсовывала бумажечки, подносила папочки.

После напряженного рабочего дня Лукерья Петровна падала, как подкошенная. За все её труды и муки Антонов, постучав где надо кулаком по столу, когда-то выбил ей телевизор. Вещь эта у них была уникальная, даже у Тычкина телевизора не было. Теперь вечерами Лукерья Петровна вытягивала ноги на подставленную табуретку и включала Первый. В этот раз диктор сообщила о сорвавшемся в пропасть автобуса, в котором находилось сорок шесть музыкантов. Диктор, вытянув лицо, выразила соболезнования, Лукерья Петровна тоже вытянула лицо, но от удивления, потянулась к лежащей рядом папочке (она частенько брала работу на дом), зашуршала бумагами, перепроверила, по ее данным прибывших было только сорок пять. Женщина нахмурилась: «Опять полночи не спать, с бухгалтерией разбираться, а ей так хотелось посмотреть кино, которое у них там после новостей крутят...»

Пробка! Нет, заячья кровь!

— Какие будут предложения? — обвел взглядом присутствующих Поводыркин (за глаза начальника звали просто Дыркин).

— Можно попробовать что-нибудь из традиционных методов, — промямлил один из сотрудников.

Сидящие рядом мило, но с укоризной посмотрели на высказавшегося, еле заметное покачивание головы подразумевало: «Ай-ай-ай, человек вроде знающий, а такое отчебучил... стыдно, батенька...» Традиционные способы, конечно, все еще применялись, и в ряде случаев им не было равных, но на дворе не каменный век, пора бы придумать и что-нибудь новенькое. Дать наконец разгуляться свежему ветру по коридорам их не значащегося в списках народного хозяйства ведомства!

По залу пролетело жужжание. Громче всего говорила Птахина, девица нестандартная, известная всем своими новаторскими, авангардистскими наклонностями. Два из трех внесенных ею рацпредложений с треском проваливались, но вот то, что оставалось, было поистине «перлом» — не только имело шансы на внедрение, но и обещало завидный успех.

— А что если взять и приковать к койке? — выдвинула очередную идею Птахина.

Некоторые из присутствующих мужчин посмотрели на нее с интересом, кое-кто позволил себе даже ухмыльнуться.

— Не в том смысле, — поджав губки, поспешила объяснить она. — Пошел, скажем, в магазин, нечаянно споткнулся, очнулся, белые стены, гипс, пока лежит отдыхает — в голове все проясняется, меняется точка зрения... вплоть до переоценки ценностей...

— Во загнула, — долетело с другого конца стола.

Птахина смутилась, неординарное мышление — это не просто выкрашенные в зеленый волосы или вдетое в нос кольцо, это что-то более фундаментальное. Девушка до сих пор не могла привыкнуть к тому, что все ее предложения встречаются или гнусными смешочками, или настороженно, с недоверием. Новое пробивает себе дорогу сквозь тернии, рождается в муках. Следы этих вечных мук и терзаний, как ни странно, были невооруженным взглядом заметны на несколько помятой физиономии Птахиной.

— Не бережете вы себя, — буркнул ей в ухо сидящий рядом Идейкин. — А может, смс-рассылка? — оторвавшись от девушки,

предложил он.

Кто-то усмехнулся, кто-то потер нос, двое поправили очки, короче говоря, ничего, что можно было бы принять за поддержку и одобрение окружающих. Идейкин криво усмехнулся и решил некоторое время не высовываться. Еще недавно предложение Идейкина прокатило бы, но сейчас условия работы стали просто невыносимые: эфир засоряли всякие ловкачи-коммерсанты, торговцы аксессуарами, фенами, носками с японским снадобьем, от которых пятки сначала облезали, а потом становились, как у младенца. Спущенные сверху посланьица простыми смертными воспринимались теперь не иначе как спам. Со скидками, акциями, горячими предложениями — купи два ботинка, получи третий в подарок — не так-то легко конкурировать.

Неожиданно раскрыла рот Фаина Ивановна, руководительница маленького отдельчика. Отдел Фаины Ивановны существовал еще при царе Горохе, занимался работой, которая нужна всем как зайцу курево (наклеивал марки на бумажные конверты, которые никто никому не отправлял), впрочем, во многих ведомствах найдется подобный, никем не тронутый девственный оазис. Сотрудники подобных структурных подразделений обычно исправно получают зарплату, потихоньку тратят денежку, которую другие добывают потом и кровью, прекрасная их часть на работу ходит с единственной целью — выгулять кофточку, на легучках их представители сидят парочками, молчат или улыбаются, ни одна душа их не беспокоит, однако, следуя некоему негласному правилу, подразумевается, что и они не будут лезть, куда их не просят. Раскрыв рот, Фаина Ивановна нарушила этот незыблемый закон, она и сама это чувствовала, поэтому говорила тихо, несмело, тем не менее очень торжественно.

— А может, напускать по мере надобности черных кошек? — проговорила она.

От Фаины Ивановны, по правде говоря, никто ничего другого и не ожидал.

Члены коллектива, что называется, вылупились и как один заглохли...

Спасли женщину не только седины (Фаина Ивановна была в возрасте), но и то, что она когда-то нюх-нюх, вась-вась с самым большим боссом (даже не начальником Дыркина, а еще выше). После Фаины Ивановны у бигбосса было еще всего «его-го сколько», однако всё как-то быстро рассасывалось, не оставляя в их заведении и следа, а вот престарелой Фаине Ивановне каким-то образом удалось у них осесть и зацепиться... Каждая бывшая пассия шефа, сдавая пост, оставалась при машине,

квартире, не говоря уже о цацках и полностью укомплектованном гардеробе, поговаривали, что гордая Фаина Ивановна в свое время от подобной компенсации отказалась, чем совершенно растрогала шефа, привыкшего к более хищническим отношениям. В результате пораженный шеф пожизненно оставил Фаину Ивановну на её непыльной должности, проявив тем самым верх джентльменства. Некоторые утверждали, что она все еще напоминала ему о молодости, другие предполагали, что она еще на что-то надеется, — судя по всему, замечательнейшая чушь (стоило посмотреть на последнюю кралю босса и на бедную, облезшую Фаину Ивановну — и теория эта разлеталась в пух). Злые языки также приписывали Фаине Ивановне меркантильность, якобы за столько лет сидения на тепленьком местечке она уже успела скопить на две квартиры и три машины... Завистников и зубоскалов везде хватает...

Замечание о черных кошках выслушали, мнение на этот счет у всех было идентичное — редко в рядах сотрудников прослеживалось подобное единение. Фаина Ивановна, что бы там ни говорили, была женщина умная, на рассмотрении своего предложения настаивать не стала, удовлетворившись и тем, что её просто выслушали. Внеся свою лепту, Фаина Ивановна уверовала в то, что и она не зря свою корку жует, и до конца совещания больше не проронила ни слова.

Упало еще несколько скудных капель, обсуждение застопорилось, а задач предстояло решить плодящееся с прогрессией множество: неплохо бы, наряду с новыми источниками связи, наладить с корреспондентами утерянный когда-то ментальный диалог, повысить воспринимаемость и в конечном итоге — отдачу. Иначе они тут ро-обют, ро-обют, но все их труды насмарку: для товарищей на том конце провода все их мельтешения — что китайская грамота: они ни черта не понимают или не хотят понимать.

— А может, всплывающие мысли? Во время чтения или просмотра кинематографа?! — долетело из дальнего, подернутого полумраком угла. Замечание принадлежало Марку Палычу, приятному моложавому старичку, большую часть совещаний предпочитавшему дремать. Иногда он просыпался, причем сам (никто из присутствующих не позволил бы себе будить старика), но и тогда по большей части ничего не происходило: он просто тихонечко сидел и слушал... Пребывая в собственном уютном мирке, Марк Палыч предполагал, что вверенное им население все еще читает умные книжки, выписывает толстые, вроде «Науки и жизни», журналы, смотрит фильмы про сталеваров и доярок, Марк Палыч редко вносил

предложения, но и на старуху бывает проруха, иногда и его прошибало — и тогда старенький сотрудник егозил прытче самой Птахиной. Коллеги в этих случаях старика вроде как жалели, внимательно выслушивали, а о глобальных переменах помалкивали... Но как бы ни был Марк Палыч далек от действительности, по долгу службы он вынужден был просматривать статистику, которая просто вопила о катастрофическом снижении числа читающих, о пикирующих тиражах газет и журналов, о плачевном состоянии современного кинематографа. Вероятнее всего, Марк Палыч и сам осознавал провальность своих предложений, а утопические идеи выплескивал по инерции.

Высказавшись, старичок снова задремал. Больше ни Марка Палыча, ни Фаину Ивановну никто не беспокоил.

Сидящий во главе стола Дыркин, задумавшись, усталился в стену, занимал он свое кресло недавно, но ему уже все порядком надоело. Вышестоящее начальство требовало результата, новых методов, решений, концепций, сверху его по самую маковку завалили бумагами из разряда «Быстрее, выше, сильнее». Он в свою очередь разводил руками и про себя возмущался: «Да что я, рожу эти методы, что ли?» Доля у Дыркина была незавидная: начальство клевало, подчиненные при каждом удобном случае отлынивали, в глаза, конечно, не хамили, но за глаза... Короче, не сахар...

Директор кисло глянул на собрание — и всё-таки нужно показать хотя бы видимость работы, чтобы там, наверху, увидели, что и они вроде как бьют копытом, а что кто-то там внизу не въезжает — не их забота. Тряхануть сотрудников нужно было еще по одной причине: скоро конец года и, если они наверх ничего не запульнут, вместо годовой премии все (не исключая и его самого) получат кукиш с маслом. А потом некоторые особенно отъявленные тунеядцы и лодыри будут еще ходить и выяснять, как это их обнесли подарочками.

«Эх, что поделать, — вздохнул про себя Дыркин. — Тявкать так тявкать!»

— Пока на моем столе... — неожиданно хлопнул по столу ладошкой начальник, некоторые дамы чуть не подскочили, Марк Палыч проснулся... — не будет лежать новая концепция, никто из этой комнаты не выйдет! Мозговой штурм! — скомандовал руководитель.

Идеи посыпались не то чтобы как из рога изобилия, но все-таки посыпались. И на том спасибо! На махонькую концепцию наскрести можно.

— Ну, для того, чтобы, например, задержать товарища дома,

можно просто задевать куда-нибудь вещичку, — громче всех чирикала Тамарочка Загвоздкина.

Тома была из разряда тех женщин, у которых если не висят в ушах в три ряда серьги, не бренчат на щиколотках цепи, а на копытцах не цокают шпильки, то они чувствуют (по их собственному выражению) себя неодетыми. Такие женщины еще с вечера продумывают гардероб, и если с утра в шкафу не находится определенное платье — весь образ рассыпается, никто никуда больше не идет, а остается сидеть дома, в луже... Загвоздкиной несколько раз указывали на ее ошибку (нельзя всех судить по себе), но некоторым хоть кол на голове теши, у Томочки никак не укладывалось, что можно, плюнув на образ, влезть в первое попавшееся платье или костюм и отправиться по запланированному маршруту — и тогда все их попытки задержать или перенаправить человека в нужную степь коту под хвост...

— А еще можно устроить отвлекающий маневр, — долетело с дальнего конца стола. — Пожар или прорыв канализации! — совсем сгустил краски предлагающий. — Тогда точно с одной стороны путь будет отрезан и придется топать в рекомендуемую нами сторону!

Дыркин скривился, как будто бы ему кто-то наступил на больной мозоль. Не всем сотрудникам было известно, что в работающем на том же участке министерстве чрезвычайных ситуаций, заведующем землетрясениями, извержениями и устройством прочих форс-мажорных пакостей, верховодила бывшая жена шефа, с которой ему, к сожалению, не удалось распрощаться красиво. Не все недоразумения между супругами были урегулированы, хуже всего, что их личные «тёрки» переносились и на рабочие отношения. Мстительная бывшая Дыркина ставила палки в колеса всех их совместных межминистерских проектов, любое согласование проходило со скрипом, а иногда даже с шумом и грохотом, что было совсем неприлично. Дыркин зафиксировал в блокноте те крохи, которые удалось нагенерить его подчинённым, и наконец всех распустил.

— И все-таки человек глуп, — недовольно пробурчал Марк Палыч, выходя из зала. — Стараешься тут, стараешься — как-никак в авторитетнейшей инстанции трудишься, — а он как пень! — махнул рукой старичок. — Ничего-таки не видит, ничего не слышит, залезет по самые уши... куда не следует... — Марк Палыч ловко обходил углы, особенно если рядом находилась женщина. — И ни туды ни сюды! А мы тут соображай, как его на нужную мысль натолкнуть... с какой стороны ему хвост прищемить, чтоб он в нужную сторону побёг...

— Если бы только глуп, — возразила топающая рядом Фаина Ивановна. — Трусоват, вот в чем корень... Поверьте мне, дорогой мой Марк Палыч! Иной раз смотришь, вроде как уже и догадался, что не туда гребет, а все равно ведь действует не так, как нутро велит, а как какой-нибудь Иван Иванович, чтоб его разорвало, насоветует! Себе не верит человек... В себя не верит! Вот в чем беда! Первосортнейший трус!

— Нет, глуп, как пробка, — не согласился Марк Палыч. — Не распознает, что мы ему тут знаками суфлируем...

— А я говорю, трус! Заячья кровь! Посмотрите статистику. Всё распознает, но по каким-то причинам не верит! Себя боится! — не уступала и Фаина Ивановна.

— Пробка!

— Нет, заячья кровь!

Между Фаиной Ивановной и Марком Палычем завязался их извечный, замусоленный и до дыр протертый спор.

Куклы

— Ну, и где все? — На Нелли смотрела пара удивленных глаз, уголки губ дернулись. — Странно, позади несколько кварталов — и хоть бы одна живая душа, хоть бы паршивая собачонка выскочила из-за угла или, пролетая, гаркнула ворона... Ты что-нибудь понимаешь? — Глаза моргнули и снова уставились на Нелли.

— Нет, — тут же последовал быстрый ответ.

— С тобой такое раньше случалось?

— Никогда.

— Со мной тоже...

— Может, свирепствует какой-нибудь подпущенный американцами вирус, все население скосило, а мы чудом уцелели? Или атомный взрыв?

— Нет, тогда от людей остались хотя бы тени... как на ступеньках Банка Сумитомо...

— А что если сбылось худшее из предсказаний? — К шее, зловеще шевелясь, потянулись пальцы. — Нас захватили инопланетяне, всех угнали на плантации, и теперь все где-то в миллионе световых лет отсюда под новым солнцем сажают оранжевые огурцы...

— А мы тут одни блуждаем по оставленному всеми призрачному городу? Нет, как-то не очень вяжется... — Глаза неподвижно смотрели на Нелли.

— Тишина... — прошелестела губами Нелли.

— Помнишь, неделю назад ты мечтала о тишине...

— Помню, — кивнула головой девушка.

— Представляешь, если бы тишину можно было разлить по флаконам, — проговорила призрачная собеседница, — закупорить какой-нибудь изящной пробкой и продавать на Тверской, желающих было бы хоть отбавляй...

— Какая тишина вам нравится? — подхватила Нелли. — О, такой тишины вы никогда не слышали... А вот здесь есть экзотическая нотка — писк комарика, слышите? — Девушка взяла с невидимой полки невидимый флакончик и протянула воображаемому покупателю. Покупатель недоверчиво взял флакон, перевел взгляд на очаровательную продавщицу: стройный ножки, в облипочку униформа, махонькие пальчики торчат из босоножек... — Подберите ваши слюни, дяденька!!! — Нелли подмигнула своему отражению и, закончив кривляться, отошла от витрины.

Прямо перед ней тянулась автострада, в обе стороны убегали

математически выверенные полосы. Дорога, которая каждый день кишела машинами, сейчас была пуста. На торцах зданий, остановках, фонарных столбах — повсюду висели знаки, указания, инструкции. Неугомонный Карлсон перелетал с плаката на плакат, старательно плевал на шпили и башни и усердно тёр их чудо-тряпкой. За мэром, поправляющим на груди единственную подтяжку, тянулся шлейф ослепительно сверкающих шпилей, башен и маковок. «А у вас уже есть чудо-тряпка?» — вещал с плакатов улыбающийся чиновник. Рядом медленно покачивался баннер с рекламой утягивающих колгот — стройный мужчина, облаченный в элегантную модель, скрывающую пивной животик. «Почувствуйте себя шедевром!» — гласила светящаяся над его головой надпись. Тот же мужчина участвовал в президентской гонке, уже без колгот, но в костюме от Версаче. Нелли узнала его на соседнем агитплакате.

Пока Нелли стояла, не промелькнуло ни одной машины, внутри заныло, девушка потянулась к сумочке, нащупала телефон, нажала несколько цифр, последовал ответ. Нелли чуть не выронила трубку — чтобы ни творилось здесь, главное, что где-то еще есть люди!

— Макс, это я, Нелли. Привет! Да, у меня все в порядке, только вот... Как-то странно... Как ты? А-а-а, так ты в отъезде. — Нелли не сразу поняла, что говорит с автоответчиком, она разочарованно опустила руку, потом снова прижала телефон к губам. — Макс! Слышишь? Если появишься и прослушаешь мое сообщение, позвони! Тут творится что-то странное! Нет ни одной машины, ни одного человека, кругом тишина... Представляешь, ни единого звука, я уже пару часов не слышу ничего, кроме собственного голоса. Это начинает раздражать, — тараторила Нелли. — Слышишь, Макс? Я же не Кабалье, чтобы слушать себя часами.

Выпалив сообщение, девушка постояла некоторое время в задумчивости и побрела дальше. На асфальте прямо по курсу валялась искореженная банка колы. Нелли вдруг разбежалась, поддела носком туфли жестянку, пустая банка закружилась в воздухе. Девушка зажмурилась, приготовившись к тому, что подлая жестянка приземлится, не издав ни единого звука. Банка с грохотом упала. Нелли в недоумении открыла глаза: значит, звуки все-таки существуют. Девушка хлопнула в ладоши, вжикнула молнией сумки — звуки остались, значит, она хотя бы не сходит с ума...

— И вообще все в порядке, я просто что-то упускаю... — Нелли, ступая, как можно громче, пошла по тротуару, звук собственный шагов действовал на нее успокаивающе. —

Объяснение есть, просто я его не замечаю. Тотальная эвакуация в случай надвигающейся катастрофы?! — начала по заезженному кругу она. — Летящий в лоб метеорит?! Ерунда. Инопланетяне?! Курам на смех! Кому они нужны, полпланеты страдает ожирением, пару упитанных толстячков — и их тарелкам каюк! Да и вообще разом бы всех не вывезли, какими бы продвинутыми ни были... А может, Бобик сдох? — Нелли, стараясь ничего не упустить, перебирала все версии и варианты, которые просто обязаны были прийти в голову человеку, оказавшемуся в подобной ситуации. — Галлюцинации, последний танец отмирающих клеток мозга? Люди все так же находятся вокруг, но она их не видит и не слышит. Может, дело в ней, а не в окружении? Нет! Нет! Нет! — отмела и эту версию Нелли. — Эти вещи давно так не делаются, она бы получила официальное уведомление, прошла бы инструктаж, с ней поработали бы психологи, все бы было сделано культурненько. Нелли задумалась. И все-таки полагаться на собственные умозаключения в данной ситуации было излишне самонадеянно, на всякий пожарный она полезла в сумочку, вытащила булавку и вогнала иголку в палец.

— Ай! — вскрикнула она и схватила губами раненого. — Бобик жив, — отбросила еще одну версию Нелли.

— Тогда что? Откуда эта тишина? Где люди? Боже мой, а что если действительно все исчезли? — Лицо девушки перекосило от волнения, Нелли начала паниковать. — Я ведь даже, даже... к дантисту не смогу сходить... а если что-то серьезное?! — Рука прикрыла рот. Нелли опять схватила телефон, дрожащими пальцами набрала «911». Кто-то ответил.

— Хелло! — взвизгнула Нелли. — Я здесь, здесь... Симптомы?.. Какие симптомы?.. Связь прервалась, кажется, она снова говорила с автоответчиком. Нелли стала набирать повторно номер, но больше никто не ответил.

— Боже мой, как глупо! — Нелли стояла, опешив. — Нужно было просто объяснить, что произошло, спросить, откуда взялась эта тишина и где все люди? Терзая телефон, она еще раз двадцать набрала «911» и даже не сразу расслышала постепенно нарастающий тарахтящий звук. Девушка застыла, сконцентрировавшись на одном этом, неведомо откуда взявшемся дребезжании. Мгновенный испуг сменился сосредоточенностью, Нелли, несмотря на все свои рысканья в поисках следа человеческого, казалось, меньше всего ожидала услышать звук самого обычного мотора. Из-за угла выехал мопед. Крепко схватившись за руль, на маленьком железном коне восседала старушонка. Нелли, плохо соображая, что делает, стала метаться

по дороге, преграждая ей путь. Старушка, вильнув рулем, дала хороший крен и обогнула Нелли. Девушка попыталась схватить раздувающуюся на спине старухи куртку, но пальцы ее едва коснулись скользкой материи.

— Брысь!!! — крикнула через плечо старуха. Проехав еще несколько метров, наездница отняла одну руку от руля, выкинула один палец вверх, мотоцикл вильнул, старуха едва удержалась и затарахтела дальше. — Отвали! — взвизгнула на прощанье старушенция.

Рядом с номером мопеда, торчащего из-под ее задницы, бегущей строкой стали выскакивать одна за другой буквы: «Руки прочь от частной собственности. Этот мопед является достоянием почетной жительницы города Полины Ивановны Синичкиной. В случае если вы не прекратите преследование, на вас будет наложен штраф в соответствии со статьей... — Дальше шли ссылки на кодексы, Конституцию, другие правовые документы. Жирным шрифтом шло напоминание о Гаагском трибунале. — Если и это вас не остановит!!!!.. — вопила надпись. — Ту-ту! Ту-ту-ту! Ту-ту-ту-ту! Ту-ту! — следовал звуковой сигнал, старушка была явной поклонницей „Спартака“ и, похоже, в затруднительных ситуациях могла рассчитывать на помощь любимого фанклуба. — Владимирский централ... лежит на сердце... груз...» — Запись, виляя, заканчивалась под звуки известной песни. Последним из-под хвоста вылетело предупреждение о тюремном заключении сроком до двух лет.

— Да постойте, — задыхаясь, бежала следом Нелли. — Мне только узнать...

Рыканье мотора заглушило ее последние слова. Старуха умчалась. Нелли, едва себя сдерживая и все еще слабо веря в то, что дело наконец сдвинулось с мертвой точки, готова была разрыдаться от счастья... и от досады! Ну надо же было так глупо упустить старушенцию! На щеках выступили пятна, веки дрогнули, девушка стала считать розовых слонов — у каждого свой способ прийти в норму.

— А может, все... утопали на распродажу... — отдышавшись, выдвинула еще одну версию девушка. — Это все объясняет... старуха ринулась именно туда... одна она непостижимым образом ничего не знает о разразившейся распродаже... ну, конечно... последние две недели она просидела за отчетами... телевизора у нее сейчас нет, старый сдала... новый пока не привезли... — Нелли с облегчением выдохнула. — Просто невероятно, как она могла забыть о распродаже! Распродажа! Слово это давно стало священным, действие — магическим! «Нет в мире краше Вас, Венера Марь Ванна, средь девушек прелестных

и достойных!» У Нелли, как и у всех, будто опилки, из головы торчали обрывки рекламных слоганов: «Круговая подтяжка талии. Вживление хула-хупа», «Бельё на рыбьем меху — подари себе и ему незабываемые ощущения». Услышав о распродажах, каждый маленький житель большого города ломанется в торговый комплекс, будет стоять в змеином хвосте, три раза огибающем храм современной цивилизации, ожидая того часа, когда можно будет хватать-хватать-хватать. «Три капельки сакральной урины носорога... Сотрудники парфюмерной фабрики номер 15 позаботились о том, чтобы по вашему следу пошли все самцы ближайшего округа».

Девушка сунула под мышку сумочку и, будто почувствовав самую настоящую распродажную лихорадку, ринулась в сторону ближайшего торгового центра. Около него не было ни души. Нарядные витрины. Прилавки, заваленные товарами. Сумочки фирмы «ВамКлячи», портмоданы, согревающие носки, охлаждающие майки, белье с утяжкой, белье с накладками — куча всего, о чем только можно мечтать современному человеку. Рука нечаянно потянулась к похожему на купол зонтику, но, не успев его коснуться, отдернулась. Камеры, повсюду камеры... Нелли надеялась, что уж здесь-то она точно попала в зону наблюдения по крайней мере десятка камер. «А может, помахать? — проскользнула мысль. — Почему нет?! Каждая ненормальная делает это...»

Нелли вдруг подняла руку:

— Эй-й-й-эй-эй! — крикнула она. — Я тут! Ку-ку! — Девушка махала уже двумя руками. — Есть кто дома?! — В жесте и правда было что-то сумасшедше-театральное. Закончив выступление, девушка присела на первую попавшуюся скамейку, следом перебралась на соседнюю, поменяла еще несколько, пока наконец не оказалась на скамейке возле фонтана. Фонтан ненавязчиво журчал.

— Вот и есть с кем поговорить. — Нелли, закинув голову и на всякий случай посмотрев, нет ли кого-нибудь на потолке, звонко рассмеялась.

И все-таки как жаль, что никого рядом, мушка, крыска, таракашка — она ведь на любую компанию согласна. Нелли беспокойно огляделась, казалось, еще какая-то мысль заползла ей в голову. Девушка спорхнула со скамейки, встала на карачки и, передвигаясь ползком, стала что-то искать под скамьей.

— Неужели никого? — бубнила себе под нос Нелли. — Люди в желтых костюмах шныряют повсюду и охотятся на бедных кукарач?

Девушка пролезла еще под несколькими скамейками,

но поиски таки не увенчались успехом, поднявшись, она отряхнула колени, зачерпнула из фонтана воды. «Скорее бы уже стать козленочком», — нечаянно промелькнула еще одна мысль. Нелли дала несколько кругов вокруг фонтана, прежде чем снова приземлиться на скамейку, она была, как и прежде, одна — немые манекены, зеркальные витрины, сверкающий ровный пол. Некоторое время Нелли сидела, ничего не делая, как будто к чему-то готовясь, наконец вытащила из сумки пузатый кошелек, набитый кредитками и дисконтными картам, сдернула с шеи шарф и медленными движениями стала наматывать его вокруг кошелька, сделала несколько петель, появились две болтающиеся ноги, ручки вышли короче. Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек. Она ведь всегда мечтала о бейбике. Нелли просияла, лицо ее озарило самое настоящее, неподдельное чувство. Конечно, будет непросто, ребенка нужно сдать в сад, через пять лет забрать, потом отвести в школу, через десять лет забрать уже из школы, иногда навещать, делать семейные фотки. Забот полон рот. Но зато будет с кем сходить в кино и съесть мороженое. Конечно, у современного человека не так много времени на досуг, большая его часть уходит на производство и офис. Еще хорошо, что чья-то умная голова когда-то додумалась переделать часть рабочего пространства в мобильный дом, теперь бесценное время не тратится на переезды — восстановиться после трудового дня, выспаться можно не отходя от станка, типичный житель, типичного мегаполиса давно живет в комнатке типа дом-офис. А с детьми можно сходить в торговый комплекс, все они теперь наилучшим образом устроены для приятного времяпровождения с родственниками.

— До чего же ты хорошая... — Нелли прижала куклу к себе, вокруг была все та же тишина, только сверху зудели лампы, кукла захотела пить, Нелли подошла к автомату, разбила стекло и вытащила большую бутылку газировки. Два медбрата выросли за ее спиной и подхватили девушку, как раз когда она поила куклу. Аккуратненькая машинка юркнула в незаметный проход и выехала из огромного, занимающего несколько улиц павильона, сплошь заставленного декорациями. Со всех сторон налетел шум города, каблучок покати́л в сторону неприметного опрятного домика желтого цвета. Нелли исчезла с экранов мониторов.

На следующее утро она сидела в аккуратно вылизанном садике, скрытом от любопытных глаз высоким забором. Вокруг нее опять были люди.

— Новенькая? — Кто-то плюхнулся рядом. Нелли,

дернувшись, прижала к себе куклу.

— Твоя? — прощупывал почву мужчина.

Девушка, глупо улыбнувшись, кивнула.

Молодой человек без разрешения забрал куклу. Нелли вся скукожилась, однако тоже внимательно за ним наблюдала.

— Понятно, — покрутил куклу он. — Телячьи нежности, сантименты... еще одну сцапали... — Молодой человек начал насвистывать, незаметно озираясь по сторонам. — А ты знаешь, где происходила вся эта байда? Зловещая тишина-а-а... Вымершие доро-о-оги... Меня, между прочим, первым делом озадачил этот вопрос. Ну где в целом городе, в котором яблоку негде упасть, каждый пятачок на каждом уровне уже продан-перепродан, можно было найти такое огромное, причем никем не замечаемое пространство?

Нелли быстро глянула на него, как ни странно, вопрос этот даже не пришел ей в голову, а ведь действительно, пространство огромное, по крайней мере на несколько кварталов, и оно ведь находится где-то перед самым носом.

— На старом полигоне «Мосфильма», в трех километрах отсюда, — конфиденциально сообщил молодой человек, решив, видно, не мучить неизвестностью новую знакомую. — Помнишь, на всех углах трубили, что будут строить второй Болливуд?.. А знаешь, как можно было бы их объегорить? — теребя несуществующие усы, вещал молодой человек. — Нелли молчаливо внимала. — Так вот... когда ты оказалась в торговом центре, заваленном всем этим хламом, нужно было хватать, хватать, ХВАТАТЬ! Понимаешь?!

— Зачем?! — в первый раз открыла рот Нелли.

— Как зачем? — удивился молодой человек. — Тогда бы ты оказалась... нормальной и... благонадежной! Ну, и тебя бы выпустили...

— Обратно? К ним? — процедила, сверкнув глазами, Нелли. — Зачем? — повторила свой вопрос она и забрала из его рук куклу. — Нас и тут неплохо кормят.

Молодой человек заморгал глазенками, раскрыл было рот, но Нелли незаметно толкнула его в бок, скосив взгляд в сторону дуба, — за ними уже некоторое время наблюдала спрятанная в дупло камера. Молодой человек тут же заглох, однако незаметно придвинулся поближе к девушке, даже просто сидеть рядом и молчать было до чертиков приятно.

Тигр на прогулке

Догнать и растерзать! Впитаться клыками и ни на миг не отпускать! Он в последний раз вперил взгляд в спину... и снова нахлынуло. Гибкое, изворачивающееся змеей тело, он обожает, когда она сопротивляется, когда в ответ на его напирющую силу она впивается и рвет его когтями, а потом с ее губ срывается пронзительное, душераздирающее, оглушительное... «Мя-я-яу!!!!» И она вдруг становится такой мягкой, такой податливой... Дыхание их вновь сливается, и он чувствует жилку, еще бьющуюся в бездыханном теле, и вот она уже затихла, еще мгновение... к горлу опять подступило... Ладонь хлопнула по карману, что-то быстро чпокнуло, исчезло во рту, глаза с вожделением закатились... струящийся шелк тела, приторная, затягивающая сладость, что-то еще... неуловимое. У-у-ух!!! Парение и пропасть, взмывание с замиранием...

Марк Семенович еще разочек напоследок облизнулся, провожая взглядом удаляющуюся Ларочку. Ларочка знала, что Марк Семенович не спустит с неё глаз до тех пор, пока она не завернет за угол шестнадцатизэтажки, поэтому шла выкладываясь. Бедро плавно пошатывались, ножки в аккуратненьких новеньких сапожках (купленных неделю назад Марком Семеновичем) старались выделять как можно более изящные крендельки, Ларочка придала личику томное выражение — наблюдающий за ней Марк Семенович видеть этого не мог, но женщина была твердо уверена, что походка, да и образ в целом от этого только выигрывают. Где-то на уровне талии или чуть ниже она почувствовала прикосновение. «Ну-ка!» — Девушка не сильно, играючи шлёпнула ладошкой по мясистой лапе и чуть замедлила шаг, чтобы Марку Семеновичу было удобнее ее раздевать... Лапища сползла на бедро, поерзала возле пояса, блузка выбилась из ловко расстегнутой молнии, лапа потянула за край юбки. Сердце мужчины сладко забилося... Бюстгальтер упал, как раз когда Ларочка заворачивала за угол...

Сидящий в машине Марк Семенович схватился за руль и с шумом выдохнул. Выдох этот был гораздо красноречивее каких бы то ни было слов. Он вбирал в себя невообразимое множество порой спорящих друг с другом ощущений и заканчивался грубым, нецензурным, кстати, совершенно нехарактерным для Марка Семеновича термином, которым мужчины награждают самку самой высокой пробы! Ларочка, безусловно, выдох этот заслуживала, иначе не было бы ни этого взгляда, ни сапожек, ни новых бусиков, ни много-многого

другого. Ларочка была прелестью, радостью, цыпочкой Марка Семеновича не неделю, не месяц, а вот уже целый год, но дело было даже не в этом, дело было в самом Марке Семеновиче, который рядом с такой женщиной то млел и падал к ее ногам, как распутившийся, невменяемый пион, то вдруг становился тигром, львом, бесстрашным грозным зверем, один вид которого заставлял все вокруг трепетать, дрожать, падать грудью на землю, траву, песок, асфальт!

Мужчина хотел было достать припрятанный в бардачке телефон и осыпать еще раз на прощанье свою нимфу самыми нежными словами, но передумал, вместо этого полез в очечник, нацепил очки и принялся придирчиво осматривать всё вокруг себя, в особенности то место, на котором только что, как богиня, восседала его кисочка, его румяное наливное яблочко. На первый взгляд, всё было в порядке, но Марк Семеныч, калач тертый, не доверял ни первому, ни второму, ни третьему взгляду, из бардачка вынырнула девственно чистая тряпочка и мимолетным движением пробежалась по спинке и сидушке соседнего с водительским кресла. Ни одного случайно выпавшего волосочка, ни одной чужеродной ворсинки не осталось там, где только что прошла тряпочка. Мужчина нажал на кнопку, подождал, пока стекло бесшумно опустится, пухлая ручка, будто для поцелуя, показалась из окошка и встряхнула платочек. Аккуратно сложенная тряпочка снова спряталась в бардачок, чтобы хранить там молчок. Инспекция на этом не закончилась. Чем прекрасней женщина, тем она коварнее, — это уж Марк Семенович знал не понаслышке. Но настоящий укротитель всегда на шаг впереди хитровыделанного зверя, знает все его финты и никогда на все сто не доверяет. Марк Семенович, конечно, был настоящий укротитель, а не какой-нибудь дрессировщик морских свинок. Навалившись на круглый упругий живот (очень похожий на тот гимнастический снаряд, на котором прыгала, поддерживая форму, периодически упражняющаяся в фитнесе Ларочка), мужчина принялся внимательно исследовать пол под сиденьем: пухленькие пальчики ощупали дюйм за дюймом, пролезали в самые труднодоступные места, весь Марк Семеныч при этом обратился в слух, нюх, тактильные ощущения, не игнорируя ни одну из возможностей, предоставленных ему органами чувств. Окна к этому моменту уже были распахнуты, включенный на полную катушку климат-контроль вентилировал салон. Покатавшись на животе так и сяк, раскорячившись, Марк Семеныч наконец придал своему телу невероятный изгиб и дотянулся до самого дальнего угла под креслом — мясистые щеки вспыхнули, как спираль прикуривателя, где-то что-то хрустнуло

(Марк Семенович безошибочно определил — в районе третьего позвонка) — под сиденьем ничего не оказалось: ни нечаянно оброненной помады, ни неумышленно закатившегося колпачка, ни другой женской штучки. Мужчина с облегчением выдохнул — Ларочка-киска на этот раз оказалась умничкой и не стала вредничать.

Обследовав наконец все закутки внутри железного панциря своего 350-го коняки, Марк Семенович не без усилия вернул себя в исходное положение. Мужчина он был не глупый, безусловно, и сам видел некоторую комичность в этом своем лазании, однако лучше посмеяться сейчас, наедине с собой, чем потом в разгар совещания или дома, на всем скаку размахивая саблей (по воскресеньям к ним приезжали внуки), вытащить из кармана кружевные женские тпрусики... Спohватившись, мужчина залез двумя пальцами во внутренний карманчик... эта штучка могла оказаться такой изобретательной! Увлеченный всплывшим воспоминанием, Марк Семенович снова галопом понесся за угол шестнадцатизэтажки, по косточкам разбирая ту встречу, когда Ларочка предстала перед ним в образе Евы и заставила его во время их очередного пих-пух грызть яблоко, а после этого обратилась в жар-птицу. Спереди, чуть повыше Ларочкиного пупка, у жар-птицы были два изумрудных, переливающихся глаза, таких прекрасных и огромных, что Марк Семенович не мог от них оторваться. Ларочка была такой выдумщицей!

Еще одно, последнее рычание вырвалось из груди Марка Семеновича перед тем, как прекрасный образ несколько затуманился, девственный платочек, снова вынырнув из бардачка, промокнул выступившие на лбу капли.

Спустя полчаса на месте Ларочки восседала законная супруга Марка Семеныча Елена Ивановна (или Ларочка полчаса назад восседала на месте супруги? Разобраться в этом было сложно, да и к чему, когда и так все прекрасно). Супружница Марка Семеновича никогда не была ни Евой, ни зеленоглазой жар-птицей. Елену Ивановну если бы и удалось представить с торчащими из разных частей тела перьями или грызущей во время всяких неприличностей яблоко, то это вызвало бы разве что улыбку, да Марк Семенович и не позволил бы — бывают женщины такие, как Ларочка, а бывают другие... и разве не удивительно, что все они такие разные... Мужчина чуть не с умилением глянул на сидящую рядом супругу: «там, где брошка, там перёд», что поставь — что положи, сбоку бантик, сзади — три, сверху дурацкая шапочка, из-под пальто торчат

то ли валенки, то ли модифицированные кроссовки, на ножках Ларочки такие бы еще смотрелись, но на копытцах Елены Ивановны... Мрак! Сколько раз он отправлял её в салоны, сколько денег угрохал на модельеров и дизайнеров! Но что ни возьми — все как корове седло! Но разве это в жене главное?!.. Марк Семенович с надеждой глянул на супругу, под ложечкой засосало, еще бы! С Ларочкой было спущено пять тысяч калорий!

— Голодный, пупсик? — засюсюкала Елена Ивановна.

Марк Семенович мурлыкнул что-то под нос, из чего супруге стало ясно: «Голодный! Как пёс!!!»

— А таблетки пил? — озабоченно спохватилась супружница.

Марк Семенович кивнул.

— Ну, погоди, я до тебя доберусь... — подпустила еще сиропчику Елена Ивановна. (Марк Семеныч давно подметил: как ни проветривай салон, как ни заметай следы тряпочкой, баба бабу пусть нижним мозгом, но все равно учует. Но, опять же, не это главное, главное то, что у кого-то бабье от этого звереет, а у него становится еще и покладистее...)

Всю дорогу домой пупсик гадал, что же его ожидает дома — пирог с вишней или кулебяка с яйцами и капустой?

Сонечка готова была лопнуть, нет, не от счастья, не от радости, а от негодования, возмущения, от того, что она оказалась вот в такой вот возмутительной ситуации. Не сказать, что раньше с ней подобного не случалось, но теперь по какому-то злему року судьбы она попадала в подобные ситуации все чаще и чаще. Если это полоса невезения, то почему она не как зебра, хотя бы с каким-то намеком на чередование?

Мысли со всех сторон окружили девушку, жужжали над её головой и становились всё злее и настойчивее. Сонечка и сама не поняла, как перенеслась на многие тысячи километров на восток и, судя по всему, очутилась на территориях, принадлежащих современному Китаю, определить исторический период она затруднялась, тем более что все вокруг тут же тесно переплелось с окружающей ее действительностью. Ее новая знакомая Лидия Петровна была как будто за что-то подвешена и парила в воздухе, в пространстве она занимала не вертикальное положение, а лежала плашмя и слегка подрагивала. Снизу к её дребезжащему телу тянулись заострённые стебли бамбука. Бамбук, как в сказке — правда, уже не в китайской, а в русской, — рос не по дням, а по часам, вонзался в распластанное тучное тело Лидии Петровны, пронзал ее насквозь, причиняя невероятные муки, и, насадив на вертел свою жертву, рос дальше. Лицо Лидии Петровны время от времени перекашивало, тело корежилось и конвульсивно дергалось, Сонечка в то время, когда бамбук делал свое мокрое дело, тоже ежилась и подергивалась. На этом действие не заканчивалось, попытка продолжалась, но уже не в Китае, а в мрачном сыром подвале. Лидия Петровна, теперь не одна, а вместе со своей сообщницей Маргаритой Тихоновной, была привязана к стулу. Место, в котором стояли стулья, кишмя кишело голодными, мерзкими крысами. В общем, пока не происходило ничего страшного, кроме того, что одна крыска проворно вскарабкалась по подолу Лидии Петровны, которой только что досталось от бамбука, попискивая и шевеля усами, перепрыгнула на плечо Маргариты Тихоновны (женщины сидели привязанные спиной друг к другу) и подобралась к её ушку. Повозившись на плече женщины, зубастая покрутила своим длинным мерзким хвостом, подергала носом и в конце концов больно грызнула Маргариту Тихоновну за ухо. Женщина (совершенно несоизмеримо с причиненным ущербом) взвизгнула, испугала крыску, та с перепугу сиганула на Лидию Петровну, которая

в ответ тоже испугалась и тоже завизжала. Сонечка аж зажмурилась от удовольствия! Сцена, развернувшаяся перед ее мысленным взором, до того ей понравилась, что девушка задумалась о том, где бы раздобыть серого злого мышуна, чтобы подпустить гадким соседкам. Выглянув в узенькую щелку, Сонечка вздохнула — вокруг все было стерильно, гигиенично, ни о каких крысах, клопах и тараканах и речи не могло быть. Они были так же далеки, как поля, поросшие бамбуком.

«Можно обойтись и без пыток, пойти и пожаловаться, — продолжила размышления Сонечка. — Расправиться с ними официальным, пусть даже таким простым способом». Очень хотелось задать им порку. Тут у Сонечки проскочила и вовсе неприличная мысль. Все те же женщины по очереди приспускали штаны, ложились на будто из-под земли выскочившую лавку и от души хворостиной хлестали друг друга по оголённым зефиринам. Пикантность состояла в том, что одна обидчица наказывала другую — раньше такой способ расквитаться с ненавистной ей парочкой Сонечке в голову не приходил. Было во всем этом что-то уморительное, но неосуществимое, вариант с обычной жалобой подходил больше. Пожаловаться можно лично, а можно и анонимно. Сонечка обожала анонимки, это же ведь тот же перст божий, в уме она тут же набросала текст будущей записки: «Спиридонова М. Т. и Тихонова Л. П. из такой-то палаты систематически нарушают больничный режим, до первых петухов смотрят телевизор и т. д. и т. п...» Пока текст не вылетел из головы, девушка тихонечко достала телефон (хорошо, что экран светился) и сделала запись. Все эти манипуляции Сонечка постаралась сделать как можно незаметнее, но одеяло все равно предательски зашуршало. В противоположном углу палаты в ответ тоже что-то зашебуршало, следом наступило обманчивое затишье, и вдруг — шмяк! — девушка почувствовала не сильный, но очень обидный шлепок. Пройдя по касательной, над Сонечкой пролетел тапочек Маргариты Тихоновны и застрял где-то между её кроватью и стеной. Сонечка молниеносно свернулась. Некоторое время она лежала не шелохнувшись, но дышать под одеялом становилось все труднее, девушка приоткрыла маленькую щелочку и несколько раз глубоко вздохнула. Послышался грубый смешок, который мог принадлежать только Лидии Петровне. Маргарита Тихоновна хоть и была заодно с подругой, но все-таки не была такой толстошкурой, да и на вид она была более интеллигентной. Сонечке даже иногда казалось, что, не попади Маргарита Тихоновна под дурное влияние соседки, она оказалась бы даже вполне приличным человеком и при других обстоятельствах они,

возможно, поддерживали бы добропорядочные отношения.

За всеми своими думками девушка чуть не прослушала приближающиеся шаги.

Над кроватью нависли двое. Сонечка, как упавшая с ветки гусеница, свернулась калачиком и затаила дыхание — неужели к довершению всех глумлений её теперь еще и отмутузят? Девушка зажмурилась, к темной ей было не привыкать, школа жизни в Сонечкином случае началась рано, чуть не с самого нежного возраста, когда все дела еще делаются в памперс. Гнилые люди не появляются ниоткуда, они вырастают из гнилых деток. В лагере однажды во время тихого часа ей вымазали лицо зубной пастой, самое обидное было то, что она во время процесса не спала, детки могут быть очень изощренными...

Две фигуры повисели некоторое время над горкой из одеяла и отошли, заговорил телевизор. «И все-таки бессовестные, гадкие, мерзкие, — начала опять клокотать в Сонечке злость. — Мало того что ради хохмы сожрали все ее съестные припасы, так еще и спать не дают». Мысленно Сонечка один за другим испепелила все приходящие ей на ум телевизоры. Сон как рукой сняло, девушка опять разволновалась, одеяло зашевелилось, но ненадолго, вскоре она все-таки успокоилась и даже уснула.

Проснулась Сонечка среди ночи. Одеяло во время сна распахнулось, и она оказалась один на один с окружающим ее враждебным миром. В палате было тихо, если не считать тихонько жужжащего в углу телевизора. Лидия Петровна и Маргарита Тихоновна давно дрыхли. Челюсти Лидии Петровны клацали в темноте в стакане, Маргарита Тихоновна умильно приоткрыла ротик, и сразу становилось ясно, что никакая она не злобная тетка, а всего лишь, как и предполагала Соня, попавшая под дурное влияние вполне нормальная женщина. Сонечке даже стало стыдно от того, что она мучила Маргариту Тихоновну ненавистными крысами. На экране телевизора что-то мелькало. Сонечка хотела было встать и выключить телевизор, но, вспомнив, как два дня назад получила за это взбучку, передумала. Экран неожиданно блымокнул, в комнате в ответ что-то вспыхнуло, Сонечка приподнялась на локте и пригляделась. На тумбочке между кроватями стояла открытая консервная банка, поймав еще один блик экрана телевизора, крышка еще разочек сверкнула. Ненасытная Лидия Петровна жевала днем и ночью, но не это заинтересовало Соню. Девушка опустила ноги с кровати, ступила босой ступней на холодной пол, в два шага оказалась возле тумбочки, дернула на себя колечко на крышке

и быстро вернулась на свою кровать. Сонечка даже предположить не могла, что края крышки могут оказаться такие острые: выпрямляя ее, она чуть не обрезалась. Пошевелившись, Маргарита Тихоновна снова загнала Сонечку под одеяло, девушка лежала зажмурившись, когда она открыла глаза, перед ней снова стояли два стула, на них сидели привязанные друг к другу женщины, на плече одной из них, шевеля усиками, сидела крыска. Первым отлетел мерзкий хвост, с головой вышло все не так эстетично, Сонечка поморщила носик, заметив, что немного испачкалась...

Пальцем в небо!

В своем кабинете Кувшинов был царь и бог, об этом знал он сам, знала длинная вереница выстроившихся за его дверью просителей, знала уборщица тетя Клава, прибирающая каждый день его кабинет. На хорошем счету был Илья Тимофеевич и у начальства, которое его безусловно ценило, аккуратно поздравляло со всеми относящимися и не относящимися к нему праздниками, всячески стимулировало (подтверждением тому служило множество вывешенных на стене грамот, кубков, от которых ломилась и уже неделю грозилась упасть прибитая к стене полка), а все потому, что работа у Кувшинова была до безобразия вредная и найти на его место еще одного такого же рьяного сотрудника было совершенно немыслимо. Почему Кувшинов со своим университетским дипломом и докторской степенью до сих пор не бросил все к едрёной корове, а продолжал копошиться в своем кабинетике, удовлетворяя по большей части пустячные просьбочки, одному Богу было известно. Вероятнее всего, банально привык — что мы есть, по сути, как не мешки, набитые привязанностями и привычками? Но, возможно, и ему было не чуждо ничто человеческое — все к тебе ломаются, умоляют, спина начинает чесаться от пробивающихся крыльев, само осознание того, что ты, как воздух, кому-то нужен, приятно. Немаловажен и антураж, в кабинете, куда ни плюнь, все было величаво, богато, чего стоил один тяжелый, обитый зеленым сукном стол и... графинчик, переливающийся хрустальными гранями (за которым, кстати, следила сама тетя Клава и нет-нет да и подливала в сосуд беленькой).

Занимая далеко не самую заурядную должность, злоупотреблял ли Илья Тимофеевич своим положением? Конечно, злоупотреблял. Обстоятельства, складывающиеся вокруг него, были таковы, что не брать было просто невозможно. Ну как тут не возьмешь, когда каждый так и норовит засунуть тебе что-нибудь разве что не за шиворот. Однако мотивы, движущие Кувшиновым, сильно отличались от привычных нам. Кувшинов брал не из корысти, не из жадности, Кувшинов брал, как бы ни звучало это странно, — из человеколюбия! Брал от того, что был уверен, что ежели не возьмет — своим отказом сильно обидит человека, хуже того, отымет у него последнюю надежду. А последнюю надежду, по мнению Кувшинова, отымать у человека никак нельзя, потому как она у него как путеводная звезда. К тому же, судя по опыту, если уж человек намеривается поделиться с кем-то своими сбережениями, хоть кол ему

на голове теши — своего добьётся: недаром каждый раз после приема тетя Клава то из-под стола, то из-под ковра, а то и вовсе из-под листьев раскинувшейся в углу диффенбахии выгребала радужные бумажки.

Илья Тимофеевич, конечно, был прекрасно осведомлён, что где-то там, далеко, по этим шуршащим ценностям убиваются, их жаждут, из-за них режут, колют, стреляют, ходят на головах, стоят на задних лапах и чего только не вытворяют, чтобы их побольше хапнуть, однако у них здесь сии подношения никакой практической ценности не имели (на них даже писать было неудобно). Подносящие об этом, само собой, не догадывались — куда им, когда все вокруг только и делают, что гребут, для самых рьяных макулатурщиков на этих бумаженциях даже специально нацарапали благословение сверху. Кувшинов же, чтобы никого не обидеть, с некоторых пор стал собирать что-то вроде гербария: откопал где-то толстый альбом и под прозрачный листик стал складывать получаемые им пожертвования. Смотреть на него, запихивающего пинцетиком под прозрачную пленку сторублевку или синюшную тысячную, было любо-дорого. Совершал все манипуляции Илья Тимофеевич очень аккуратно, при этом его в общем-то добродушное и приятное лицо становилось сосредоточенным и даже жестким: как будто в этот самый момент он имел дело не с искусно разрисованной бумагой, а с опасным видом растения или даже паука, один плевок которого будет стоить жизни любой зазевавшейся мухи. Поглядеть на всё это со стороны, на ум приходило одно: Кувшинов — вернее, его идеальная часть — таким вот чудаковатым образом пытался изолировать весь этот дурех от прекраснейшего из миров. (Однако, не в силах решить проблему в глобальных масштабах, боролся с ней подручными, доступными ему средствами.)

Эквивалентом взятки в денежном выражении являлись подкидыши-подарки (кстати, несмотря на то, что на из цену давно установили лимит, Илье Тимофеевичу по-прежнему волокли подношения стоимостью заоблачной). Все эти подарочки до поры до времени валялись у Кувшинова в ящике, естественно, в один прекрасный момент ящик от этого всего перекашивало и он переставал закрываться, Кувшинова накрывал неминуемый псих (выбросить весь этот хлам было неудобно — кто-то пыхтел, зарабатывал, угрожал на всё это уйму сил и времени, трудозатраты в некоторых случаях были поистине лошадиные) — вот тогда-то на арену и выпускалась тетя Клава со шваброй и двумя ведрами.

Кувшинов глянул на массивные часы, длинная стрелка зашаталась и заползла на двенадцать, Илья Тимофеевич застегнул верхнюю пуговицу рубашки, втиснул два пальца между кадыком и плотно облегающим шею воротником, как гусь вытянул подбородок. Первому посетителю он всегда доставался в лучшем виде. Спустя каких-нибудь полчаса вид уже будет не тот: верхняя пуговица рубахи будет снова расстегнута, борта кителя выскочат из-под мышек, появятся и другие огрехи в туалете, но сейчас всё было безупречно, без малейшего намека на грядущую измочаленность.

— Следующий! — крикнул Кувшинов, выпустив из-под усов струю воздуха. Конечно, это был никакой не следующий и самый что ни на есть первый на сегодня посетитель.

Дверь распахнулась, послышался шум, гам, улюлюканье — культура во всем своем блеске. Дверь так же быстро захлопнулась, выплюнув в кабинет человечка. Человечек стоял в буквальном смысле ошарашенный. Едва очухавшись, он согнулся, бросился поправлять и разглаживать руками брюки, что было совершенно бесполезно — костюм выглядел так, как будто бы его по очереди жевали два верблюда. После того как брюки (скорее, для собственного успокоения) были кое-как оправлены и помочь им больше было нечем, вошедший спохватился, быстро, как пружина, выпрямился, залез в карман и вытащил маленький, скомканный клочок бумаги — Кувшинов все это время внимательно наблюдал за просителем. Чутье его не подвело, перед ним стоял лучший экземпляр посетителя: если уж человек в состоянии изложить всё, что ему нужно на бумаге, значит, по крайней мере, сможет членораздельно объяснить, по какому, собственно, поводу заскочил к ним на огонек. Чиновник еле заметно улыбнулся, привстал, хотел было выйти из-за стола для приветствия, но проситель уже на всех парусах мчался к нему.

— Милейший!!! — По дороге мужчина запихнул бумажку обратно в карман. — Кувшинов выпрямился, как столб, и чуть-чуть попятился, хотя между ним и просителем все еще находился стол. — Дорогой мой! — не снижал градус проситель. Мужчина неожиданно резко притормозил, как будто только сейчас заметил разделяющую его и чиновника преграду, преданно заглянул Кувшинову в глаза и выпалил: — Я вас об одном прошу! Спасайте, голуба моя!!!

Кувшинов несколько опешил, не от обращения — с этим он давно смирился, взяв на вооружение старую добрую мудрость: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь», — вопрос был в другом: что от него-то требуется? Мужчина, несмотря на свои

фокусы с бумажечками, так и не обозначил суть проблемы.

Это ж... форменное без-з-образие! — Посетитель тем временем, подтянув одну ножку, ловко крутанулся на каблуке, сделал поворот на сто восемьдесят градусов и так и замер — к лесу передом, ко всем задом.

Мужчина не поворачивался, а будто выжидал, когда Кувшинов сам обо всем догадается. Илья Тимофеевич, как назло, впал в ступор...

— И как вам это нравится?! — кинул из-за плеча мужчина. — А ведь мне только тридцать пять!

Кувшинов начал прокручивать один за другим варианты, но пока не попадалось ничего, за что бы можно было зацепиться.

— Издержки профессии, — продолжал вещать мужик. — Может, для кого-то внешность всего лишь брэнная оболочка, но я зарабатываю этим себе на жизнь. Это мой хлеб!

Хлеб запутал Кувшинова еще больше, но Илья Тимофеевич не стал лезть в дебри — мало ли кто чем зарабатывает — и все-таки, как ему показалось, нащупал суть.

«Накладка пятнадцать на пятнадцать в форме круга», — аккуратно зафиксировал в ведомости Кувшинов (луну в форме полукруга можно было вырезать и самостоятельно). Но, чуть подумав, зачеркнул и написал заново: «Чтобы все вновь заколосилось».

— А можно побыстрее? Ну или хотя бы к следующему сезону? — повернувшись лицом к Кувшинову, заискивающе попросил мужчина.

Кувшинов опять не понял, к какому такому сезону, и решил тоже схитрить — весь подобрался, чуть не сложил ручки по японскому церемониалу, дескать, человек маленький, хата с краю, могу только зафиксировать и передать в следующую инстанцию.

Илья Тимофеевич, безусловно, лукавил, он, конечно, не был истиной в последней инстанции, но и от него зависело многое, одну просьбочку всегда можно придержать, другую — пустить раньше, и работа при этом вроде как работается, комар носа не подточит — любому чиновнику известны подобные фокусы.

— А как, по вашему мнению, поможет? — продолжал подхалимничать загадочный мужчина.

— Гражданин! — вдруг переменялся в лице чиновник. — Мне-то откуда знать! — Сказано это было неожиданно резко, Кувшинов аж сам скривился, тем не менее, чтоб не задавали глупых вопросов, иногда требовалось, как он выражался, на посетителя рывкнуты.

— Да-да-да! — с извиняющимся видом скукожился

проситель. — Вы абсолютно правы! Я просто подумал, раз уж вы тут сидите... возможно, вам больше известно? — подняв одно плечико, предположил мужчина.

«Мы здесь совсем не за этим сидим!» — Кувшинов чуть было опять не прикрикнул на посетителя, но сдержался.

— Да откуда ж мне знать... Вы — там, а я — тут! — Илья Тимофеевич был сама наивность.

Проситель, конечно, не мог знать, что Кувшинову строго-настрого запрещалось вносить какие-либо замечания, разъяснения, не приведи Господи — давать советы. Его дело только зафиксировать — и следующий! Зафиксировать — и следующий! И никаких разжевываний! Котелок-то каждому какой-никакой, а выдан!

Проситель, как будто не желая отрывая от чиновника влюбленных глаз, стал пятиться к двери. Курс по мере хода сбился, мужчина наскочил на стену и теперь, ощупывая её пальцами, пылся вбок в поисках выхода. — А вы ничего не перепутаете? — напоследок спросил он.

— Это вы там всё путаете, — нечаянно огрызнулся Кувшинов. — А мы, уж поверьте, здесь ничего никогда не путаем! Не приучены! — Кувшинов еще подумал и добавил: — Уж будьте уверены!

Последняя долетевшая до посетителя фраза была сказана несколько грубовато, но, как ни странно, именно она вселила в просителя уверенность в непогрешимости их конторы и невозможности всякого рода оплошностей. Довольный, с твердой верой в то, что, когда над головой его наконец погаснет свечение, жизнь его снова наладится, проситель тихонечко прикрыл наконец найденную дверь.

Оставшись один, Кувшинов потянулся к верхней пуговице рубашки. Едва он успел расстегнуть воротник, как на месте только что исчезнувшего человечка выросла дама. Илья Тимофеевич спохватился, кинулся застегивать пуговицу, заковырялся, толстый палец неожиданно застрял в дырке, чиновник стушевался. У Ильи Тимофеевича было особенное отношение к дамам — он был уверен, что вся сладость жизни от них, но и вся пакость от них тоже! В свое время Кувшинов от них натерпелся и теперь старался быть с дамами настороже, во всеоружии! Лучшим из своих орудий Кувшинов считал галантную невозмутимость. Дамские методы, все наперечет, ему были хорошо известны: наушничанье, ябедничанье, подкуп и, наконец, обольщение. Однако знания без практики — пыль, их

еще нужно уметь применять, Кувшинов-то и раньше не был особенно матерым, а без практики и вовсе заржавел.

Дамочка не спешила подходить, для начала дала себя разглядеть.

«Ага, вот, значит, какие мы из себя...» — Кувшинов чуть было не съехал с кресла под стол, однако не дал себе смалодушничать; вместо этого он смело глянул даме в глаза и включился в игру, решив потрянуть стариной. Первым делом Илья Тимофеевич оценил пропорции. Пока он их оценивал, пропорции начали двигаться в его направлении. Илья Тимофеевич вжался в кресло. Не выдержав устремленного на него взгляда, вскочил, чуть было не свалив при этом кресло, как-то нервно моргнул, причем одним глазом — это его и сгубило!

— Что вы хотели... — Чиновник не договорил. Дамочка без спросу обошла спасительный стол. Два плотных образования уперлись ему в грудь.

— А вы как считаете? — медленно, одними губами проговорила дамочка.

Илья Тимофеевич схватился за рубаху, расстегнул еще одну пуговицу, в ужасе замер, испугавшись своего необдуманного действия и возможной ответной реакции, снова кинулся застегивать пуговицу... Выглядело все до безобразия глупо. Дамочка хмыкнула, оценивая масштабы нанесенного ею смущения. Чтобы не дать себя окончательно проглотить, Илья Тимофеевич прибег к последнему спасительному средству:

— У вас ровно две минуты! — гаркнул он.

— Ну зачем же так кричать? — Дамочка задышала ему куда-то в ухо. Кувшинов поморщился, протер платочком орган слуха: «Да чтоб вас! Взяли моду лезть в ухо!»

— А хотите... я останусь... у вас... вместо тети Клавы... Я же лучше тети Клавы, правда? — Дамочка вдруг прикусила нижнюю губу и, сменив фокус, закатила глаза — в этом была её ошибка, Кувшинов успел прийти в себя и овладеть ситуацией.

«Ага, держи карман шире! — Чиновник отскочил от хищницы, между ними снова было спасительное пространство. — Фу, какая! — про себя проговорил Кувшинов. — Уже успела разноухать, что у меня работает тетя Клава. Кукла! Набитая тряпками или этим... как его... силиконом, такой только попадись — сожрет и не подавится! Ни ума, ни сердца! Какое там самопожертвование, служение идеалу, человеку, мужчине, в конце концов! Такой только заикнись, что она из ребра, она ж тебе этим самым ребром глазёнки и выковырнет!» — Всю эту тираду Кувшинов, конечно, ни за что на свете не позволил бы себе произнести вслух, однако, похоже, всё, только что

прокрученное им в голове, каким-то образом отобразилось на лице — дамочка, оставив его, уселась на уютный, мягкий диванчик и... заплакала...

Ситуация была из критических, инициатива снова перешла на сторону противника. Кувшинов, как ужаленный, метался по кабинету, вычерчивая одну и ту же траекторию: от дивана к столу, от стола к дивану. Где-то в недрах ящика стола Кувшинов откопал бутылочку с зельем, приготовленным, кстати, той самой тетей Клашей, которую так вероломно хотела спихнуть с места самозванка. Несколько раз сбившись, чиновник наконец отсчитал сорок капель и чуть не силком заставил дамочку выпить зелье. Пока дамочка, давясь и всхлипывая, глотала, Кувшинов прикладывал к её голове смоченный в зелье платок. Нельзя сказать, что Кувшинову никогда не доводилось сталкиваться с подобными ситуациями, но к некоторым дамским фокусам привыкнуть невозможно. Ну, боялся он бабских слез, как огня!

— Это всё обман! Обман! — всхлипывала женщина.

— Что обман? — не понял Кувшинов.

— Все это... — Дама положила руки себе на талию, руки поползли вверх, Кувшинов успел быстренько отвести глаза. — А я так хочу счастья!.. Я же достойна счастья? А? — икнула дамочка.

Кувшинов не ответил, он, кажется, понял, куда она клонит, чисто по-человечески ее, конечно, было жаль (хотя как женщина — Кувшинов успел это констатировать — она так себе, не в его вкусе).

— Я думала, что с ними все в моей жизни переменится, — продолжала делиться наболевшим женщина. — А вышло вона как... только сплошные неудобства... только и думаешь, как бы они нечаянно не лопнули... я ведь даже на самолете теперь боюсь летать... вдруг что...

— Ну, это уж вы наговариваете, — показал свою осведомленность в вопросе Кувшинов. — Самолеты-то здесь при чем?! Сейчас производители такую гарантию дают, что с ними на чем хочешь летать можно... Хоть на Су-35-м. (Кувшинов, кажется, недавно что-то читал об этом в периодике.)

— А вы это точно знаете? — Дамочка недоверчиво посмотрела на Кувшинова.

— А вы, собственно говоря, зачем пожаловали? Желаете что-нибудь? — попытался перейти к делу он.

— Ах, да, — спохватилась дамочка. — Передайте им... мне бы хотелось, чтобы все это было естественным, все то же самое, но естественное! Сможете? — Дамочка с надеждой поглядела на Кувшинова.

— Ну, если вам этого не хватает...

Кувшинов пожал плечами, склонился над столом и записывал пожелание посетительницы (хотя до конца и не был уверен, располагали ли они на данный момент такими техническими возможностями, раньше советовали есть побольше капусты, но было ли это научно подтверждено?). Скрипя сердцем, чиновник пошел на некую сделку с совестью, уж очень боялся очередного слезного потока, а с другой стороны, почему сделку? Он человек маленький, зафиксировал — и следующий!

Дамочка хотела было еще что-то добавить, но Кувшинов её опередил:

— Следующий! — опять гаркнул он чуть не во всё горло. Дамочке ничего не осталось, как слезть с мягкого дивана и направиться к двери, волоча за собой запах чего-то цветочно-прелого. Последним, что увидел Кувшинов, были слегка надутые губки посетительницы. Кувшинов не стал принимать это на свой счет, еще непонятно, от чего они раздулись: от естественных причин или их накачали, как резиновые шины?

Не успел Илья Тимофеевич хлебнуть из тети-Клашиного графинчика, дверь опять распахнулась — и на пороге вырос человек. Первое, что бросалось в глаза: костюм, ботинки, часы — всё безукоризненное. Кувшинов сразу понял, с кем имеет дело, и подскочил с места.

— Салют! — выпалил чиновник. Не то чтобы Илья Тимофеевич кого-то выделял или к кому-то был более расположен, конечно, нет, все для него были равны, просто рядом с деловым человеком и самому хочется подтянуться, расправить плечи, нацепить галстук и поскорее заняться делом. Кувшинов не был ни бездельником, ни разгильдяем, более того, возложенные на него обязанности выполнял рьяно, себя не жалея, как уже сказано выше, но, имея дело с подобной персоной, любой почувствует, что трохи, но не дотягивает. Вслед за слетевшим у него с языка приветствием Кувшинов, хорошо знакомый с правилами этикета, хотел было предложить посетителю стул, но тот уже вырос над столом и плюхнул прямо на его зеленое сукно дипломат. (Кстати, Кувшинов давно применял стул как тест на воспитанность и, к сожалению, должен был констатировать процветающее бескультурье: плюхались все без приглашения, а некоторые так еще и ногу могли задрать, ноготь поковырять.)

Кувшинов, сообразив, в чем дело, и глазом не повел. «Ага, — промелькнуло в голове старого служаки. — Мужик, конечно, такой, что подтяжки лопнут, пока до него дотянешься, но в некоторых местах мыслит стереотипически!»

Человек, тем временем совершенно не интересуясь тем, что о нем думает очередной букашечный чиновник, одним пальцем крутанул дипломат так, что он развернулся замочком к Кувшинову, и на замочек нажал. Крышка дипломата откинулась. Прямо перед Кувшиновом лежали тесно уложенные пачки купюр.

«Очередной подкуп, — констатировал Кувшинов. — Но масштабы впечатляют».

— Это не вам, — проговорил человек.

— Как не мне?! — удивился Илья Тимофеевич, но тут же спохватился, почувствовав, как весь от воротничка до макушки залился краской. Ему невыносимо было даже подумать, что кто-то будет считать, что он, кавалер орденов и вымпелов, может опуститься до такой низости, как выклянчивание взятки. Да они здесь вообще не для денег работают! «Вот народ, ничем его не проймешь, — с досадой, в том числе и на самого себя, подумал Кувшинов. — Вроде их там уже и прищучили, закон какой-то пропихнули, одного за другим в обезьянник кидают — и всё им нипочем! Видно, несколько поколений должно смениться, прежде чем взяточничество окончательно выветрится...»

Бизнесмен молчал, Илья Тимофеевич стоял в замешательстве и тоже молчал. «Боже мой, опять эта молчанка! Его дело — заявку принять, а не загадки гадать. Пришел — говори, зачем пожаловал, — и адью! Или как там говорят испанцы?» Бизнесмен начал буравить Кувшинова глазками, как будто стараясь его пронять или что-то ему сообщить.

— Молодой человек, вы лучше изъясняйтесь словами, так будет надежнее, — не выдержал Кувшинов. — А то вы что-нибудь не так наталепатничаєте, а я что-нибудь не так докумекаю... а мне потом разгребай...

— Доку... мекаю?.. — заржал бизнесмен. — Да что у вас здесь за контора такая?..

Кувшинов побагровел, всё имело свои границы, работу свою он любил, все эти вымпелы, грамоты... и оскорблять кому бы то ни было Кувшинов себя не позволит. — Ближе к делу! — осмелел чиновник.

— К делу так к делу. — Человек подошел к дивану, плюхнулся на него и, закинув ногу на ногу, завис в приятной позе. — У вас курят? — Прежде чем Кувшинов успел ответить, бизнесмен чиркнул спичкой по каблуку, на конце спички зашипел огонек. — Я, знаете ли, привык рассчитывать только на себя... С вашей конторой пока не имел чести быть знаком, поэтому простите уж, но решил себя обезопасить. Чтобы вы мне какую-нибудь туфту не всучили, я всё сам подготовил, всё сам, —

засмеялся одними губами бизнесмен. — Да и репутация у вас, извините, подмоченная... Иной раз такое впихнете... у вас в закромах, что ли, тоже бывает лежалый товар...

Кувшинов начал хватать ртом воздух, хотел было перебить, оправдаться, обелить честь конторы, но бизнесмен, не обращая внимания на его излияния, провел горизонтальную линию в воздухе, почему-то как раз на уровне шеи Кувшинова. Глупость, конечно, — что ему, Кувшинову, мог сделать какой-то там бизнесменишка? Но Илье Тимофеевичу стало как-то не по себе.

— Да, да, — согласился сам не понимая с чем Кувшинов.

— Сейчас не об этом, — добродушно продолжил бизнесмен. — Вы... мне, — продолжил он с расстановкой, — этот самый чемоданчик... и передадите...

Кувшинов удивленно захлопал глазами. Конечно, в просьбе не было ничего удивительно, денег вообще просили часто, но здесь речь шла об именно своём, конкретном чемоданчике. «А, — смекнул Кувшинов, — передержать надо или припрятать, ну хитёр бобер... ну, что ж, просьба есть просьба, будем удовлетворять...» Илья Тимофеевич вздохнул, они всегда неохотно брались за исполнение подобных поручений, слишком много подводных камней: а вдруг курс скаканёт? Времена сейчас беспокойные, а случись деноминация, кризис или еще какая экономическая дребедень — и что тогда? Плакал чемоданчик, вернее, его номинальная стоимость. Да и потом, как ему передать этот чемоданчик? В лесу под елкой зарыть, что ли?

Бизнесмен как будто угадал мысли чиновника:

— Подкиньте, в конце концов, в такси, или что-нибудь в этом роде, — предложил он.

— Можно, — согласился Кувшинов, сетуя на себя за то, что сам об этом не додумался. Что ни говори, а у бизнесменов шарики вертятся, да и интуиция работает, наверно, уже рассчитал, что в ближайшее время никаких кризисов не предвидится.

— Ну, вот и славненько! — Бизнесмен поднялся с дивана, подошел к Кувшинову и, как мальчика, потрепал его по плечу. У Кувшинова пропал дар речи.

— Да, кстати, — уже направляясь к двери, бросил бизнесмен. — Одна пачка — вам... за услуги...

Илья Тимофеевич спохватился, хотел было возразить, сказать, что он получает хорошее жалование, но дверь за бизнесменом уже закрылась. Кувшинов, округлив глаза, выдохнул и схватился за графинчик, потом за стаканчик... Не успел он его опрокинуть, как внутри у него что-то засвербело — в Кувшинове проснулся коллекционер. Пользуясь тем, что он остался в кабинете один,

Илья Тимофеевич лисой покрутился возле дипломата, взял в руки одну пачку. Ожидания чиновника оправдались: недавно один из посетителей ему напел, что вот-вот выйдет новая двухтысячная, вроде как за картинку уже и голосование прошло.

Дверь неожиданно дернулась, Кувшинов дернулся тоже, но на пороге оказалась всего лишь тетя Клава.

Громыхнув ведром, женщина по-хозяйски зашла в кабинет, поставила ведро под ноги и потянула носом воздух.

— Тьфу ты, — недовольно проговорила она. — Что ж у них, кроме «Жывышы» попрыскаться нечем? Уж третья за неделю... Лют на себя безо всякого соображения...

Тетя Клава не любила легкомысленного отношения к запахам, неожиданно она посыпала латинским терминами, в воздухе закружили мускусы, пачули, флер д'оранжи и даже бобровые струи, о существовании которых Кувшинов даже не подозревал. Все это, конечно, говорило о том, что тетя Клава в своей области являлась крупным специалистом, она тут же разложила витающий аромат на составляющие, привела несколько химических формул, сообщила, какие ноты верховодят, а которые стелются и будто подхалимничают, при этом она один раз воинственно грохнула шваброй, другой раз швабра юзом заходила по полу.

— Шлейфовые, — многозначительно пояснила уборщица. Кувшинов терпеливо слушал тети-Клавину лекцию. К своему увлечению тетя Клава относилась серьезно, что поделать, каждый у них развлекался как мог, кругом ведь была такая скукота, мухи на лету дохнут...

Закончив лекцию, тетя Клава закрыла дверь на замок:

— Перерыв! — безапелляционно объявила она.

— Запыхался, соколик? — старушка зашаркала к столу, ласково глянула на Кувшинова и, как малого дитя, погнала его на диван. — Иди, иди, лягай, отдохни трошки...

Кувшинов послушно пошел к дивану, присел, поскорее сам расшнуровал ботинки, заметив, что тетя Клава чуть не кинулась к нему на подмогу. Что поделать, так уж у них заведено, каждый друг другу так и норовит сделать что-нибудь приятное...

— Отдохни... — Хорошенько отжав тряпку, тетя Клава начала выгребать из-под стола сор.

— Ну, чтой? Много клянчили? — многозначительно осведомилась она. — И всё-то им мало! Все-то им не хватает! Загребущие! — У тети Клавы было свое отношение к просителям, как человек пожилой, много чего перевидавший, она, конечно, на него имела право. Кувшинов редко с ней спорил.

— А че просили-то? — любопытствовала женщина.

— Один лысину просил ликвидировать... к кому-то там сезону, — вытянувшись на диване, зевнул Кувшинов.

— А-а-а, — со знанием дела протянула уборщица. — Это что б в театре роль позаковыристей заграбастать, в Гамлеты никак собралси, а може Жуаном? — засомневалась тетя Клава.

Кувшинов с удивлением поглядел на шуршащую возле него старушку.

— Ну, а эта? — Тетя Клава опять пощупала носом воздух. — Щучка! Небось на шею вешалась? — Старушка недовольно стукнула шваброй о ведро.

Конечно, о ревности и ни о чем таком и речи не могло быть (прежде всего, в силу огромной разницы в возрасте), но никто не мешал тете Клаве относиться к Кувшинову все равно что к родному сыну, а раз так, то она считала своим долгом отгонять от него всякую шелупонь! — Да разве б мы в молодости вот так вот на мужиков вешались! Тьфу ты! Ни стыда ни совести! Шалапутные! — У тети Клаши были свои понятия о чести, достоинстве и роли женщины в обществе. Конечно, они маненько отличались от того, что вокруг творилось, но старушка верила, что всё, что происходит сейчас, всего лишь временное помутнение и эволюция в конце концов всё расставит на свои места.

Вымыв полы в дальнем углу, тетя Клава, вертя пятой точкой, стала подбираться с другой стороны к столу. Лихо орудуя шваброй, она чуть было не снесла все еще лежащий на столе дипломат, который Кувшинов так и не успел убрать.

— Батюшки, саквояж-то какой! — Тетя Клава не удержалась, чтобы не погладить шершавой рукой бока дипломата. — Кожа крокодила, — со знанием дела сказала она. Дипломат действительно был крокодилий. Кувшинов, оказывается, и этого не заметил. — Это ж какое роскошество! — охнула тетя Клава. — Небось на поделку не одна зверюга пошла? Расточительно!

Илья Тимофеевич хотел было возразить, объяснить тете Клаве, что крокодил — рептилия крупная и с одного экземпляра можно три таких саквояжа состряпать, но не стал. Судя по охам, тетя Клава уже заглянула внутрь:

— Это кто ж с собой припёр? — строго спросила она Кувшинова, как будто бы он один был виноват во всем том, что выкидывают посетители. — Ох, глупые-е-е, глупые-е-е, — не дождавшись ответа, запричитала старушка. — Да неужто думают, что у нас тут лавка и за деньги что хошь купить можно?! Ума б себе прикупили... граммов двести...

Услышав последнюю фразу, Кувшинов догадался, что тетя Клава только из магазина, и действительно, оставив швабру, она

спохватилась, порылась в переднике, зашуршала бумагой. До Кувшинова долетел нежный запах «докторской». Тетя Клава знала, чем угодить.

— Подкрепись трошки, — пригласила начальника старушка. Кувшинов поднялся с дивана и послушно пошел к столу. Через пару минут он сидел с набитым колбасой ртом, тетя Клава приземлилась рядышком и, подперев подбородок маленьким кулачком, рассуждала:

— И все-таки бестолковая у нас функция, разгонють нас скоро, — завела свою песню тетя Клава. Старушка, нужно сказать, заводила ее каждый раз во время обеденного перерыва (как будто специально подловив тот момент, когда Кувшинов ей возразить, если даже и захочет, не сможет). — Ой, глупые, глупые! — всплеснула ручками она и, увидев, что Кувшинов дожевывает кусок, быстренько подсунула ему еще один бутерброд. — Не верят ни во что, черти мохнатые, и желают ведь так, будто чой-то крадут! А другой раз такое нажелают... — Старушка округлила глазки и меленько, бисером захихикала. — И всё пальцем в небо! — Всласть нахихикавшись, старушка посерьезнела, снова напустила на себя важности. — Все ходють, ходють, а чевои ходить-то! — проворчала тетя Клава. — Терпежу нет! Сами не знают, чего хочуть! Распуляются!

Кувшинов покосился на тетю Клаву, такие она иногда выдавала перлы, будто и не уборщица вовсе.

Остаток перерыва прошел как обычно, Кувшинов дремал на диване, тетя Клава, домывая пол, заглянула в распластанные на столе ведомости. Столбики, линейчки, квартиры, машины, напротив каждой линейчки по ячейкам аккуратно нацарапанные палочки. Внизу что-то выведено от руки, видно, попалоь такое экстравагантное желание, что не уместалось в общую форму. Увидав садоводческий прибор с четырьмя рогами и сплошь испещренную напротив него линейчку, старушка прочла по складам:

— Ви-лы, — и вскинула удивленно бровь: — Это зачем еще? Сенокос, что ль?

— Какой там, — потянулся Кувшинов. — Это сарай такой... с видом на море... требуют, конечно, все Средиземное, губа не дура, но чаще всего удается уговорить... — Кувшинов проглотил последний кусок колбасы... — на водоем... поближе к месту жительства...

Перед тем как отжать тряпку, тетя Клава напоследок еще раз нырнула в ведомости, вытерла руку об халат и провела пальцем по последней строчке:

— Се-ли-кон-три-тон-ны, — тихонечко, чтобы не отвлекать

начальника, прочла она. — Куды ж столько? — покачала головой уборщица.

— Так его ж... сейчас... куда только не суют, — перевернулся на другой бок Кувшинов, сквозь полуобеденную дрему назойливо пробивалась мысль о том, что их действительно скоро разгонят. Народу, конечно, тьма, но ведь через одного дуры набитые... или надутые... или... крокодилы... Права тетя... «Ну и пусть! — успокаивал себя Кувшинов. — Найду себе какую-нибудь непыльную работу, вон как тетя Клава, и буду потихонечку пенсионерить».

Госпожа Лососева сидела в коридоре полицейского участка и, хотя и испытывала конфуз, все более склонялась к тому, чтобы отнести недавно с нею произошедшее к разряду событий невероятных, непостижимых, чуть не сказочных, — как так случилось, что она, женщина порядочная, выкинула подобное, до сих пор в голове не укладывалось. Однако, как бы ни застили взор ее фантазии, действительность упрямо напоминала о себе, и тогда бедная женщина начинала дрожать, как лист осиновый: что станет с ней, когда обо всем узнают родственники или, того хуже, коллеги по работе. Из домашних она, как ни странно, боялась больше всего не мужа, а дочери: Олечка в последнее время стала такая, что палец в рот не клади, оттяпает по самый локоть, — никто и не заметил, как прелестный одуванчик превратился в ядовитую колючку. Если информация просочится на работу, тоже мало не покажется — коллеги обмусолят случившееся во всех подробностях, перемоют ей все косточки, дойдет до начальства (добрые люди всегда найдутся), с работы, конечно, не попрут, но на карьере можно будет ставить крест. Елена Львовна непроизвольно шмыгнула носом, особенно обидно было от того, что столько трудов насмарку: последние полгода она горела на работе и место замначальника отдела, казалось, уже в кармане. Тем не менее, как бы ни распекал ее стыд, ковыряясь в произошедшем, женщина не могла не признать, что в эти самые, казалось бы, насквозь пропитанные неприличностью минуты она испытала нечто вроде сладострастия и — невероятно — гордости за содеянное!

Все эти сомнения, борьба с собой были бы невозможны, если бы в последнее время Елена Львовна не ушла с головой в психологию. Заглядывание вглубь себя обычно происходит не на ровном месте, для этого должно произойти какое-нибудь потрясение или хотя бы присутствовать постоянным фоном неудовлетворенность, когда вроде как все нормально, а все что-то не то. (Елену Львовну, слава богу, крупные катаклизмы миновали, и речь шла скорее о втором факторе.) В порыве увлеченности относительно молодой наукой женщина начала сгребать с книжных полок определенный сорт литературы, перелопатила вдоль и поперек интернет на предмет многоэтажности сознания и, как ей казалось, успела поднатореть в некоторых вопросах. «Нет дыма без огня! — пыталась осмыслить всё в новом свете Елена Львовна. — Всё это буянит подсознание, вся эта неприличность, граничащая с развратом,

во мне, безусловно, была и есть, иначе бы ничего и не вылезло!» Раньше Елену Львовну еще можно было сбить с толку, но теперь она точно знала: именно так проявляет себя женщина-вамп, субличность которой она недавно в себе обнаружила... Но... как бы ловко женщина ни оперировала некоторыми понятиями, как бы ни раскошегарили её книжные психологи, здравый смысл, да и годы, прожитые в стеснительности, покорности приличиям и общественному мнению, давали о себе знать: Елена Львовна испуганным, вороватым движением поправила на груди блузочку, ощупала наглухо застегнутые пуговицы, как теперь ей казалось, легкомысленной кофточки, оглядела свои удобные галоши-лодочки и засунула ноги подальше под стул.

Совсем рядом раздались шаги, Елена Львовна вытянулась в сторону лестничного пролета. Показалась голова, бюст, торс и, наконец, фигура во весь рост. Чертыхаясь на каждой ступеньке, одна фигура под белы рученьки вела другую, с обеих текло. Мокрый мундир подчеркивал без разбору полицейские рельефы и составлял образ до того натуралистический, что бедной женщине пришлось отвести глаза и переключиться на его спутника, хотя и мокрого, но не столь живописного: сквозь мелкую сеточку летних туфель Елена Львовна разглядела голую ногу, в оттопыренных карманах брюк угадала скомканные носки. Дойдя до кабинета, полицейский указал мужчине на свободный стул:

— Без закидонов, — строго пригрозил он.

— Да какой там... — пробормотал мужчина, приземляясь рядом с Еленой Львовной. — Надо же... все равно что затмение какое-то... будто и не со мной...

Полицейский заглянул в кабинет:

— Принимай! — бросил он с порога коллеге. — Выловил из фонтана, мать его, обнимался с голой бабой...

Мужчина конфузливо опустил глаза, покосился на сидящую рядом Елену Львовну.

— Двое? — долетело из распахнутой двери.

— Не, баба — русалка, скульптура... — пояснил вошедший.

— А-а-а... — послышалось опять из кабинета.

Нарушитель заерзал на стуле, ему стало неудобно не столько от того, что его только что выловили из общественного фонтана, сколько от того, что выловивший его оказался настолько толстошкурый, что элементарно не удосужился прикрыть за собой дверь, чтобы скрыть подробности от ушей присутствующей здесь дамы. Елена Львовна поняла этот посыл, все в ней тут же отозвалось благодарностью, теплом и сочувствием — деликатность в наши дни качество редкое, его скорее встретишь

в стиральных порошках, чем в людях.

Полицейский потоптался в кабинете, заглянул в шкаф, наверное, в поисках сухой одежды, но, так ничего и не найдя, вышел.

— Обжимаетесь?! — бросил он сверху вниз действительно жмущейся друг к другу паре (мужчине было холодно, а Елене Львовне не отодвигаться же от замерзающего человека). Полицейский, оставляя мокрые следы, направился к лестнице.

После обидных слов Елена Львовна отодвинулась от мужчины.

— Лосева, входите! — долетело из кабинета.

— Лососева, — машинально пробормотала женщина, несмело поднялась, оправила юбку и поплелась в кабинет.

Полицейский, тыкнув ручкой, указал на стул.

— Ло-сосева Елена Львовна? — бесцветно проговорил он.

— Да, — кивнула Елена Львовна,

Елена Львовна хотела вернуть: «Не состояла, не привлекалась...» — но на это ей не хватило смелости.

— Наблюдаетесь? — неожиданно мягко спросил полицейский.

Елена Львовна не быстро, но все же сообразила, что он имеет в виду.

— Боже сохрани! — отмахнулась она.

— Так, — снова сухо проговорил мужчина и опять замолк.

Повисла пауза, Елена Львовна, озираясь на холодные казенные стены, сразу догадалась, что ее теперь будут «мариновать», применять разные методы, чтобы она раскололась и ничего не утаила от следствия, каждый ее шаг, каждое слово будут проверяться, в разные стороны веером полетят запросы, за ней установят «хвост», и вообще она теперь будет под колпаком у органов. Возможно, дело дойдет и до следственного эксперимента... Сердце женщины опять зашлось, мелкими перебежками проскакали по спине мурашки, обдало теплой волной — Елена Львовна, испугавшись самое себя, опережая вопросы, стала поскорее выкладывать, как все было.

— Вышла из торгового центра... «Золотые ворота»... направилась домой, — стараясь ничего не упустить, начала женщина. — Стояла на автобусной остановке, прошли три автобуса, не мои. — Елена Львовна назвала три номера, для убедительности. — А потом... потом... — Тут женщина совладала с собой, вспомнив слова супруга о том, что женские слезы могут разжалобить только сосунков, у всех остальных они ничего, кроме раздражения, вызвать не могут. — Да, кажется так... — скрепившись проговорила она. — Ну, и... — спотыкаясь, Елена

Львовна довела рассказ до того, как она, будто Афродита из пены морской... ну и как её потом схватили, затолкали и увезли невесту куда.

Закончив писать, полицейский казенным, совершенно не отражающим действительность языком изложил всё недавно произошедшее с Еленой Львовной, от услышанного ей опять стало жутко, но как-то сладостно-жутко.

— Добавления? Исправления?

— Нет, — шмыгнула носом задержанная. — На все согласна, то есть... со всем согласна, — поспешила исправиться Елена Львовна. — Что теперь со мной будет? — осторожно добавила она.

— А вы как думаете? — поставил на нее глаза полицейский. — А если бы рядом оказались дети?!

«Значит, мелкое хулиганство». — Елена Львовна опять вся скукожилась и опустила глаза в пол.

Полицейский хлопнул папочкой:

— Вам придется зайти к нам еще раз.

— И из города не выезжать... — вздохнула женщина.

— Это уж как знаете, — полицейский дал понять, что больше не задерживает.

«Хорошо, если штраф, — слезая со стула, подумала Елена Львовна. — Я бы потихонечку оплатила все в сберкассе, и никто бы ничего не узнал... главное, чтобы в почтовый ящик ничего не опустили... чтобы Лёлик случайно не вытащил...» Будучи женщиной обыкновенной, среднестатистической, Елена Львовна, естественно, не знала, что делают с людьми за мелкое хулиганство, и, несмотря на дребезжание задетых в ней струн, теперь она жалела о том, что с ней все это случилось, и ей хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Вулканы, бившиеся внутри, поутихли, снаружи все снова стало приличненько — шейка худенькая, воротничок кругленький, и только слегка взлохмаченные волосы намекали на то, что недавно в жизни Елены Львовны произошло нечто!

Домой женщина возвращалась на ватный ногах, ей уже мерещилось, что весь интернет завален роликами с ее нестандартной выходкой, телефон ведь есть у каждой собаки, кто-нибудь да заснял. В который раз повертев в голове ужасы, которые ей пришлось бы испытать в случае, если б факт получил огласку, Елена Львовна приняла нелегкое решение: по крайней мере, домашним сообщить обо всем самой. «Пусть лучше уж от меня, чем из интернета или из программы телевидения!»

На следующий день Елену Львовну вызвали повторно в полицию. За ночь нервы ее и вовсе разошлись, по дороге в отделение она представляла себя в арестантской форме, в косынке, строчащей спецодежду для МЧС или тапочки. Не успели тюремные думки отпустить, как коршуны налетели мысли о психушке, которые так и преследовали бедную женщину до самого порога районного отдела полиции. Однако, как бы обстоятельства ни измывались над человеком, какую бы козью морду ни строила ему жизнь, практика доказывает, что в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях человек активизируется и начинает искать путь к спасению. Любой, прожив всю свою жизнь в не очень правовом государстве и не раз убедившись в том, что деньги решают если не все, то многое, невольно обращается к этому спасительному ключику, прикинула и Елена Львовна, сколько денег у них с мужем отложено на обучение Олечки. Походив лисой вокруг этой суммы, шикнув на поднявшую голову совесть, Елена Львовна таки замахнулась на деньги! Но не успела она решиться, встал следующий вопрос: кому давать? Перебрав в уме всех родственников и знакомых, женщина констатировала, что у них никаких выходов на органы нет, совать же взятку первому встречному — безответственно, схватят за руку, тогда уж не отвертишься, будут шить настоящее дело! Женщина некоторое время блуждала в поисках решения, пока не наткнулась на законный, вполне легальный выход — нанять адвоката. На этого двуликого януса они, конечно, тоже ухлопают кучу денег, но хотя бы избегут ненужного риска.

Дойдя до третьего этажа полицейского участка, Елена Львовна невольно остановилась: все стулья в коридоре были заняты, несколько человек стояли в проходе, некоторые подпирали стеночку и оживленно что-то обсуждали. На одном из мужчин пиджак был явно не с его плеча, на другом под пиджаком отсутствовала рубаша, и из-за бортов выглядывал мохнатый чернявый островок. (Елена Львовна особо подметила эту приятную глазу деталь, Лёлик у нее всю жизнь был голый, как коленка.) Среди присутствующих были и дамы, на них женщина обратила внимание постольку-поскольку, хотя и здесь были некоторые огрехи в туалетах. Несмотря на общую неприбранность, настроение у публики было оживленное, светливое, несколько сумбурное и даже какое-то торжественное — как будто бы всем пришлось пережить нечто ультранеобыкновенное и теперь все спешат поделиться пережитым с окружающими. (Невзирая на то, что окружающие пережили примерно то же самое.)

Внутри у женщины тут же будто отлегло, дышать стало

свободнее. Ей теперь не придется стоять одной пред жестокой толпой!

На общем фоне выделялся один старичок: говорил он всех громче, ярче, сочнее! Говорил так, что его было слышно в другом конце коридора. Сразу бросалось в глаза, что пережитое, как бы неприятно оно ни было, доставляло ему массу удовольствия! За что только не приходится хвататься человеку за неимением свежих впечатлений! Елена Львовна подобралась к старичку поближе и, подперев стенку, так же как все, стала его слушать. В коридорах порой узнаешь больше, чем в кабинетах, есть и у коридоров своя правда.

Звали старичка Петр Сергеич, многие обращались к нему по имени-отчеству, из чего Елена Львовна сделала вывод, что Петр Сергеич рассказ свой начал не сейчас. Действительно, рассказ велся уже некоторое время, но, ввиду того, что подходили все новые и новые лица, старичку приходилось все бросать и начинать сызнава. Это, конечно, не могло не нарушать хронологию, не внести некий сумбур в повествование, однако, ни капельки не смущаясь, что волчком крутится вокруг одного и того же, Петр Сергеевич все делал и делал вкрапления, прихватывал много ненужных подробностей, вопросы все сыпали и сыпали, а Петр Сергеевич, не продвигаясь ни на йоту, нимало не скрывая своего удовольствия, плескался во внимании аудитории.

Из услышанного Елене Львовне с горем пополам, но удалось кое-что слепить: Петр Сергеевич жил неподалеку, в недавно отстроенных двадцатичетырехэтажках, жил не один, а со своими (то есть дочерью, зятем и внучкой), у Полечки (внучки) в ближайшую субботу день рождения, и самый лучший в мире дед (Петр Сергеевич, не стесняясь, на этом настаивал) отправился за подарком. Дед, вероятно, не сильно врал, когда говорил, что лучший, — стоило лишь обратить внимание на то, как непринужденно Петр Сергеевич ориентировался в разновидностях Барби, как прекрасно разбирался в многоуровневых домах из розовой пластмассы и с каким вкусом мог их обставить. В итоге старик обошел несколько магазинов (но все вхолостую, поэтому-то ему и пришлось топать в «Золотые ворота», в которых, по его словам, все дорого, но выбор!). В «Золотых воротах» дед купил еще одну стиральную машинку, диван и кресло, потому как последнее время к Барби стал захаживать Бен. (О существовании Бена Петр Сергеевич тоже знал.) На пластмассовой мебели рассказ неожиданно оборвался, дальше пошли вопиющие подробности, от которых выли уши. Елена Львовна даже чуточку отползла по стеночке, одно дело, когда среди бела дня на улице

раздевается молодой мужик или баба (даже она, женщина, в конце концов, еще не старая), а другое — когда является пред ясны очи сморщенный, выдавший виды старикашка и трясет перед всеми своим барахлом.

Дальше женщина слушала вполуха, и ее не покидало чувство, что она напала на след. Вчера, возвращаясь домой, заходила в «Золотые ворота»; фонтан, из которого выловили жмущегося к ней накануне мужичонку, располагается перед «Воротами»; Пётр Сергеевич тоже указал на «Ворота». Во всех трех случаях фигурировал треклятый торговый центр. Елена Львовна не удивилось бы, если б и остальные присутствующие были так или иначе с ним связаны. Однако «Золотые ворота» — это все равно что поле, а нужен точный квадрат. В своих догадках Елена Львовна пошла даже дальше, предположив, что причина всех безобразий не в людях, а в чем-то другом и все эти несчастные, как и она, виноваты лишь в том, что оказались не в том месте и не в то время... Окажись на их месте другие — те бы сейчас топтались в казенном доме, а вчера и сегодня пугали бы всех на большой дороге.

По толпе прошел рокот... Елена Львовна не единственная блеснула сообразительностью.

Дверь кабинета распахнулась, и женщина услышала до боли знакомое «Лосева».

— Лососева, — по привычке поправила она и прошла в кабинет.

На уже знакомом столе Елена Львовна увидела большую карту, на которой вверх ногами и задом наперед было написано «Золотые ворота». Елена Львовна аж засияла: приятно, когда твое мнение совпадает с мнением следствия.

— «Золотые ворота»! — Женщина ловко прочитала вывернутое слово и замерла в ожидании вопросов, которые, как она предполагала, должны были посыпаться на неё градом.

Полицейский, однако, смотрел сквозь нее, обдумывая неразрешенную загадку.

Елена Львовна скромно присела, сначала вела себя смирно и даже не заметила, как вылезла женщина-вамп.

— Я уверена, все дело в этом гиблом месте! — проговорила она.

— В каком месте? — не сразу понял полицейский.

— Как в каком? — удивилась женщина.

Полицейский шевельнул единственной, сросшейся, монолитной бровью.

Елена Львовна поправила волосы.

— Все произошло именно в «Золотых воротах», — пояснила

она. — Именно здесь на всех будто нашло затмение... ну и... — Женщина хотела было закинуть ногу на ногу, но в последний момент передумала.

— Ну и? — стукнул ручкой по столу полицейский.

Елена Львовна снова принялась излагать все, что с ней случилось накануне, однако в этот раз черпнула событий побольше, точка начала рассказа сместилась назад во времени. Женщина только сейчас поняла, что в предыдущем варианте изложения многое осталось за сценой ввиду этого маленького недочета.

— В шесть я вышла с работы, ну, может, чуть раньше... — Елена Львовна неожиданно опустила глаза — есть такие люди, которые стараются все делать правильно, а если уж и химичат, то делают это потихонечку, чтобы всё было шито-крыто, женщина постаралась поскорее проскочить это место. — Обычно до метро я еду на трамвае, но в этот раз передумала, погода шептала, — добавила колорита Елена Львовна. — Прошлась пешком, моцион, свежий воздух. В метро купила билет, проездной забыла дома, — извиняясь, добавила она и неожиданно сбилась, испугавшись того, что из-за этой самой забывчивости у полицейского может сложиться мнение, что и сейчас она может что-нибудь забыть или упустить. — На метро ехала четырнадцать минут — я неоднократно засекала, — вышла из метро и пошла в «Золотые ворота» купить Лёлику шницель.

— Лёлику? — переспросил полицейский.

— Ой, — спохватилась Елена Львовна. — Леониду Витальевичу Лососеву, моему супругу, мы женаты девятнадцать лет.

При упоминании о муже на Елену Львовну будто что-то нашло, причем это уже шухерила не вамп, а кто-то другой из зоопарка (Елена Львовна и предположить не могла, что в ней столько подтекстов).

— У нас вообще-то крепкая семья, — поделилась она. — Живем душа в душу, Леонид Витальевич, правда, уходил от нас три года назад, и мы жили порознь... — Женщина задумалась, скорее всего, припоминая подробности того черного периода своей жизни, даже не замечая, что рассказ уводит её не в ту степь.

— Это не надо, — прервал ее полицейский.

— Как не надо? — встрепенулась Елена Львовна, уже приготовившись рассказать о том, как Леонид Витальевич на старости лет встретил новую любовь (а старой-то куда деваться?), как у них там всё закрутилось и как она, отдав ему всё (молодость, красоту и самое себя), чуть не осталась на бобах! А та оказалась жучка, покрутила-покрутила хвостом — да и бросила её

Леонида Витальевича. А у него сердце! И он совершенно разбитый... приполз... а она приняла... Не разбрасываться же добром. — А вы как бы поступили?! — с вызовом произнесла Елена Львовна. — Мужчина смотрел на нее уже с интересом. — Ах, ну да, — осеклась женщина.

— Так через какой вход вы вошли? — Карта, пошуршав, перевернулась.

Сориентировавшись в плане, женщина ткнула пальцем.

— Через этот.

— Потом?

— Сразу пошла за шницелем.

— Куда?

— В «Территорию котлет», — не без гордости объявила она (это был дорогой, элитный магазин, и Елене Львовне хотелось, чтобы этот мужлан в мундире знал, что она женщина с достатком).

— Как шли? Покажите, — попросил полицейский.

Елена Львовна опять тыкнула пальцем, пальчик аккуратно поехал по проходам в сторону уже названного магазина. Глядя на облупившийся лак, Елена Львовна пожалела, что вовремя не сделала маникюр — времени на себя, как всегда, не хватало. Когда пальчик доехал до нужного магазина, Елена Львовна безошибочно указала на отдел, в котором, оказывается, взяла не шницель (они закончились), а рулетики, которые Леонид Витальевич тоже очень уважал.

— Потом? — не отрывая глаз от пальчика, спросил полицейский.

— Потом домой, — удивилась вопросу женщина.

— Прямо-таки сразу и домой? — Полицейский посмотрел на нее так, как будто бы хотел в чем-то уличить.

— Ах, ну да, — спохватилась допрашиваемая. — Заходила в сумки, потом в обувной... — Перечисляя, женщина каждый раз тыкала пальцем в карту. Полицейский заметно оживился и стал фиксировать данные. Елена Львовна тыкнула пальцем еще в один магазин, который чуть было не пропустила, припоминая, как каждому, проходящему мимо него, вручали конфетку и просили тут же ее развернуть. Перескочив, Елена Львовна хотела было снова рассказать, чем все закончилось, как ее схватили, запихнули и с ветерком доставили в участок. Но полицейский ее уже не слушал.

— Вы свободны, — проговорил он.

Елена Львовна хмыкнула, выходя из кабинета, она заметила, как полицейский взял красный маркер и прочертил на карте линию по только что описанному ею маршруту.

В коридоре, похоже, все это время продолжались дебаты, центральную роль опять занимал неутомимый Пётр Сергеевич.

— А я, значится, мимо прохожу, — декламировал пенсионер. — А у них музыка такая тилинькает, что-то такое знакомое, а ухватить никак не могу, и тут мне вдруг в ногу вступило... — Пётр Сергеевич углубился в медицину, посыпал терминами, его, однако, вежливо возвратили к сути: ревматизм в данный момент мало кого интересовал, хотя и поджидал каждого не в таком отдаленном будущем.

— Ага, и тут гляжу, рядом скамейка... под пальмой...

Кто-то из присутствующих выразил недоверие, но на него в ответ тут же пшикнули: в «Золотых воротах» на всех этажах давно стояли пальмы, и совершенно непонятно, как это некоторые это до сих пор не заметили.

Петру Сергеевичу опять дали слово.

— Доковылял я, значится, до скамейки, сижу ногу мну, под коленкой щиплю... — Петра Сергеича снова одернули, но он все-таки договорил, что хотел: — Кости ссыхаются, мослы друг об дружку трутся, прям беда... Пока я, значит, пальчиками себя кусаю, мелодия эта опять: ти-ти-ту, ти-ти-та... Тут-то я и понял, что все это неспроста! Это всё тех-но-ло-ги-и!!! — членораздельно произнес Пётр Сергеевич и хмыкнул с видом человека, которому удалось докопаться до сути явлений.

— Да что вы ерунду-то городите, — не выдержал один из присутствующих. — Какие еще технологии?!

Возразившим оказался моложавый, хорохорившийся мужчина лет пятидесяти с идеальной, будто циркулем вычерченной лысиной. Выказав несогласие, он будто захлопнул за собой створки и, похоже, больше не намеривался отстаивать свою точку зрения. (В каждой толпе всегда найдется такой выскочка, твякнет — и в кусты.)

Даже малой толики недоверия, высказанного в его адрес, Петру Сергеевичу было достаточно для того, чтобы его понесло.

— Интересоваться надо окружающим, — взбеленился оратор. — Сейчас всем мозги промывают! Они ж как действуют? Бдительность усыпляют! Музыкашкой человека зазывают... Ах, зачем эта но-о-очь так была хороша-а-а... — провыл Петр Сергеевич слова известной песни и тут же продолжил: — Человек к ним только заглянет — они его тут же цап-царап! Жизнь или кошелек?! — достиг кульминации старичок. — Знаем мы ихние бутики! Им бы только идивотов без штанов оставить!

По толпе прокатилась волна, высказывание никого

не оставило равнодушным.

Петр Сергеевич, оратор талантливый, казалось, так и хотел своей двусмысленной фразой задеть толпу за живое.

— Кровь из нас пьют, кровососы! А мы-то дураки и рады, — чуть принизил голос Пётр Сергеевич. — Но страшно даже не это, страшно то, что они хотят, чтобы мы акромья штанов не думали больше ни о чем! Дурак-то он только тем и занят, что шкаф свой набивает, зад у него один, а штанов двадцать! — не унимался Петр Сергеевич. — А еще есть дураки, которые денег не имеют, так эти в кредиты по самые уши влезут... только б расфуфыриться. Карты-то теперь кредитные чуть не силком впикивают!

Елена Львовна заметила, как рядом стоящий мужчина уже несколько раз надавил Петру Сергеевичу на ногу, выступление носило все более политический характер, и продолжать его в стенах полиции, органа государственного, было по крайней мере неосмотрительно. На Петра Сергеевича поглядывали как будто даже с опаской.

— Ну, а как это, простите, связано с нашей-то... акцией? — набравшись смелости, вклинилась Елена Львовна. Вообще, в Елене Львовне за последние сутки стали происходить странные метаморфозы, в ней стала пробуждаться смелость, дремавшая последние сорок четыре года, она вдруг стала высказываться при всех, спрашивать о том, что её интересовало, и вообще стала меньше стесняться. Еще два дня назад все это было за гранью...

Услышав вопрос, Петр Сергеевич неожиданно замялся, многие догадались, что у оратора не было внятного ответа на этот вопрос, суть вроде как нащупал, но одно дело — нащупать, а другое — ухватить ее, донести до масс — тут уж требуется талант другого рода. Петру Сергеевичу аж самому стало обидно от того, что он не мог толком связать два конца.

Инициативу неожиданно перехватил долговязый мужчина, который всё время дебатов колыхался, как ковыль, над головами присутствующих. Присутствующие навестили уши.

— Все это манипуляции, а музыка используется просто как инструмент. — Шланг сверху вниз глянул на присутствующих, те молчали как рыбы и внимательно его слушали. — Ну, это же элементарно... — Долговязый как будто удивился тому, что приходится объяснять такие простые вещи, и следом рассказал об одном эксперименте, который проводился чуть ли не на заре кинематографа в одном из американских кинотеатров. Тогда в ленту каким-то образом вмонтировали кадры с кока-колой, на протяжении всего сеанса люди смотрели на заданную картинку, причем даже не осознавая, что они на нее смотрят,

а после просмотра все гурьбой побежали к ларьку и сделали ему недельную выручку по продаже газировки.

Дослушав, народ загудел, среди присутствующих нашлись такие, которые вроде как тоже что-то такое слышали, кто-то добавил, что где-то читал опровержение, вроде как результаты экспериментов были сфальсифицированы и никаких злоупотреблений не было, на что один мужчина, не проронивший до сих пор ни слова, возразил и добавил, что есть даже такая статья, которая подобные манипулирования запрещает.

— Вот те на! Статья, значит, есть! А манипулирования нету?? — ввернул тут же Петр Сергеевич, явно пытаясь вернуть себе внимание.

Народ еще сильнее зашумел.

— И вообще, способов дуреха населения огромное множество, — опять перехватил инициативу долговязый. — В магазинах уже давно пускают в песню нарезку: бери больше — кидай дальше — покупай-хватай-носи... любой другой текст можно, не проблема...

— Да как это возможно! — не вытерпела одна из присутствующих дам. — Да так же можно надиктовать все, что взбредет в голову!

— Можно и что взбредет в голову, — спокойно подтвердил шланг.

— А если с высоты скажут сигануть? — не успокаивалась дама.

— И сиганете, — убедительно проговорил долговязый.

— И вам не жалко людей?! — чуть не взвизгнула дамочка (на основе чего было выдвинуто подобное предположение, осталось не совсем ясно).

— Не жалко, это уже не люди! — ответил шланг.

По кучке пробежало волнение. Толпящиеся не знали, как мужчину понимать: шутит он или говорит серьезно? Елена Львовна протиснулась поближе. Долговязого плотным кольцом обступили со всех сторон, народу, похоже, уже было наплевать, что все они находятся в полиции. Пара десятков глаз впились в мужчину.

Долговязый поспешил дать объяснение.

— Во-первых, пока еще лишь незначительная часть населения настолько пропащая, что будет сигать с вышек по свистку. Хотя цифра неукоснительно растет, — конфиденциально пояснил он. — У многих еще есть свои собственные мозги, и их не так-то легко свернуть с того, что нужно им, а не дяде Сурену, владеющему торговым комплексом. Такому хоть весь мозг проконопать — «сыми свое, купи пижаму», — а он наплюет или

пойдет купит то, что ему нужно. Тут, конечно, играют роль многие факторы: воспитание, статус, уровень дохода... много чего, — махнул рукой мужчина. — Да и вообще, голова-то зачем-то имеется...

— Чтобы шляпу носить! — опять вклинился Петр Сергеевич. — Простите, а вы, как я погляжу, хорошо так поете... всё знаете... — не без яду добавил старик. — А как же вы сами-то попали в эти сети? Вы же, как я понимаю, оказались вместе со всеми... в неглиже? — ехидно уставился не него Петр Сергеевич.

— Я? — удивленно проговорил шланг. — Я — не оказался, я в соседний кабинет стою... совсем по-другому вопросу, — внес поправочку долговязый.

Присутствующие опять заволновались, но это уже было какое-то нехорошее волнение.

— Простите, а откуда вам все это известно? — ввинтил мужчина с идеальной лысиной.

— Разрабатывал эту систему, — подмигнул ему шланг.

Народ уже готов был кинуться и растерзать беззащитного разработчика, но мужчина неожиданно засмеялся, поднял обе руки и прислонился к стеночке. — Сдаюсь, сдаюсь, я просто давно увлекаюсь этой темой. Ну а если уж начистоту, — не смог сдержаться мужчина, — просто так средь бела дня никто с себя скидывать одежду не будет, значит, было вас за что зацепить!

— Да чтоб тебя! — В мужчину полетела маленькая черненькая сумочка.

Елена Львовна, себя не помня, вдруг бросилась его защищать.

Заварилась такая каша, что мама не горюй! Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы вовремя не подоспели полицейские. Главные зачинщики оказались тут же за решеткой, Елена Львовна даже не успела сообразить, как за ней клацнул замок. Рядом с собой она обнаружила даму, которая кричала о своем праве позвонить адвокату. Адвокатам пока никто не звонил, зато все кинулись звонить родственникам. Слава богу, телефоны ни у кого не отобрали. Елена Львовна, не отставая от всех, тоже стала рыться в своей сумочке. Оповестив своих, все принялись с нетерпением ждать, сразу было видно, что многие оказались за решеткой в первый раз.

Муж за Еленой Львовной прибыл только через пару часов, её и Петра Сергеевича забрали одними из самых последних. За два часа камеры, несмотря на постоянное зудение Петра Сергеевича, женщине было о чем поразмыслить, она поняла, что последние

два дня перевернули всю ее жизнь. Ей уже было не страшно, что обо всем узнают дома (в предыдущий вечер она так ничего и не сказала) или на работе, и, если бы даже ее показали в вечерних новостях, ей бы тоже было все равно. Припоминая все недавно услышанное, Елена Львовна пришла к выводу, что ей не особенно обидно, что на ней обкатывают какие-то там технологии, используют в своих корыстных, зачастую грабительских целях, залезая в святая святых — в ее кошелек. Выходя из камеры, больше всего Елена Львовна сожалела о том, что та самая (недавно обнаруженная ею) субженщина все эти годы дремала и непонятно чем занималась, и о том, что всё, недавно с ней произошедшее, не случилось лет двадцать назад!

Уй над Ой, или Башмачки для Марьи

Марья поправила воротник, вошла поглубже в хлипкое пальтишко, одно название, а не пальтишко — мех поистерся, давно потерял свой первозданный холеный вид, ни шик тебе, ни лоску, но не это беспокоило женщину, неприятно было то, что со спины шибко поддувало, а это значит, от подкладки осталась одна фикция и от такого пальто теперь можно ожидать какой хочешь пакости, а она на него возлагала ой какие надежды.

Впереди показался выкрашенный зеленой краской контейнер. Из подворотни набросился ветер, по небу скребли обглоданные ветви деревьев, тучи мрачной толпой шарахались из стороны в сторону, солнце совсем не грело. Вокруг никого, ни своих, ни чужих. Вдалеке на аркане тянули в сад карапуза, хлопнула дверца машины. Ни души. Пустыня... К задней стене контейнера притулился шифоньер, у подножия, выскочив из разорванного пакета, валялись картофельные очистки, на дверце благородно висели старые брюки.

«Понимающий человек, — подойдя, похвалила оставившего их женщина. — Все мы люди, все человеки! А то ведь какие есть самонадеянные...»

Маршрут Марьи пролегал по отдаленной географии, уж шибко гадко было попадаться на глаза знакомым. Странствуя, она успела познакомиться с весьма почтенными людьми, одним из новых знакомых был Георгий Иванович — эрудит, интеллигент, милейший человек — разный люд на помойках встречается, если уж мусорные короли бывают, то что и говорить о других. (Про королей ей, кстати, Георгий Иванович поведал. Кладезь, а не человек!)

Среди россыпей чего только она не перевидала, чего только не понаходила — всякое добро люди выбрасывают: терем заново отстроить можно и мебелью обставить, из одежды кое-что перепадает (мода-то как шальная меняется), почитай, во все новое одеться можно. Пакет однажды нашла, а в нем — коробочка, в коробочке — телефон, новехонький, сначала дочери хотела снести, а потом спохватилась — у дочери-то, может, еще лучше есть, да и не хотела она, чтобы дочка знала, что мать по помойкам промышляет. Георгию Ивановичу предложила, тот тоже не взял, помыкалась, да и оставила, где нашла, авось кто другой подберет, кому нужнее... Марья огляделась, достала из-за спины сумочку (искать-то удобнее, когда руки свободные), того,

за чем она пришла, и в помине не было.

— Ничего, погода шепчет, — подбодрила себя женщина. — Гуляй сколько хошь!

Вытащив блокнотик, Марья отслонявила страничку и глянула на рисунки.

— Эх! — вздохнула она, нащупала что-то на дне, баламутка лежала на месте, куда ей деться? Ветер шуршал листком, Марья оторвала глаза от блокнота и... Надо же! Явились, не запылились! Стоят, пятки вместе, носки врозь! Как это она их сразу не заметила?!

— Вишь ты! — женщина была и рада, и польщена, и удивлена.

На земле прямо перед ней стояли черные, на толстой подошве ботинки.

Плюхнулись два голубя, но Марье было не до них.

— Кыш! — отогнала птиц женщина. — Голуби степенно разошлись. Марья наклонилась и любовно взяла башмаки в руки. — С Хлястиком, — будто бы похвалила их она. — Вон как! Ходила, ходила и выходила! Не подвела, мошенница! — не забыла она и про свою руководительницу.

Всю дорогу домой Марья поглядывала по сторонам, очень хотелось встретить Георгия Ивановича, поделиться радостью. «Не поверит ведь, дуж умный!» — совсем уж раззадорилась она.

Вернувшись домой, женщина в первую очередь занялась башмаками: вытащила из шелудивого пакета, помыла подошву, под батарею расстелила газетку, обихаживала своих подопечных долго, извела последние остатки гуталина. Вечером разложились под лампой на журнальном столике, вытащила из саркофага очки, обе душки были давно в гипсе, сходила в прихожую, вытащила из сумки свою советчицу, обложка книжки была разорвана в клочья, название путеводительницы, как она ни колдовала, пока не придумала, уцелели лишь «...уй над ...ой». С обратной стороны улыбалась автор, звали писательницу как-то по-чуднòму — Люсинда так-то так-то. Марья, сколько ни старалась, никак не могла запомнить. Книжка давно была прочитана от корки до корки. Поначалу впечатление было не из приятных, уж очень самонадеянно: мол, загадай что хочешь и сиди на печи, вселенная сама обо всем позаботится! Марья тогда этому очень удивилась: какая такая вселенная? Галактика их, что ли? Млечный путь? Читать, однако ж, продолжила, из любопытства, прежде ничего подобного она не встречала, подкупала книжка и простотой, хотя были и явные, на ее вкус, перекосы — полкнижки, к примеру, топталось вокруг мужчин, её же в силу возраста вопрос этот давно не интересовал.

Страничка за страничкой, женщина и не заметила, как Люсинда её затянула, кому-то, может, и не понравилось бы, что автор в некоторых местах подолгу топталась и слишком уж все разжевывала, но Марья осталась довольна. К тому же Люсинда была неголословна, как Марье показалось поначалу, не только направо-налево раздавала обещания, но и давала конкретные рекомендации: делать так-то и так-то, никакой самостоятельности, все равно что в рецепте. Человеку, в первый раз с методикой столкнувшемуся, все это было очень полезно. Особое внимание Люсинда уделила главным принципам, в любой методике есть определенные приемы, в книжке за основу были взяты опять же мужчины, но Марья не растерялась, сообразила, что тем метода и хороша, что ее можно применять в каких хочешь сферах.

Правила вроде как казались незамысловатыми.

Взять хотя бы — «Себе не врать». (Люсинда приводила в пример блондина — нужен блондин, значит, заказывай блондина, и не твоя забота, как его тебе доставят! Марья, недолго думая, вместо блондина подставила ботинки — старые каши просили.)

Следующее правило гласило — «Об том, об чем мечтаешь, никому не говори». (Это и без книжки было понятно — сглазят!)

Или вот еще — «Как можно подробнее описать, что хочешь». (Тут-то и была основная работа, и вот тут-то Марья больше всего и боялась оплошать.)

И наконец — «Не завираться, не искушать судьбу, не требовать невозможного, а главное — ненужного». (В пример был взят президент Обама, его заказывать Люсинда не рекомендовала, мужчина хоть и завидный, но женат, две дочери, негоже разбивать семью — Марья и сама все это прекрасно понимала, к тому же себе всегда лучше искать из своих, а то ведь детей потом задразнят...)

Просить, по мнению Люсинды, можно было все что угодно, но нужно помнить, что на твое желание будет отрываться вселенная, которую на пустяки, как она поняла, отвлекать не стоит. В конце автор сделала некоторое послабление, не каждый в состоянии словами обрисовать, что ему хочется, таким разрешалось малевать картинки. Сразу после прочтения Марья и нарисовала свои будущие ботинки, их-то и нашла нынешним утром! Вот тебе и... «Властв... уй над судьб... ой!» — Марья чуть не хлопнула себя по лбу, так вот что таилось за оборванными буковками!

Перечитав страничку с загнутым листком, Марья принялась за вторую в своей жизни художественную работу. Художница из нее была никудышная, но Марья брала старанием: тщательно

вырисовала воротник, мех не стала рисовать, нужно и честь знать (да и кто бы выбросил пальто с воротником), сделала его подлиннее, чтобы не поддувало, посадила шесть пуговиц — опять-таки чтобы не задиралась пола, каким-то макарон ей удалось даже создать ощущение тепла и толстости. Рисуя, художница постаралась учесть ошибки, допущенные с башмаками, тогда она — пусть уж Люсинда ее простит — до конца не верила, что из всего этого что-нибудь да выйдет. Сейчас бы она, конечно, нарисовала не огромные мужские ботинищи (она ни в коем случае не жаловалась и уже приготовила толстые стелечки), а женские сапоги, подлиннее, хотя был и риск — икры у нее толстушие, вдруг бы не сошлись, что тогда? Другие заказать неудобно, скажут — о чем раньше думала?

Рисунок в скором времени был закончен. С листками этими тоже была целая морока, в книжке была отдельная глава, посвященная этому, в которой другие читатели делились своим опытом с такими, как Марья. Судя по письмам читательниц, действовал кто во что горазд: кто-то вешал листки на магнит на холодильник, чтобы всегда было перед глазами (хотя это и противоречило правилам), кто-то просто оставлял в блокноте, а одна, кажется, Дженнифер из Сизтла, стыдно сказать, засунула бумажку в бюстгальтер и так с ней и ходила.

Марья, как и в первый раз, убрала блокнотик и книжку в сумку — с ботинками метода сработала, так что и нечего было выдумывать что-то еще. Ночью спала плохо, долго копошилась, переживала, как бы чего не упустила и не испортила пальто.

Проснувшись, Марья засобиралась, надела старые ботинки — новые было жалко, да и не такие холода, чтоб вещь трепать, — приготовилась к тому, что и пальто найдется не сразу (ботинки она аж две недели выхаживала). Люсинда на это тоже указывала — быстро только куры несутся, а вселенной тоже требуется время, чтобы осуществить задуманное, все не с бухты-барухты! В этом был особый смысл — вдруг кому другое что забожается, что ж тогда, вселенной лишнюю работу делать? Часа три Марья усердно ходила, продрогла до костей, пальто не нашла, зато вдалеке увидела Георгия Ивановича — наконец-то будет кому рассказать и про ботинки, которые уже нашлись, и про пальто, которое только должно найтись. К тому же, как она успела заметить, Георгий Иванович сильно поистрепался, и ему бы тоже не помешала и новая шапка, и новые ботинки. Конечно, такой, как он, Люсинде не поверит, с его-то инженерным образованием, а она возьмет и за него все нарисует — главное, только вывести, что ему перво-наперво нужно, чтобы вселенную

почем зря не беспокоить.

Почти детективная история

Хочешь жить — умей вертеться.

Народная мудрость

Павел Андреевич потянулся к магнитоле, Rock FM докрутил очередной шедевр, мурашки, оставив приятные последствия, разбежались по телам мужской аудитории слушателей, музыкант последний раз ударил по струнам, и эфир перехватила новостная щебетунья. Францию захлестнула волна беспорядков, футбольные фанаты забросали фаерами стадионы Лилля и Марселя, могучая кучка наших соотечественников отметелила тучу иностранных подданных, пока местная полиция расстреливала и своих, и чужих слезоточивым газом, за океаном ухлопали несколько десятков геев. Заметив брешь в своих рядах, геи всех стран сплотились, вышли на парад, но их тоже разогнали... В это самое время в старушке Вене товарищи в костюмах Адама, нимало себя не жалея, оседлали велосипеды и промчались по улицам, отстаивая свой собственный взгляд на вещи. Что-то где-то рвануло, очередной террорист-фанатик, прихватив с собой несколько человек, отправился в путешествие в одну сторону... Мужчина переключился, на другой волне было все то же самое, только вид сбоку, попытка номер три — и из колонок вырвался вечно молодой голос Цоя:

«...Город в дорожной петле, а над городом плывут... И две тысячи лет война...» — отчеканивали бессмертные слова колонки.

Павел Андреевич оставил Цоя, поправил что-то в ухе, с деревьев все реже срывались листья. «Еще неделька-другая — и можно менять резину», — по старой привычке всплыло в памяти — времена, когда он сам занимался машиной, давно прошли, теперь это делали специально обученные люди.

Лада крутилась возле зеркала, прикладывая то к одному ушку, то к другому недавно подаренные серьги; капельки змейкой спускались вдоль длинной шейки, девушка еще разочек облизнулась, прежде чем коробочка захлопнулась, — и этим придется отлежаться у Ирки. Лада, безусловно, не относилась к числу несложившихся женских судеб, своим горбом зарабатывающим себе на хлеб, тем не менее в свое время сделала всё, чтобы Пупсик пристроил ее на работу, — теперь в ее

распоряжении был маленький, персональный муравейник, работающий, как часы, зам и свободный график, работа оказалась прекрасной ширмой для личного времени и пространства — и не только... В любой приличной организации регулярными пайками капают премии, под прикрытием которых удобно легализовывать «левую» (подаренную не суженым) ювелирку — вырученная при этом денежка аккуратно складывалась на счет старушки матери, оставшейся, как в страшном сне, где-то в Урюпинске. Лада не завиралась, не удваивала, как некоторые, барыши, разводя на один и тот же подарок и мужа, и любовника, но и не разбрасывалась — курочка клюет по зернышку (из памяти еще не выветрилась съемная пополам с Иркой комната, одна на двоих пара колгот). В прежних тесных взаимоотношениях целесообразности более не наблюдалось, тем не менее Лада пока придерживала подругу при себе, дарила с барского плеча разонравившиеся блузочки, скидывала надоевшие кофточки. Ирка, привыкшая быть тенью, как и раньше, слизывала Ладину прическу, делала себе такие же, как у подруги, когти. Лада смотрела на все это сквозь пальцы, особенно теперь, когда вышла замуж за Пупсика, подруги все реже пересекались, а если бы даже гипотетически и оказались в одной компании, стоило им обернуться — и сразу становилось ясно, кто красавица, а кто каракатица.

Телефон, дрогнув, затих, не подавая признаков жизни. Еще на заре романа Олежеку был сообщен секретный код: один гудок — «я по тебе скучаю», два — «выйди на связь», Лада редко держала телефон на звуковом режиме. На этот раз всего один блымк, проходя мимо, девушка схватила телефон и тут же его отбросила, всплеск и снова тишь да гладь. Такие переходы с переливами наталкивали на вполне естественную мысль — такова Лада во всем, а главное, в этом самом деле... всех от кроликов до оленей не могло это не привлекать. Цапнув из ящика что-то ажурное, Лада направилась в ванну. Капище утопало в переливающихся гранях тюбиков. В кольцо обернулся тюрбан. Сверху брызнул тропический душ. Скользкое тело покрыли легкие разводы золотистой жижи, обратившиеся в пенящуюся увлажняющую субстанцию. Гель для душа — прошлый век, ни одна уважающая себя дева не может без содрогания намылить им ни одну впадинку или округлость своего скользкого тела, для некоторых зон — он даже опасен. Сушит. Дойдя до этих самых зон, Лада взяла совсем другой флакончик, еще более нежный и бережный. Свой черед ждали еще несколько пузырьков. Промокнув переливающиеся чешуйки, Лада оделась.

На улице, не успела она дойти до следующего дома, на хвосте повис автомобиль, стекло опустилось.

— Девушка, подвезти?

Лада села в машину:

— Скучал без меня, Суслик? — чмокнула она водителя в щеку.

— Очень... — Олежек попытался встряхнуться, отреагировать, роман, предполагающий только одну плоскость, неожиданно из нее вышел. Лада оказалась не девушкой-ромашкой, которую можно когда хочешь оттоптать в чистом поле.

Наконец Олежек включился, секунда — и Лада перехватила тот самый взгляд, положила руку чуть выше его колена, юный пионер снова застрял, но тут же спохватился, провел пятерней по Ладиному бедру, машина отъехала от обочины, резко притормозившая впереди «Газель» оборвала обоюдные поползновения, дальше ехали без глупостей, Олежек вздохнул свободнее.

Через два моста, три тоннеля и тридцать три светофора показалось офисное здание. Молодой человек остановился метрах в трёхстах, еще когда роман только дал завязь, Лада провела инструктаж: на расстояние пушечного выстрела к офису не подъезжать, бабы кругом глазастые, зубастые, каждая вторая из удовольствий позволяет себе разве что зефир, у некоторых не то что мужа — и любовника нет. Выбравшись из машины, Лада, двигаясь от бедра, направилась к офису, но Олегу было не до того, он ответил на звонок, стал напряженно слушать, губы его в ответ изредка шевелились.

С работы Лада приехала домой, плюхнулась на диван, тучи сгущались, между бровями легла складочка, но портила она безупречный лобик недолго. Больше всего Лада не любила тянуть kota за рога, подвешенное состояние было ей противно до тошнотиков, бить нужно четко, как кобра, и желательно не в молоко. А для этого нужно... спокойствие, и только спокойствие... Были, конечно, вещи, которые могли и ее вывести из равновесия, взять хотя бы результат сделанного на днях теста, но это было всего лишь сиюсекундное замешательство...

Девушка набрала номер Олежека и доложила обстановку: Пупсик завис на несколько дней в командировке, на три дня путь в офис заказан, бизнес-центр устанавливал новую систему обдува работников, всех попросили в принудительный отпуск. Дыша в трубку, молодой человек выслушал Ладку, кажется, обрадовался, кто-то пытался вклиниться в разговор, ему пришлось

отключиться, но почти сразу же Олежек перезвонил, судя по всему, уже очухавшийся от свалившегося на голову счастья, и сообщил, что вечером они вдвоем уезжают. Куда? Секрет! Лада не забыла попросить Олежака взять один билет до Урюпинска и обратно (милая мама, как всегда, прикроет дочуру).

— Ты же отпустишь меня, му-у-у-ра-а-а? — Закончив разговор, Лада подтащила к себе развалившегося рядом кота (купленного Пупсиком еще до их совместного проживания и удивительно гармонирующего с расцветкой дивана).

Кот никак не отреагировал на эти телячьи нежности, Ладу он побаивался: гладко стелет, да жестко спать. К тому же за древностию лет он не расслышал, как она его назвала: «мура» или все-таки «шкура»? Нарываться лишний раз не хотелось, но и глотать оскорбление было ни к чему, чуть подумав, Жмурик решил все-таки не эскалировать обстановку, Лада, несмотря на все ее недостатки (что поделать, где шипы, там и розы), была во всяком случае организованным, последовательным человеком, с ее появлением в доме ему стали вовремя насыпать корм, не дали водичке в блюдце превратиться в болото и мгновенно, именно мгновенно, не успевала его четвертая лапа коснуться пола, меняли опилки — Жмурик был до педантизма аккуратен и ждал того же от окружающих. Всю работу по дому делали, конечно, специально обученные люди.

Лада проверила корм, поменяла водичку, на всякий случай поставила еще одно блюдце, если вдруг одно кот нечаянно (а скорее всего нарочно) перевернет, пытаясь лишить себя водопоя.

— Смотри, не сдохни без меня, киса, — сверкнув глазами, предупредила его девушка, еще раз подтащила пушистую шкуру к себе, чмокнула кота и тут же сморщилась.

— Ну и прет же от тебя, Жмурик!

На кота налетела апатия, не все отгрыгаются морозной свежестью, однако беспардонное тыканье в этот недостаток еще больше портило настроение.

Девушка задержала зрачки-щелочки на коте — действовать нужно быстро, почуяв неладное, Жмурик в любой момент дрыснет под диван. Лада стекла с дивана, метнувшись в холл, встряхнула вверх дном сумочку, обернувшись, в последний момент поймала кота, насильственным, стоматологическим образом раскрыла кошачью пасть и — ПШИК! ПШИК! ПШИК! — ровно три раза пшикнула в рот какой-то гадостью! Слезы градом покатили из глаз, от возмущения Жмурик чуть не подавился, яд начал действовать, язык неприлично вывалился... Чувствуя, что он совершенно потерял человеческий облик, кот попытался

хотя бы затащить обратно язык, но подлец не слушался. В довершение всего — полё-ё-ёт! Лада, не предупредив, кинула его на ковер. «Боже мой! Какое варварское отношение к людям!» — давясь и икая, кот посидел некоторое время немым укором на ковре, но не на ту напал, не Ладу протерзывать ближнего.

Кот отполз от сцены и принялся вылизываться, дрянь стала расплзаться по шкуре, как нефтяное пятно. Жмурику показалось, что он весь теперь покрыт этой гадостью, и ему до невыносимости стало жаль птиц, попавших, как и он, в нефтяные пятна, он лег на ковер, закрыл глаза, дернул задним крылом и приготовился умирать.

Лада, бросая в сумку вещи и наблюдая за спектаклем, и пальцем не пошевелила, чтобы спасти обреченную птицу. Жмурик, повалявшись некоторое время на ковре, открыл глаза, вздохнул, еще раз убедившись в том, что у Лады там, где сердце, камень, и принялся как самый обычный, изгваздавшийся где-то кот чистить перышки. Пока Жмурик как потерпевший лизался, Лада сходила в ванную и принесла баночки, тюбики, флакончики.

— Боже мой, — надавив острой коленкой на вздувшееся брюхо сумки, Лада наконец обратилась к Жмурику, который теперь ее игнорировал: — Да об этом ведь мечтает каждая баба...

Жмурик так и не узнал, о чем мечтает каждая баба, Лада не договорила, вспомнив, что забыла взять еще и купальник, непростительная оплошность — вполне вероятно, что там, куда ее везет Олежек, будет и бассейн, грех прятать такое тело. Глянув в зеркало, Лада придирчиво оглядела себя с ног до головы в анфас и профиль.

Купальник нашелся на верхней полке шкафа, со стула Лада соскочила легче пушинки.

— Ну, Жмурик, остаешься за хозяина!

Очередное оскорбление Жмурика вывело из себя, кота взяло зло: а кто он есть, как не хозяин? Во всяком случае он проводит большую часть времени дома, а не это помоечное неблагодарное отродье, кота несколько занесло, он поставил на Ладу свои щелочки: «Ходит, командует, забыла, кого подобрали с улицы?!»

— Ну, ну, ну! — пригрозила ему тут же Лада. — Дружба дружбой, а тапки врозь! А то ведь, знаешь, можно и... — Рука девушки легла коту на голову, привычным движением, будто бы крутанула очередной флакончик. Кот что было мочи зажмурился. Но напрасно, ничего ужасного не произошло...

— Ладно, живи, шкура, смотри не полиняй, а то выцветешь, не будешь в тон дивану и... ага...

«Что ага?» — В конце концов даже бояться устаешь. Кот

выкатил грудь колесом, зыркнул на нее почти свирепым взглядом, но тут же чихнул, весь эффект разлетелся вдребезги. Боже мой, как же он был жалок!

Лада брезгливо глянула на Жмурика, коту же хотелось разорвать ее на мелкие кусочки, выпотрошить, оторвать уши и хвост, пустить на собачий корм! Он бы, наверное, так и сделал, но в последнее время он стал замечать, что его окрас действительно стал отличаться от тона дивана, неприятно было и то, что недавно сломался еще один зуб, кот вздохнул: «В пещеру! В глушь! В Саратов!» — и забрался в уединение шкафа.

Олежек выскочил из такси, перехватил сумку у слишком расторопного таксиста, запихнул ее в багажник, с третьего маха его захлопнул, помог даме расположиться сзади, короче, был сама любезность. Молодые люди обменялись парой дежурных фраз и замолчали. Олежек погрузился в свои мысли, вообще, в последнее время он был особенно погруженный, Лада думала о своем, большей частью о всякой ерунде, но мелькали вопросы и не праздные: откуда у нищего Олежека денежка? Из того ли источника, о котором думает она? Очень хотелось верить в то, что это самая обычная поездка оголодавших любовников — ванна с шампанским, никакая клубника, подрагивающие свечи, ободранные розы, он тебя тащит из скользкой ванны, а ты думаешь — только бы не навернулся!

За стеклом мелькали замороженные березы, на разный манер замки торчали в редких проплешинах леса, вдалеке блеснула линза озера. Из города выехали уже полчаса как, а Лада пока так и не знала, куда ее везут: «Ну что ж, сюрприз так сюрприз!»

Таксиста она давно изучила, вполне обычный мужик. За частоколом елок показался указатель «Парк-отель Парадайз», название избитое, замусоленное. Въехав за шлагбаум, Лада, успевшая познать с Пупсиком богатство в разных его проявлениях, была, мягко говоря, удивлена. «Парадайз» оказался очень высокопробным отелем. А-ля дворец. Располагался дворец на закрытой территории, ухоженные клумбы, геометрически выверенный сад, розарий, ненавязчивая мелодия поющего фонтана, прерываемая редким ржанием: где-то в глубине располагалась собственная конюшня. Под причудливой крышей тяжелая мебель, топкие ковры, богемские люстры, рыбки в местах уединения — неожиданный смыв воды никого не пугал, всё продолжало умиротворенное кружение.

Три дня блаженства пролетели, как один миг, Лада

выкладывалась на жеребчике, в минуты отдохновений, пока Олежек приходил в себя, отмокала в бассейне с ненастоящей морской водой, ненастоящими волнами и с настоящими кристаллами, которых кругом были тыщи, потом млела в руках то ли тайки, то ли вьетнамки, впрочем, не важно, потому что неважно... Ночью отыскивала несуществующие шрамики на теле Олежека и, казалось, совсем не спала... Олег, не успевала щетина коснуться подушки, проваливался в сон, но даже во сне волновался, урчал, совсем как Жмурик, заботы и тревожнения не отпускали его и ночью.

Пупсик ни разу не позвонил, Лада несколько обеспокоенная таким молчанием, пару раз звонила сама, но абонент был не абонент: версию, что муж в другом часовом поясе, вполне можно было проглотить.

Выезжая из отеля, Олежек расплатился картой, которую Лада раньше не видела. Чудеса в решете...

За два дня Ладиногo отсутствия Жмурик не сдох, сожрал весь корм, перевернул одно блюдо, как и предполагала Лада, то же, что он не сразу вылез из-под дивана, было хорошим признаком — проявлял характер, был, в конце концов, котом, а не последней тряпкой, а уже за одно это стоит уважать.

После поездки Олежек как будто наелся, два дня не звонил, что вообще на него не похоже, Лада пыталась разгадать, что сие могло означать? На третий день проявился, объяснилось все банально — запарка, крутился, как белка, весь такой из себя деловой.

Все понеслось по-старому: подарки-сюрпризики, встречи урывками, Пупсик сиднем сидел дома, Олежек надоел хуже редьки, при других обстоятельствах давно бы дала ему отставку, неопределенность раздражала, тем более в ее положении. Неожиданно поступившее не от слишком романтического Олежека предложение отметить аж четыре месяца знакомства вселило надежду, что в скором времени ситуация наконец разродится. Олежек, у которого и при благоприятных условиях двухъядерный мозг работал по принципу обратной пропорциональности, давал все больше зацепок, плюс кое-что удалось узнать из других источников: вводных было более чем достаточно — час X приближался. За два года супружества Лада насмотрелась на жен состоятельных Пупсиков, в большинстве случаев это был гарем (причем любимая жена, увy, не ты), султанил зажавшийся мужик с нарушением всех прав и конвенций, обладал абсолютной над тобой властью. Это был шанс... О том, чтобы взять верх,

не могло быть и речи, но установить паритет, обозначить свою территорию — для этого стоило еще разочек поднатужиться...

Мест, где можно достойно отпраздновать все, что душе угодно, не опасаясь, что тебе в тарелку плюнут, в любом городе не много. В отличие от пострадавших от кризиса средней руки ресторанов, сегмент люкс, как всегда, остался на плаву — есть вещи, неподвластные экономическим стихиям. Лада попыталась выведать, куда ее поведет Олежек, но молодой человек напустил туману, все готовилось для нее и без нее — не подкопаешься. Место и время было сообщено только накануне вечером, Влад позвонил по телефону. Поговорив с ним, Лада сделала еще один звончок и еще один — записалась в салон, почистить перышки, — лучший способ привести в порядок мысли, успокоиться, сосредоточиться.

На следующий день, завершив все процедуры в салоне, Лада поймала такси, с легким сердцем подумав о том, что когда-то открестилась от водителя, на котором настаивал Пупсик. К чему лишняя пара глаз? Вдруг что-нибудь нашкалит, что тогда? Пускать его в святая святых — к сердечку или цветку лотоса? Нет, ранг у нее уже не тот, чтобы ложиться под каждого водителя. До назначенного времени оставалось два часа. Ресторан оказался ничего из себя не представляющим заведением, но с претензией — мягкий полумрак, растушеванные линии, полувцета-полутона. Мягко улыбнувшись, Лада сообщила, что столик заказан, но она приехала несколько раньше. Официант мягко улыбнулся в ответ и проводил ее к столику, любой каприз за ваши деньги. Прежде чем набрать номер, Лада сделала заказ: бифштекс, два салата, в последнее время аппетит у нее зверский.

Ирка ответила не сразу, Лада терпеливо ждала, телефон, скорее всего, где-нибудь под шмотками, подруга терзается по поводу того, что надеть, поход в ресторан в очередной раз превращается в какое-то светопреставление, история повторяется (и это прекрасно, что люди в большинстве своем предсказуемы и что у Ирки, как всегда, никаких планов... ни планов, ни целей: те, у кого нет собственных целей, работают на цели других... как говорят разбирающиеся в подобных вещах люди).

«Умница девочка», — про себя похвалила подругу Лада, услышав нужный вопрос.

— Может, ту, с каплей? — обреченно предложила Ирка.

Ну, конечно, с каплей! Олежек обожал запускать в разрез свою пятерню, да и Пупсику она нравилась. Кофта с открывающим полспины вырезом в виде капли в числе прочего

была недавно в срочном порядке скинута Ирке в очередном гуманитарно-тряпочном транше.

— Там есть один совершенно потрясающий салатик... — Благословив выбор подруги, Лада опустила глаза в меню. — Если я приеду раньше, тебе заказать? Клешни краба, хвосты креветок, грудки кальмаров, и все это сбрызнуто свежими чернилами каракатиц, — дочитала Лада.

Единственной страстью Ирки была кулинария, готовить она обожала, воплощение же кулинарных шедевров у Ирки было особенное: в салатах вместо авокадо фигурировал огурец, манго заменялось рыжей тыквой, на основании схожести в цвете, на звездочки карамболы безжалостно кромсались яблоки. Нужно отдать ей должное, из всего иногда выходила конфетка.

Лада по привычке попробовала предугадать ход мыслей подруги: «Вместо клешней пойдут палочки. Вместо хвостов креветок вполне подойдут какие-нибудь другие хвосты... Где у кальмаров грудки? Можно их заменить на куриные?» До того, что чернила каракатиц можно заменить водичкой из-под консервированных маслин, Лада додумалась гораздо быстрее Ирки. Осталось убедиться в том, что Ирка запомнила адрес, Лада переспросила подругу — адрес действительно застрял в голове Ирки где-то между хвостом креветки и щупальцами кальмара.

Мальчик-официант оказался очень расторопный, не успела Лада закончить разговор, как показался первый салат, затем второй и, наконец, бифштекс. Проглотив блюда одно за другим и вытерев губы салфеткой, Лада подозвала опять мальчика, заказала еще один салат для подруги и себе десерт — маковый торт! Обворожительно улыбнувшись, да-да, вот такая растяпа, Лада объяснила, что ей придется отойти, забыла кое-что в машине, но машина недалеко, в соседнем переулке.

— Вы не могли бы проводить мою знакомую, если вдруг она придет раньше? — Лада описала Ирку, не забыв и про каплю. Чтобы мальчик не волновался, девушка расплатилась за уже проглоченное, а заодно и заказанное, кое-что перепало и на приятно удивившие чаевые.

Бросив салфетку, Лада направилась к выходу, с момента звонка прошло не более получаса, одевалась Ирка быстро, как солдат, на такси ни за что не поедет, значит, общественный транспорт, будет вовремя, как штык. Лада сверилась с часиками и зашла в банк на противоположной стороне улицы, в руках у нее оказался проспектик с заботливо придуманными кем-то заготовочками-мечтами. Всё, чем дразнился проспектик, у Лады уже было, однако, краем глаза наблюдая через окно за домом напротив, она принялась его изучать. Ирка не заставила себя

ждать, дотопав до ресторана, на всякий случай сверилась с записанным на бумажечке адресом и прошла между кадушками с жиденькими елями. В дверях её перехватил официант, помог раздеться, глянув на спину, окончательно убедился, что это та самая подруга, и проводил гостью к столику. «Хороший мальчик», — похвалила его Лада.

Ирка села каплей к входу, напротив лежала скомканная салфетка, она, конечно, могла еще встать, отойти, да все что угодно могло произойти, квартал мог накрыть какой-нибудь непредвиденный блэкаут, что-то всегда остается на волю случая, но Лада надеялась, что все пойдет именно так, как она предполагала.

Расторопный мальчик поставил перед Ирой блюдо с салатом, Ирка закопошилась, увлеченно разгребая щупальца и хвосты. Спohватившись, она положила вилку, потянулась к телефону, Ладин телефон тут же дрогнул, но на звонок не ответила. Девушка вышла из банка, прыгнула в как будто специально приготовленное для нее такси, на соседней улице вышла и зашла в магазин обуви. Давно нужно было купить что-то удобное, без каблука. Выбирая сапоги, Лада периодически звонила, условленное с Олежеком время прошло уже пятнадцать минут как, но никто не отвечал.

Лада перемерила пар пять, прежде чем нашла те сапоги, которые ей понравились: удобные и, главное, стильные — на голенищах пропущена массивная цепь, актуальный тренд сезона. Ирка, ловя зубами щупальцу, наконец догадалась, чем можно заменить чернила каракатиц.

Кто-то вошел в ресторанчик, успев натянуть на физиономию чулок.

Капля висела на поблескивающей в полумраке пуговице.

Ирка не успела ничего сообразить, все накрыла темнота, в которой уже не была ни креветок, ни кальмаров, ни листьев салата, сбрызнутых чернилами каракатиц.

В наушниках проговорили очередные инструкции, Олежек сделал несколько размашистых шагов в сторону выхода и тут же прогремел взрыв. Пупсик не обманул, пообещав, что скоро все закончится и в жизни Олежека больше не будет ни слежки, ни инструкций, ни вынужденного кроличьего спаривания под всевидящим оком камер.

Пупсик нажал на стеклоподъемник, услышав характерный хлопок, он снял наушники.

Лада, услышав хлопок, инстинктивно вжала голову в плечи,

но тут же выпрямилась, нужно было расплатиться за сапоги и поскорее идти к Пупсику, машина которого стояла неподалеку.

Подойдя к джипу, Лада, увешанная, как елка, покупками (вместе с сапогами она купила унты и еще тапочки для Пупсика, последние Жмурик зализал до смерти), легонько постучала пальчиком по стеклу.

Павел Андреевич дернулся и не сразу нашел кнопку.

— Меня ждешь? — Лада открыла салон дорогого автомобиля и села рядом с мужем.

Пупсик не шевелился.

— Ты... — наконец проговорил мужчина.

— Я. А там Ирка, — объяснила Лада. — А у тебя там что? Дуб-дуб, я — береза? — Лада потянулась к уху Павла Андреевича и вытянула оттуда наушник, засунула к себе в ухо, но ничего не услышала. — Конец связи? — с интересом взглянула она на мужа. — У меня тоже есть что послушать. — Покопавшись в сумочке, она вытащила миниатюрный аппаратик.

Павел Андреевич услышал свой собственный голос, потом голос Олежека.

— Технологии теперь дружественные, — поделилась приобретенным опытом девушка. — Засунь, высунь, вкрути, выкрути — не разберется только малахольный.

Некоторое время супруги сидели молча, Лада дала время Пупсику очухаться.

— Дальше... — Павел Андреевич стал потихоньку приходить в себя.

Девушка как будто удивилась:

— Дальше ничего, будем жить... надеюсь, долго и счастливо.

Пупсик что-то обдумывал, но Лада уже имела на руках собственный проект дальнейшего совместного проживания.

— Павел Андреевич, я хочу, чтобы все осталось по-прежнему, — проговорила она. — Я буду продолжать быть твоей женой и... хранительницей тайн, — не удержалась от микрошантажа супруга, а ты... ты будешь сдувать с меня пылинки... как со своей дорогой половины и... матери будущего ребенка...

Бровь Павла Андреевича дернулась.

— Твой, — опередила его девушка.

Потом можно будет сделать анализ ДНК, но, глянув на жену, Пупсик и теперь был уверен, что ребенок его, — девочка не дура, чтобы залететь от какого-нибудь Олежека.

Лада не стала дожидаться, пока Пупсик переварит очередную порцию информации, губы ее сложились в улыбку, которую так любил Павел Андреевич.

— Так хочется сладенького, — проговорила она, вспомнив о заказанном, но так и не съеденном маковом торте.

Из колонки, испугав обоих супругов, вырвалась голос репортера: «В самом центре города взорвал себя террорист, предварительно расстреляв посетителей кафе, есть пострадавшие, след ведет к...» — тарахтела девушка.

Через полчаса супруги сидели в одном из самых дорогих кондитерских города.

— Я буду толстая, некрасивая... — капризничала Лада.

Павел Андреевич уже успел развеяться — и не в такие передряги попадал. Лада облизала с губ пудру, у Павла Андреевича вдруг подступило, перед глазами стояли кадры, немецкое кино в сравнении с его женой отдыхает. Мужчина потянулся к девушке и убрал с ее губ шоколадную стружку.

Тюк шерсти и перепутанные пробирки

*Мы и сами с усами.
Древняя мудрость*

— Аделаида Ивановна, вы признаете свою вину?

Не успел важный усатый господин произнести эту фразу, собравшиеся в зале затихли, и, если бы сейчас над головами присутствующих вздумалось закружить сумасбродной мухе, она тут же сконфузилась бы, сообразив, какой погром учинила своим неуместным жужжанием. Господин судья медленно сглотнул. В зале стояла такая жарница, что мама не горюй, а тут еще этот маскарад. Кудряшки ослепительно белого парика волнами падали на плечи, щекотали шею, пот градом струился по бледным щекам. Пухленькую конституцию господина судьи обхватывал тесный сюртук, процесс влезания в предмет каждый раз превращался в испытание — подобравшись, втянув в себя кругленький живот, господин судья стоял, как недышащий титан, пока его супруга Лилиан Тимофеевна, запахнув полы, проворно перебирала пальчиками многочисленные пуговицы. По мере того как неугомонные пальчики продирались вверх или вниз (в зависимости от того, откуда супруга начала), мужчина все более багровел. Выбраться из предмета без посторонней помощи было тоже затруднительно, и тут опять на выручку ему приходила верная подруга жизни, проворная Лилиан Тимофеевна.

Аделаида Ивановна, несмотря на звенящую тишину и устремленные на нее взгляды, на этот раз не ответила. Судья, изнывая от жары, пыхнул себе под нос и посмотрел на сидящую в сторонке женщину чуть не с ненавистью — заседание только началось, а ему уже хотелось поскорее попасть в неугомонные ручки супруги, которая вытащила бы его из панциря и положила конец мучениям.

Отвечая с легкостью канарейки на сыплющиеся на нее вопросы, подсудимая тем не менее внимательнейшим образом наблюдала за судьей — рассчитывать на победу в поединке на одном лишь том основании, что до этого ты всегда одерживал верх, было в высшей степени самонадеянно... хотя все было за то, что и на этот раз, как бы кто ни пыжился, вряд ли кому-то удастся ее прищучить. К своему делу Аделаида Ивановна относилась с не меньшим благоговением, чем господин судья относился

к своим судебским обязанностям, и сдаваться не собиралась. Из сумочки выпорхнул маленький веер, подсудимая начала себя усиленно обмахивать, пока глаза присутствующих были прикованы к единственному порхающему по залу предмету, Аделаида Ивановна продолжала сверлить глазами судью. Парик съехал на одно ухо, господин судья два раза украдкой (хотя в его положении это было вряд ли возможно) влез под него пальцем и с остервенением что-то почесал; не скрылось от внимания присутствующих и то, что председательствующий заерзал на стуле — подсудимая была в курсе еще одного маленького пустячка, о котором не подозревала ни одна душа в зале — и даже ни сном ни духом сама Лилиан Тимофеевна, которая, конечно, не допустила бы подобного издевательства над личностью. Для пущей исторической достоверности судья вот уже третье заседание восседал на тюке с шерстью.

Для того чтобы разобраться, как это служителя Фемиды занесло в средневековую Англию (куда, собственно, и уходила корнями данная традиция), необходимо сделать коротенький экскурс в историю.

За последний исторический период прогресс сделал сверхскачок вперед (две старые арбы — звук и свет — остались далеко позади, челнок доставил долгожданный бульжник с Марса, на Луне сняли первый урожай томатов), произошло значительное взросление человечества, которое наконец отыграло в люльки-бирюльки войн и разных насильственных безобразий, теперь каждая собака знала свои права и на каждом углу уже не кричали о свободах, потому как они стали неотъемлемой частью жизни каждого. Недавно завершившаяся эпоха скоростей и информации подарила человечеству много всякого, но после того, как пыль цифрового столетия улеглась, многим стало ясно, что важнейшим ее завоеванием являлись не технические достижения (значение которых, конечно, никто не умалял), а то, что человек как вид стал — как бы это сказать — приличнее, что ли. Вряд ли кто-то мог предположить, что это станет возможным благодаря бурному развитию всемирной паутины.

А случилось вот что: наряду с множеством вариантов прикладного использования сеть дала человечеству возможность выкладывать в нее все, что душе угодно. Началось, как обычно, с неприличностей — безобразия всех сортов, совершающиеся в разных уголках земли, фиксировались и выкладывались во всеобщий доступ, с их последующим просмотром и обсуждением мировой общественностью. Были и такие, которые били рекорды в десять-пятнадцать миллионов просмотров. А это уже цифра! Но даже тогда еще никто не мог предположить, что

все обернется такими пышными арбузами для последующих поколений! Одно дело — бросить старушку перед светофором или обидеть тигра, не доложив ему мяса втихую, но совсем другое — когда все, начиная от деревни Трындычи Саратовской области и заканчивая маленькой китайской провинцией, не спят, не едят, а только об этом и говорят. Тут уж поистине нужно иметь шкуру бегемота, чтобы не испытать стыд. Кулуарность преступления была разрушена. А ведь на этом зиждется любое отступление — в каждом насильнике, грабителе живет надежда на то, что все будет шито-крыто. В таких условиях крепко подумаешь, прежде чем оступиться, малейший промах — и ты на ладони мировой общественности. Человеку ничего не оставалось, как вести себя прилично, подобное поведение вошло в привычку, закрепилось на глубинных уровнях в завитках ДНК и других кислот, постепенно у многих стала просыпаться совесть, раз проснувшись, она уже не дремала, а таякала из будки. Тем не менее некоторые все еще умудрялись свернуть с праведного пути. Для таких случаев и требовалась надзирательная система, причем на государственном уровне. Индивида стало жалко марать, а государству не привыкать.

Раз уж мы упомянули бегемота, позвольте сделать еще одно маленькое отступление, надеюсь, оно лучше поможет понять быт и нравы рассматриваемой эпохи. Сама по себе шкура бегемота обыкновенного не редкость, вид этот не был истреблен, как многие другие, а благодаря массовому разведению на фермах, сейчас часто встречается в водоемах Центральной России. Благодарить за это нужно не «зеленых», а опять же трансформации в сознании. В более ранние периоды, находясь на низшем, примитивном этапе своего развития, человек брал у животных все что мог — мех, шкуры и мясо — вернее, на что хватало ума, потом произошел щелчок, как это обычно бывает, количество перешло в качество, к человеку пришло понимание, что действительно ценным являются не бифштексы, котлеты и сумочки, а то, чему мы можем научиться у братьев наших меньших, — то есть знания и умения. На это, конечно, потребовался ни один виток эволюции, ни одно столетие и даже тысячелетие, казалось бы, устанешь ждать, но «все проходит», как говорил мудрый Соломон.

И это прошло, и пришли времена другие, теперь никто ни с кого не сдирал шкуры, не пускал на тефтельки, процесс разумного сотрудничества и сосуществования, кажется, достиг своего ренессанса. Вышеупомянутых бегемотов, к примеру, разводили для того, чтобы перенять у них опыт и усовершенствовать систему обмена сигналами под водой, в чем

бегемоты (пока человек вел себя, как последняя скотина) особенно преуспели. Разводились же животные массово, потому как каждому хотелось иметь своего индивидуального наставника для достижения максимального эффекта. Описывая данный опыт, конечно, не стоит претендовать на оригинальность, нет ничего нового под солнцем и под луной тоже... Легендарная Анна Павлова, например, прежде чем станцевать своего Лебедя, посвятила долгое время наблюдениям за самой обыкновенной птицей и осталась в памяти на века как величайшее явление, Нижинский вжился когда-то в образ цветка... Но если раньше такие достижения были уделом избранных, то теперь кое-что стало доступно и массам...

Но все это отвлечения, вернемся к системе правосудия, выполняя грязную работу невозможно не замараться, для современника господина судьи и Аделаиды Ивановны было совершенно естественным считать, что оно того не стоит — куда-то лезть, в чем-то копать, обвинять, тратить на это драгоценное время своей драгоценной жизни, которое можно было потратить на кучу всего интересного и полезного. Всем занималось, как мы уже сказали, государство и такие преданные, как господин судья, люди — занимались из-за гуманности, из-за истинного человеколюбия, ведь кому-то же все еще надо было это делать! Человек совершенствовался, но все еще оставался чуточку несовершенен. (На тюке с шерстью судья, кстати, сидел из-за той же гуманности: ему было жаль подсудимого, он ему сопереживал и этим самым мешком он убивал и второго зайца — страдал вместе с подсудимым. Ни в этом ли суть гуманизма?!)

Судья смахнул градом катящиеся капли пота, ему показалось, что подсудимая дрогнула, он представил, как они потом будут все это обсуждать, хлебая шампанское. Но вместо ожидаемого признания произошло следующее.

— Я... — донеслось со скамьи подсудимых, — не признаю никакой вины...

Мужчина побагровел, Аделаида Ивановна интенсивнее замахала веером, в зале кто-то кашлянул, сморкнулся, заелозила по полу ножка стула, забегал быстрее карандаш, рисующий фигуры.

— Не признаешь?! — вдруг крикнул судья, смешно трясая белой гривой, внешний выпад совершенно не соответствовал внутреннему желанию относиться к подсудимой с любовью. Подсудимая могла вывести из себя и ангела.

— Нет! — запальчиво выпалила Аделаида Ивановна.

— Так-таки? — парировал судья.

— Так-таки! — подтвердила подсудимая.

— Шарлатанка! — крикнул господин судья, поступив совершенно уж не официальным образом, присутствующие зашептались, такого накала страстей никто не ожидал, заседание продолжалось.

— Сам такой! — не удержалась и женщина.

— Да я тебя!

— Ага! — Женщина игриво помахала веером.

— Да в тебе... нет... нет... — Мужчина запнулся, видимо, подбирая подходящее слово. — Ни капли совести!

— Это во мне-то?! Ха-ха-ха, — бросила ему в лицо подсудимая. — Да во мне этого самого больше, чем в тебе! — выкрикнула женщина и, несмотря на то, что все заседание до этой словесной перебранки выдержала с блеском, закипела. — А ты... Ты — буквоед! Книжный червь! Формалист! Вот ты кто! Видишь только свои своды, законы и больше ничего! Да для тебя человек — так... мокрое... пустое место!

Господин судья, не в силах вымолвить больше ни слова, только открывал рот, глотая одно за другим летящие в него оскорбления.

— Нет, ну это невыносимо, я двадцать пять лет... на этом месте... мне... жарко... и вообще... — вдруг обмяк мужчина, опускаясь на свою мягкую шерстяную сидуху. Во время заседания он то вставал, то садился.

Аделаида Ивановна уже несколько раз успела прикусить губу, конечно, она понимала, чтохватила лишнего и, как человек совестливый, жалела и о слишком уж разыгравшихся страстях, и о нечаянно вырвавшихся запальчивых словах.

В зале опять повисла тишина, однако заседание нужно было продолжать, по протоколу судья должен был, апеллируя к совести подсудимой, постараться вывести ее на чистую воду, потом убеждать ее в своей точке зрения и отбивать ее выпады (если таковые были); убеждения и словесные прения должны были занять не менее получаса. При умелом ведении дела именно столько времени уходило на то, чтобы расколоть подсудимого, разбудить совесть и заставить перейти на свою сторону.

— И что? Снова будешь?.. — Аделаида Ивановна, что ни говори, была крепкий орешек. — Заниматься... этим своим?

— Да чем своим-то?.. — не моргнув, ответила женщина, оба, конечно, понимали, что, не успеет за Аделаидой Ивановной закрыться дверь зала заседаний, она тут же понесется заниматься своими темными (по мнению господин судьи) делишками и светлыми (по ее собственному мнению) делами.

— Ну и брысь! — Господин судья вдруг скатился со своего тюка и даже притопнул. — Присутствующие захлопали, заседание

было завершено...

— В семь! — шепнула, проходя мимо него, Аделаида Ивановна. — «Три палочки краба».

— Не приду, — вспыхнул мужчина.

— Как хочешь. — Аделаида Ивановна покинула зал.

За дверьми ее уже ожидали репортеры, замигали фотоаппараты, еще бы — чуть ли не единственная подсудимая за полгода, все были уверены, что она является преступницей, и все радовались, что ей удалось избежать правосудия. Не очень благоприятная для системы, но очень позитивная для самой Аделаиды Ивановны тенденция — возвращение способности действовать не только по указке. На нее обрушились с вопросами. Под светом софитов Аделаида Ивановна и вовсе преобразилась.

— Намерены ли вы продолжать свою деятельность и дальше? — полетел в нее первый вопрос.

— Никогда и в мыслях не имела останавливаться, — говорила она смело, даже вызывающе, ведь никто не сказал, какая деятельность имеется в виду, может, высаживание огурцов.

— Не считаете ли вы, что слишком много на себя берете?

— А вы? — Аделаида Ивановна вперила взгляд в задавшего вопрос молодого человека.

— Но я только делаю свою работу, — не растерялся молодой человек.

— А я свою! — отфутболила его женщина.

— А вы уверены, что именно в этом заключается ваша работа? — пришел молодому репортеру на помощь еще более зубастый коллега.

— А вы?! — опять нашлась Аделаида Ивановна.

Женщина обожала репортеров, жгучий народ, мыслящий.

Было еще много вопросов, но Аделаида Ивановна стала усиленно работать локтями и бедрами, расчищая себе дорогу. Внизу ее ждала машина. Плехнувшись в салон автомобиля, женщина прикрыла глаза, дав им отдохнуть от ярких вспышек. Не так-то легко быть знаменитой, хотя и ни разу не пойманной преступницей.

— Домой, — проговорила она впереди сидящему водителю, тут же открыв глаза. — А потом в «Три палочки краба».

— Нет, ну ты представляешь, — снова обратилась Аделаида Ивановна к своему водителю, в обязанности которого входило также выслушивать свою начальницу, Михаил наострил уши. — Они хотят лишить человека последних зачатков самого главного... — Аделаида Ивановна сделала паузу. — Свободы

воли! Ну уж нет, у меня есть такая... рассада!

Водитель многозначительно глянул в зеркало заднего вида, дескать, разделяю благородное негодование. Работая с Аделаидой Ивановной, Михаилу пришлось подтянуть некоторые вопросы, особенно из области философии. Такие понятия, как «свобода воли», «душа», «дуализм», «истина», «взаимное влечение полов» — были для него не пустым звоном. Во всем этом он ориентировался, мог дать определение, привести примеры и даже поддержать непродолжительный разговор, короче, был дока, разбирался Михаил и в исторических эпохах, и в сопровождающей их философии. В школе он, например, однажды писал сочинение на тему «Жизнь в эпоху потребления», считал, что в этой теме неплохо разбирается, дай ему волю, он бы и сейчас прочел целую лекцию.

В ту самую эпоху все было направлено на то, чтобы жрать, жрать и жрать! (Противоречивая философия, учитывая то, что в тот же период Африка голодала, а некоторым районам Ближнего Востока требовалась гуманитарная помощь.) Позже ориентиры поменялись. Отчасти это было продиктовано самой средой: в привычных объемах жрать и потреблять было уже нечего, ресурсы истребляемы! А отчасти — изменениями внутри самого человека: не иметь своего дела, не знать, за что в этой жизни можно зацепиться, или заниматься посредственной, не имеющей ничего общего с тобой работенкой, после чего лечить пошатнувшуюся психику сто пятидесятой кофточкой или тягаться с соседом длинной автомобиля — стало не-вы-но-си-мо!!! Пить, колоться, топить — тоже стало не-вы-но-си-мо!!! (Водоемов на всех не хватит.) Все ринулись на раскрытие потенциала, но тут произошло грандиозное «Упс!» — раскрыть собственный потенциал оказалось не то же самое, что чпокнуть банку пива. Для многих путешествие в собственную терра инкогнита оказалось не по зубам. А хотелось очень! Вопросом занялись на государственном уровне: пару тестиков, пробирочек, сканирование, рассматривание под лупой очередного витка ДНК — и сразу становилось ясно, кто пилот, кто полиглот, а кто возделыватель гороха. (Причем и то, и другое, и третье важно, во избежание разного рода манипуляций это нужно понимать!)

Михаил, как и все, прошел еще в школе Общий тест: 245 вопросов, 48 показателей, 25 шкал, 5 диаграмм. Полминуты на обработку — и вердикт готов: шкалы и диаграммы показали склонность Михаила к механизмам в общем и автомобилям в частности. Дальше дело техники, Михаил закончил соответствующее учебное заведение и теперь, как и все, трудился на приятной для себя и полезной для общества ниве — в данный

момент, например, развозил по делам Аделаиду Ивановну. В свободное от работы время Михаил, как кубик Рубика, на время разбирал и собирал свою легковушку, участвовал в соответствующих конкурсах, а когда выпадал отпуск, гонял от Владивостока до Москвы и обратно, трассы были шикарные. Для захлебнувшихся от бессмысленности существования поколений, когда одни тупеют и бесятся с жиру, а другие тоже тупеют, света белого не видят и не знают, как протянуть от зарплаты до зарплаты, такая жизнь показалась бы медом — человек, конечно, в какой-то мере еще остался друг другу эксплуататор, но густоту краски потеряли, всё делалось с удовольствием, на взаимовыгодной основе! Аделаида Ивановна, к примеру, была хоть и знаменитость, а в прошлые выходные высаживала на даче Михаила тюльпаны — в душе прирождённый садовод, она особенно тяготела к тюльпановодству. Кстати, именно она и разглядела червоточинку во всем этом, на первый взгляд, идеальном натюрморте, из-за чего и произошел раскол во взглядах между нею, с одной стороны, и судьей и обществом — с другой.

Суть спора была в следующем.

Судья, как олицетворение системы, ратовал за существующую практику (Общий тест). Аделаида Ивановна, напротив, считала, что все мы и сами с усами и не надо совать человеку билет на балет, когда он хочет на футбол, не нужны нам ваши пробирки и анализы, мы и сами можем определить, куда нам топать и что делать со своими бренными жизнями. Подкрепляло свое мнение женщина тем, что, когда был изобретен калькулятор, человек разучился считать, когда изобрели телевизор — разучился видеть, теперь из него хотят сделать еще и идиота, не способного прислушаться и услышать ни кого-нибудь, а самое себя!!!

Аделаида Ивановна, как любая женщина, слегка подтасовывала факты и жонглировала ими, оправдать ее могло только то, что она искренне ратовала за человека и искренне полагала, что, если такая тенденция будет продолжаться, человек и вовсе перестанет мышшей ловить и лишится последней способности — чувствовать! Тот факт, что с некоторых пор большинство были счастливы и улыбались (во что ее постоянно тыкали носом), для нее был не показатель, мало ли от чего человек может улыбаться?

Были у нее и другие доводы против Общего теста, женщина боялась двух вещей: первое — человеческий фактор — пробирочек миллионы, и хоть парочку, но можно перепутать (о подобных случаях она знала не понаслышке, государство никак не регулировало этот вопрос — дескать, непогрешимые мы);

и второе — могли быть злоупотребления опять же со стороны того же государства — понадобятся ему, гипотетически, сто землекопов, подтасует, как миленькое, все эти диаграммы и пробирочки и вылупит себе соточку новеньких землекопов, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Дома Аделаида Ивановна освежилась, она была еще довольно приятная, нестарая женщина, побаловала себя чашкой кофею, впереди ей предстояла еще одна битва, но уже более серьезная, с глазу на глаз. Все, что происходило в зале суда, носило больше формальный, даже театральный характер: «А не соблаговолите ли вы?.. А не признаетесь ли?..» Пока ее не поймают за руку, ей ничего не грозило. Проглотив два наперстка зеленого кофе, Аделаида облачилась в светло-зеленый костюм, господину судье он очень нравился, после всех его расстройств, причиной которых она сегодня послужила, ей хотелось ему угодить.

В «Три палочки краба» Аделаида Ивановна приехала первая. Судя по опыту, он чуть-чуть повредничает, наконец явится и непременно извинится за опоздание.

Женщина пробежалась по меню. Меню, как и все, соответствовало духу времени, в нем уже не было первобытных замашек человечества, сейчас ни одно уважающее себя заведение не осмелилось бы предложить куриную котлетку, блюдо из расчленённой, с еще бьющимся сердцем лягушки или заживо запеченную рыбу. Даже закон на это не требовался, такое бы просто не стали есть, заведение закидали бы тухлыми яйцами, и оно прогорело бы. Кухня, как и всё остальное, менялась и развивалась вместе с человечеством.

Господин судья появился в дверях кафе. Без парика, в легком деловом костюме он выглядел гораздо моложе. Аделаида Ивановна с интересом посмотрела на своего старинного, еще по университету товарища. Не успел он подойти к столику, как тут же сунул ей под нос газету.

— И это твоих рук дело?

Аделаида Ивановна глянула на статью. С самого утра вся пресса только и делала, что трубила об очередном инциденте: вчера сто пятьдесят пассажиров рейса Санкт-Петербург — Новосибирск отказались от вылета. Женщина подавила смехок, похоже, господин судья уже и забыл, как сам ей недавно проболтался о подготовке как раз этого самого рейса.

— Нет, ну это немыслимо, ты ставишь палки в колеса... ты, в конце концов, транжиришь средства... ты делаешь бесполезную работу... Но к чему? Зачем? Я не понимаю! Спасибо, — бросил он

через плечо официанту, подвинувшего под него стул.

— Ах, ты не понимаешь?! — Аделаида Ивановна перегнулась через стол и горячо зашептала. — Нет, ну ладно они, но ты, взрослый, умный человек, разве ты не понимаешь, что если вам приходится идти на такие... зловещие... меры, то, значит, что-то в вашей системе не так!

Господин судья, конечно, все понимал, и понимал гораздо лучше, чем даже могла представить его давняя знакомая, но он работал в системе уже столько лет, был во всем этом и его вклад, да и вообще...

— Все это... единичные ошибки... — проговорил, хмурясь, мужчина.

— Единичные ошибки, — прицепилась к слову женщина, — которых наберется на второй за год рейс? Набитый под завязочку?! — ехидно прошептала она, в разговоре с глазу на глаз можно было говорить то, о чем не скажешь в зале суда.

Мужчина дернул нос сначала в одну сторону, потому в другую.

Но Аделаида Ивановна не унималась.

— Значит, вы ошибаться можете, а человек? За ним вы такое право оставить не можете?!

— Не можем, — упрямо пробубнил он и тут же ядовито затараторил: — Не можем потому, что будет еще хуже, человек же уже давно... тью-тью... — проговорил он потухшим голосом.

— Да это же вы его таким и сделали! — не удержалась, чтобы не наступить на большую мозоль, женщина. — А я ведь говорила... Ах, молодцы! Ах, умники! Все за всех решили! А теперь что? Неудобных в печку? Заметаем следы? Опять на те же грабли?

Услышав такие характерные и родные для Аделаиды Ивановны и ее лексикона «грабли», господин судья усмехнулся. Дело в том, что его старинная знакомая и сама была «ошибкой системы», «перепутанной пробиркой». С ее тестом что-то там напортачили, засунули в совершенно чуждую ей область, в которой она проработала впоследствии многие годы. Все это время она подозревала что-то неладное (душа молчала, как рыба об лед, а не пела, как следовало бы) и однажды потихонечку начала заниматься своей исконной деятельностью — копать. (Помог, конечно, характер и смелость, без него бы дело было швах, загнулась бы, как некоторые.) Каким-то невероятным образом женщина смогла извлечь из чуждой для себя деятельности даже полезное — благодаря своей работе с помощью каких-то ухищрений Аделаида Ивановна смогла потихонечку пройти повторное тестирование, которое ей черным

по белому и объяснило, что никакой она не госслужащий с маниакальной тягой к бумагам, указаниям и отчетам, а садовод, со значительной склонностью к тюльпановодству.

Узнав о себе все это и догадавшись, что теперь она «отщепенец» и «гибрид», женщина, конечно, была потрясена, заниматься своей нынешней работой она больше не могла, ручка из рук вываливалась, но и возвратиться к истокам тоже казалось невозможным, времени-то сколько впустую ухлопано! Жизнь перевалила за половину, а она только сейчас узнала, что тюльпаны, как и простыни, бывают махровые! Ни о каком серьезном обучении не могло быть и речи, государство свои 3.50 на ее обучение уже затратило. А жить продолжать было как-то нужно... Еще не решив, что же с собой такой делать, Аделаида Ивановна вдруг поняла, что ее же ведь с кем-нибудь да перепутали, значит, где-то на этой земле живет еще один человек, занимается тюльпанами и ненавидит эти тюльпаны, потому как они для него хуже чем лук, и мечтает он о совершенствовании гражданского устройства, а не ненавистных клумб! И жизнь его уже давно превратилась в колумбарий...

По своим источникам остороженько женщина стала этого человека разыскивать (как-никак работала в госорганах). И нашла, действительно жил человек, занимался тюльпанами, потом переквалифицировался на исключительно желтые тюльпаны, а потом попал в желтый дом... У нее тогда будто глаза открылись — а сколько таких несчастных? Путь как бы сам собой перед ней и расстелился — она занялась «подрывной» общественной деятельностью, а для души — потихонечку тюльпанами, выгадала деньги на курсы, накупила литературы.

Для успешного ведения какой бы то ни было деятельности нужны если не единомышленники (найти коих она не рассчитывала), то хотя бы условия, инструменты. Таким вот инструментом и стал для нее ее старый друг и товарищ, которого она превратила практически в своего осведомителя и у которого, что греха таить, неприличными, тайными от Лилиан Тимофеевны методами выводывала информацию под грифом «секретно» — где будет завален очередной самолет, когда пустят под откос поезд или в чьей акватории будет пускать бульбы следующий «Титаник». Система, как только её «ошибки» начинали рыпаться, пускала их под пресс (желтый дом — это еще цветочки), Аделаида Ивановна, в противовес системе, с помощью пусть даже и примитивных способов, спасала цыплят прямо из лап коршуна, со свойственным ей энтузиазмом вдыхала в них жизнь, дарила второй шанс (даже если ее об этом никто не просил) и впоследствии разработала собственную систему адаптации

и переквалификации — твердой рукой возвращая человека к его истокам.

Мужчина дернул ус и начал уже неформальный допрос своей подруги:

— И с этого рейса половину народу сняла?

— Ага, онлайн-гадание... — Женщина поморщилась. — Нет, ну ты не представляешь, насколько примитивные способы приходится применять, довели человека! Налево пойдешь — коня потеряешь... и полсамолета — как корова языком слизала, — покачала головой она.

Мужчина наклонился ближе к столу:

— Их все равно в конце концов переловят и впихнут... ну, не в самолет, так в горящий дом или еще куда... с вероятностью девяносто девять процентов... они просто не успеют... — Мужчине не хотелось говорить неприятные вещи, но Аделаида Ивановна сама напрашивалась.

Женщина задумалась, по лицу ее пробежала тень, она взяла со стола подставку с меню, вдруг взгляд ее за что-то зацепился.

— Говоришь, девяносто девять? — уточнила она.

— Ну да... — кивнул мужчина.

— Это значит, один остается? Работаем до последнего посетителя! — тыкнула она пальцем в нижнюю строчку в меню.

Господин судья прочитал надпись. «Неугомонная!» — подумал он.

Старинные товарищи больше не спорили, они пили за Аделаиду Ивановну, больше не точили лясы о свободной воле и о месте человека в этом мире. Хлебая шампанское, Аделаида Ивановна захлеб рассказывала о недавно закончившемся 245-м съезде тюльпановодов!

Моль, Бабочка и Мотылек

Георгий Алексеевич засунул два пальца за ворот футболки и постарался хоть чуточку облегчить свои страдания — вокруг было жарко, душно, темно, к тому же пыльно, мужчина взял это на заметку — не забыть сказать Татьяне Кузьминичне. Домоправительница досталась Георгию Алексеевичу в наследство, работала она в семействе Черешневых еще в те времена, когда была жива его покойница-мать, Леночки еще и в помине не было, и все в доме было чинно, благородно, порядок царил почти энциклопедический, а если что-то и нарушало стройность гармонии, то тут же невидимой рукой домоправительницы водворялось на место — и снова спокойствие воцарялось невозмутимое.

С появлением Леночки все смешалось в доме Черешневых. Леночка невзлюбила домомучительницу и уже несколько раз успела капнуть Георгию Алексеевичу, что Татьяна Кузьминична мышей не ловит, при этом очень приличные деньги получает. Для большей убедительности девушка добывала доказательства: то, шатаясь на венском стуле, смахивала с богемской сосульки пыль, то, не жалея себя, лезла под кровать и вытаскивала оттуда старый, успевший замохнатиться носок, то, всем своим видом выказывая недовольство, стирала пальчики с Багамских фотографий, семейство которых поселилось на комод в спальне Черешневых после той самой поездки, в которой Георгий Алексеевич первый раз нежно назвал ее своей черешней, а она его пупочком... В носу что-то засвербело, мужчина только и успел зажать рот. Чих так и не вырвался наружу, но наделал внутри такого шороху, что аж в мозгах застрекотало и на глаз выскочила слеза.

Георгий Алексеевич хоть и отмел от себя мысль о том, что у него и на пыль может быть аллергия, тем не менее на всякий случай стал вспоминать результаты теста. Орехи, рыба, грибки — одним махом попали в нон грата; ему еще повезло: дожил до шестидесяти семи и его ни разу не укусила ни одна полосатая сволочь — на укус пчелы у него, оказывается, тоже была аллергия. В списке была куча всего, чего ему следовало остерегаться, пыль, кажется, отсутствовала. «И все равно, нужно попросить Татьяну Кузьминичну, чтобы она убиралась тщательнее, — подумал мужчина. — Аллергия — штука коварная. Пыль — это же не просто пыль, это же клещи, и ведут они себя так же, как все живое, — где хотят, там и гадят». Георгий Алексеевич вдруг представил себе, как нечаянно наступил

на невидимую фукалию и тут же схлопотал астму. «Этого еще не хватало, — спохватился мужчина, — хороший же он будет гусь! Леночка за такое по головке не погладит!»

Простояв, практически не шевелясь, минут пять, мужчина нащупал ступнёй у себя под ногами что-то мягкое и нежное, в кромешной тьме разглядеть, что это, было затруднительно, мужчина предположил, что это плед, подгрреб ногой с одной стороны, поскреб с другой и тихонечко опустился в нечаянно свитое гнездо. Стало уютно, удобно, во всех смыслах приятно, тело приняло расслабленное состояние, в таком положении Георгий Алексеевич мог находиться годами, как тибетский йога. Монахи, оказывается, могут сидеть в таких позах бесконечно-продолжительные сроки, самых продвинутых закапывают, потом откапывают, ноги у них сами собой сплетаются, расплетаются, и самочувствие у них при этом прекрасное. Если бы у него еще получилось, как у них, не дышать, обрести их спокойствие, вот была бы штука...

Мужчина закатил глаза к темному потолку, прикинул, сколько вокруг воздуха, от силы кубов восемь, вентиляции никакой, через щели идет кое-какой воздухозабор, но сущая ерунда, с его сердцебиением выдышать этот объём — раз плюнуть, три-четыре часа — и углекислых газ медленно задушит каждого, у кого нет кислородного баллона. Георгий Алексеевич раздраженно подумал о том, до чего он непредусмотрительный: ведь можно же было заранее аккуратненько высверлить дырочки или осторожненько вынести заднюю стенку, ну и что, что предмет XIX века, не задыхаться же теперь, как несчастная моль... И фонарик, как последний болван, оставил в прихожей...

Дверь тихонечко открылась, узкий, как лезвие, пучок света разрезал пополам окружающую Георгия Алексеевича кромешную тьму — в расщелине блымокнул зрачок. Дышать стало вольготнее, зрачок еще раз блымокнул, стайкой разлетелись мушки, Георгий Алексеевич спохватился, очечник лежал на комод, он о нем совершенно забыл, и сейчас мало того, что все плыло, так забытые очки могли его еще и выдать! Леночка знала, что без них он как без рук, не то что не решится на отдаленное путешествие, но и в уборную не додефилирует. При первой же возможности нужно попытаться тихонечко, как цыпа, выбраться из убежища, добежать до комода, сцапать очечник и опять скрыться в убежище.

Зрачок еще два раза блымокнул, Георгий Алексеевич подумал о том, какой он молодец и даже смельчак, потому что наконец решил расставить все точки над «і»!

В комнате никого не было, мужчина похлопал по карману,

хотелось курить, но норок и песцов кругом набралось бы на целую звероферму, подпалить такое хозяйство — все равно что сжечь сразу все мосты: ни одна женщина такого не простит, тем более Леночка. Мужчина беспокойно завошкался, подоткнул под спину что-то мягкое, наверное, упал с вешалки зазевавшийся енот, ноги стали затекать, он пошевелил коленкой, что-то хрястнуло. Тихонечко подтолкнув дверцу, протянул ноги, кровь веселее побежала по жилам, мелкие иголки впились в худые ляжки и икры, от пущенного кровотока все стало оживать, но Георгий Алексеевич не дал распуститься бутону жизни, подобрал ноги и скрылся в шкафу.

В уединении мужчина в который раз пробежался по основным пунктам плана. Главное, держать себя в руках и сохранить лицо, он же, в конце концов, не Отелло, чтобы выскакивать из шкафа и загонять кинжал в грудь любовников, он будет вести себя благоразумно: тихонечко посидит, поглядит на все собственными глазами и, только когда появятся веские основания в чем-то Леночку подозревать, поставит вопрос ребром: Леночка должна будет выбрать между ним и ее жалким хахалем. Но наведет ее на этот разговор Георгий Алексеевич, опять же, не с бухты-баряхты, а позже, в спокойной обстановке.

Мужчина нахмурился, представив себе чаши весов. На одной сидел неизвестный мужчина, почему-то кучерявый, Георгий Алексеевич попытался избавиться от навязчивого образа, но не смог. «Ну и пусть! — оставил как есть мужчина. — Кучерявый, так кучерявый!»

На другой же сидел он сам, в гордом блеске и несчастьи своего положения...

Чаши весов медленно покачивались, сначала туда-сюда, потом сюда-туда...

Георгию Алексеевичу показалось, что молодость вследствие своей кучерявости начала чуть-чуть перевешивать, мужчина отказался в это верить и тут же чуть было не поплатился за свою неосмотрительность: худые, костлявые ноги взмыли в небо, унося его на самую верхотуру! В последний момент он спохватился, метнул на свою чашу весов квартиру, потом еще одну квартиру, заново отстроенную дачу с прудом и бассейном и, конечно же, свое детище — компанию «Шкаф, комод и ножка стула», специализирующуюся на продаже антикварной мебели.

Пятки плавно поехали вниз.

Георгий Алексеевич с облегчением выдохнул.

Мысль о том, что молодому сопернику тоже будет что швырнуть на свою чашу весов, мужчина автоматически отменил. «Беден, как церковная мышь», — бесповоротно решил Георгий

Алексеевич.

Выбор Леночки стал, как день, очевиден.

Георгий Алексеевича не сильно смущало, что он далеко ушел от первоначального плана, который состоял в том, что если Леночка окажется дрянью — он тут же выставит ее за дверь, конфискует всех бобров и енотов и все украшения по списочку! Стоило только вспомнить, что ему пришлось пережить за последние два года (точных доказательств у него не было, но тем хуже!). Все это время он был все равно что привязан к позорному столбу, его лизали языки пламени, к нему по очереди подходили Тимофей, бывший коллега Леночки, Андрей Евгеньевич, ее нынешний начальник (Леночка продолжала работать, как будто в этом была какая-то необходимость), волосатый латинос Карлос, тренер Леночки по фитнесу, последнее полено в костер бросил таксист — Георгий Алексеевич засек их с Леночкой с балкона на прошлой неделе, мужчина помог дотащить ей сумки до подъезда, однако вместе с ней там и скрылся, домой Леночка пришла минут через двадцать. Поначалу Георгий Алексеевич, как последний колпак, хотел было бежать ее спасать, но потом вовремя спохватился, вспомнив, как еще в самом начале Леночка его вот так же раззадорила, у них все случилось прямо на лестнице в подъезде и как ей всё это понравилось...

А ведь как живописно всё начиналось! Леночка поначалу даже планировала родить ребеночка, во всяком случае, именно так ему всё преподносилось. Георгий Алексеевич прошел полностью обследование, ходил вместе с ней на физкультуру, болтался на турнике, ел всякую траву и пил ни на что не похожий коктейль из сельдерея. Вдвойне обидно было от того, что ведь каждое желание, каждый каприз!.. Не успевала Леночка еще открыть ротик, а он уже вытаскивал волшебную карточку! Конечно, он ревновал, да что там говорить, не раз втихаря просматривал Леночкин телефон и записную книжку и, наверное, вовсе дошел бы до ручки, если бы однажды не наткнулся на визитку Виталия Андреевича (стыдно признаться, в Леночкиной сумочке).

Виталий, судя по указанному в визитке, был практикующим психологом, членом гильдии, тренером, доктором, даже каким-то кандидатом. До кучи Георгий Алексеевич заподозрил и кандидата-акробата в том же, в чем уже подозревал гадкого таксиста и всю компанию. Он и сам не понял, как рука его потянулась к телефону. Набрал номер, спохватился, как бы не наломать дров... Но было уже поздно, номер оставил свой след во входящих Виталия Андреевича.

Зависнуть и остаться незамеченным во входящих делового человека практически нереально, вращающиеся в деловых кругах, конечно, это знают. Виталий начал с педантичностью прозванивать неизвестный номер, Георгий Алексеевич, будучи человеком, кстати, не менее деловым, не мог не отвечать на сыплющиеся звонки.

Мужчина ответил и сам не понял, как очутился в тихом, уютном кабинете с окнами на набережную. На стенах висели многочисленные дипломы, Виталий стажировался в Германии и Швейцарии, на полочке сверкала шкатулка-черепушка с хрустальным мозгом, где-то в углу журчала вода, бился фонтанчик. Сам Георгий Алексеевич беззаботно покачивался в кресле. Напротив восседал импозантный, моложавый мужчина, взгляд у него был почти гипнотический.

Георгий Алексеевич, конечно, был не лопух, сразу понял, на что направлено воздействие такого взгляда и всех этих психологических прикрас — на парализацию его воли! Он попытался оказать сопротивление и поскорее задал интересующий его вопрос — а как, собственно, его, Виталия Андреевича, карточка оказалась в сумочке его, Георгия Алексеевича, супруги?

Доктор и глазом не моргнул. Елена была всего лишь одной из участниц одного из его тренингов, тренингов у него тысячи и участниц тоже тысячи.

Георгию Алексеевичу понравился этот быстрый, без запинки ответ и, главное, эти тысячи, к тому же кандидат оказался неголословен, тут же разложил перед гостем симпатичный буклетик, напичканный всевозможными тренингами.

Все это было очень похоже на правду — Леночка и в самом деле была любознательна и чем только не увлекалась: расширяла границы сознания, играла на тантрических бубнах, недавно искала в лесу вместе с группой каменное мужское начало и еще прыгала с парашютом. Уже на третьей минуте сеанса Георгий Алексеевич был уверен, что Виталий чист и перед ним ни в чем не виновен. Хотелось хоть кому-то верить... и просто по-человечески выговориться... Знакомых, нужных людей — полно, а живешь, как в лесу, словом перекинуться не с кем...

Виталий не дремал, продолжал действовать медленно, но методично, подчеркнул полную конфиденциальность, пообещал семейную скидку, гость, конечно, успел заметить в буклетике, что цены в заведении улетные: два-три сеанса — и можно купить зеркало «Людовик XI», пять-семь сеансов — и увози диван «Бидермайер», XIX век.

Гость жался, мялся, но вскоре сдался.

Георгия Алексеевича прорвало!

Виталий дал потоку вылиться...

...и принялся за работу: мягкий, ненавязчивый голос сообщил Георгию Алексеевичу, что по статистике девяносто девять процентов супругов изменяют и, если кто-то не изменяет, значит, просто ПОКА не изменяет или УЖЕ не изменяет (за свою более чем двадцатипятилетнюю практику голос не встретил ни одной неизменяющей пары).

Причины, которые толкают людей в объятия посторонних, порой неожиданных людей, самые различные: от тривиальных — таких, как неудовлетворенность, физическая несовместимость, месть; до нам еще пока непривычных, даже экзотических — желания расширить кругозор, набраться новых впечатлений, наверстать упущенное.

Потом голос мягко и очень корректно намекнул на возраст гостя и сделал это так профессионально, что гость не обиделся... Потом как бы нечаянно упомянул о том, что все вокруг динамично развивается, меняется и мировоззрение, к этому нужно быть готовым... Обратил внимание на Запад, на то, что там, да и у нас тоже, потихонечку становится все больше и больше цивилизованных людей... Никто никого теперь не ловит, не пытается поставить себя и партнера в неловкое положение, а, наоборот, если вдруг возвращается раньше положенного срока, предупреждает об этом заранее.

А не как у нас, как снег на голову!

Но как бы ювелирно Виталий ни действовал, когда голос дошел до преимуществ свободного брака, Георгий Алексеевич ошетинился — закваска у мужчины, что ни говори, была старая, таких не так-то легко пронять нововведениями. Но и тут Виталий сработал профессионально: обронил зернышко и тут же отошел в сторонку, дав ему пустить корни, вроде как он и ни при чем...

Пока зерно прорастало, Виталий, чтобы отвлечься, перевел разговор и вовсе на смешную тему: про то, как нанимают детективов, как они потом охотятся за любовниками и с каким треском потом все это обнаруживается... В конце рассказал анекдот с бородой! Георгий Алексеевич давно так не хохотал, совершенно забыв о том, что и сам не так давно подумывал обратиться к детективу и остановила его лишь цена вопроса.

После визита у мужчины будто выросли крылья, дышать захотелось полной грудью, даже потраченных денег было не жаль, да за такую компанию и беседу можно было отвалить вдвое больше! Мужчина зачастил в уютный кабинетик с видом на набережную, однако, как бы задушевно у них все ни проходило, как бы ни журчал ручеек, Георгий Алексеевич был

не такой простак, чтобы делиться с кем бы то ни было (включая и доктора) всеми своими планами. О том, где он сейчас находился, не знала ни одна душа!

Мужчина нажал кнопку на дорогом циферблате, высветились циферки, прошло только сорок минут, сколько ему еще предстояло просидеть в этом ящике?

Из прихожей вдруг послышалось что-то похожее на скрежет ключа, мужчина притаился, но тревога оказалась ложной, захлопнули дверь соседи. «Элитное жилье, туды его растуды!»

Георгий Алексеевич просидел еще часа полтора, по всем его подсчетам, Леночка уже должна была вернуться, привести с собой Его, они должны были сделать своё черное дело и разойтись, но Леночка все не появлялась.

Ни одна. Ни с ним.

Больше сидеть взаперти, разглядывая край простыни в цветочек и закатившийся под кровать огрызок, который случайно не заметила Татьяна Кузьминична, было невыносимо.

Георгий Алексеевич толкнул дверцу шкафа и снова вылез. Было ясно, что Леночка не придёт.

Обдумывая дальнейшие действия, Георгий Алексеевич побродил по квартире, попытался успокоиться, но не тут-то было — сердце колотилось, как бешеное. Что делать? Позвонить ей? Спросить, где она шляется? Но ведь он сам еще утром предупредил, что уехал по одному заказу и будет только завтра. Выходит, что он её ловит, шпионит...

Внутри что-то сжалось, и это уже была не ревность, губа затряслась от злости.

Да неужели же он не может позвонить, черт бы ее побрал, своей супруге и спросить, где ее носит?!

Дрожащими пальцами мужчина нашел в телефоне Леночкин номер.

Прозвучал первый гудок, второй, третий, с каждым гудком становилось все страшнее, но Леночка так и не ответила. Георгий Алексеевич опустил на край кровати, что-то на него навалилось, и он ощутил почти физическую потребность перекинуться словом хоть с кем-нибудь... перед ним проплыл кабинет... в ушах что-то зашумело... разговорчивый фонтанчик...

Георгий Алексеевич припомнил, что Виталий как-то говорил, что звонить ему можно в любое время, не стесняясь...

Виталий ответил сразу и очень бодро, как будто бы всю ночь сидел и ждал, когда ему позвонит именно Георгий Алексеевич.

Голос что-то говорил, в основном о сохранении собственного здоровья и непоколебимости. Георгий Алексеевич ловил каждое слово, благодатная капля падала в иссушенную, безжизненную

почву, он даже не сразу разобрал смешок Леночки и не сразу понял, где она? Тут — с ним? Или там — с Виталием?

Нет, там, с Виталием, его Леночка быть никак не может, а значит, она тут, пришла и уже где-то рядом... А он и не услышал... Георгий Алексеевич подобрался и на тонких, цыплячьих ножках побежал к раскрытому шкафу, плюхнулся вниз и поскорее захлопнул дверцы шкафа. В ушах опять что-то зашумело, стало не продохнуть...

До самого прихода Леночки Георгий Алексеевич так и сидел в шкафу, как стручок, больше ни разу не шелохнувшись...

Зимняя коллекция

Сразу хочу предупредить, здесь я бываю редко и с покемонами не знакомлюсь, лайки оставьте себе, блог — идея Ди, но мне она понравилась, тем более все сейчас делают это. Несколько фоток я уже скинула, фигура у меня потрясающая, лучше, чем у Милосской, во всяком случае, я с руками. У матушки-природы есть масса мест для отдыха, но со мной ей пришлось потрудиться. Тонкая, звонкая — это не про меня. Уверенный третий, пока ничего не делала, и меня не надо ставить на голову, чтобы она стояла. С мордочкой, сами видите, тоже все в порядке. Меня хочется тискать, и я не всем по карману. Я знаю, чего стою и сколько стою, и мне жаль тех, которые не знают себе цену. Хотя пусть лучше таких будет больше.

Я часто ловлю на себе взгляды. Вульгарное, мини, крикливое, пестрое и вязанное крючком — не для меня. Не говорю, что это не нужно: кто-то же должен таскать шубы из обрезков и сапоги из кождама. Но лучше вы, а не я. Одежда — спасение от уродства. Разница между женщиной красивой и не очень в том, что красивую хочется раздеть, а остальных — нужно одеть. Индустрия моды, нащупав соль, заколпачивает на этом огромные деньги.

Сразу хочу отметить, я — не шмоткозависимая наркоманша, хотя у меня и есть отдельная комната для обуви. Гардеробу я отдаю должное — и не более... Для меня это больше инструмент, а не крючок. По тряпкам и брендам еще долго будут встречать...

Я обожаю итальянские вещи: изящно, красиво, удобно.

У немцев все качественное, но топором деланное, средний размер на мини-танк.

Китайцы — молодцы, за все берутся, и я уверена, скоро у них все получится.

Наши шьют по итальянским лекалам, многие во всем этом ходят, пусть и дальше ходят — кто-то же должен поддерживать отечественного производителя. Кстати, вижу исключительные плюсы в нашем климате, у нас три сезона: зима, лето, ну, и весна-осень в одном флаконе. В Бразилии — один, в Европе — два, нам есть где развернуться.

Обожаю русскую зиму: ну где, как не у нас, можно выгулять все свои шубки? Я бы здесь поправила Монро: лучшие друзья женщин — меха и бриллианты. Сейчас у меня четыре шубки, более чем скромно. У моей подруги Ди — семь, три полушубка и четыре автоледи. И это всё учитывая, что Ди каким-то образом удалось все это выцарапать из одного-единственного мужа. Сама она, кстати, на очень большого любителя.

Если бы я до сих пор сидела с первым мужем, так и ходила бы в подаренном родителями кролике. Первая шубка появилась у меня в те времена, когда норковая шапка была целым достоянием и её не могла себе позволить каждая прачка! Мои подружки еще бегали в поддережничках, а на моих плечах уже трепыхалось целое состояние. Канадская норка с длинным ворсом, подшерстком, цвет — густой шоколад, английский воротник. Купил ее Женя, кажется, так звали второго мужа. Первый был студент, сидел на шее у родителей. После Жени был Эдик? Или Вадик? Не важно... Эдик оказался на редкость твердолобым, ссылался на уже имеющуюся шубку, никакие доводы и убеждения в том, что подарил ее не он, а Женя, на Эдика не действовали. Самая нищая из моих знакомых уже смоталась в шуб-тур и притащила себе шубу из Греции, а в моем гардеробе все еще колыхалась одна-единственная шубка. Эдик откровенно издевался: «В две же шубы одновременно не влезешь». Странно, что он купил мне двое... тпрусиков — двое же сразу на себя не наденешь, если только не выдалась суровая зима...

Меня уже тошнило и от шоколада, и от английского воротника, подкрадывалась крамольная мысль как-нибудь ее испортить — вылить на себя краску, прикрывшись любителями зверюшек, или отдать в дешевую химчистку. Слава богу, хватило мозгов остановиться. Эдик... нет, все-таки Вадик мог оказаться настоящей козлятиной, и что бы я тогда делала? Новую шубу он бы не купил, жить с таким жлобом я бы, понятное дело, не стала, и куда б я делась, такая красивая, без мужика и без шубы? Оставались последние ночки, чтобы хоть что-нибудь выцарапать, нутром чуяла, дело идет на разрыв. Но и милый оказался не промах, тоже одним местом чувствовал предстоящую разлуку. Хотел отделаться малой кровью, всучить енота или занюханную норочку: в час пик в каждом вагоне штук пятьдесят таких на работу едет, продавцы их так и называют — роба.

Да... и кого бы я потом себе нашла, в робе и еноте?

Тогда уже пошли поперечки. Поперечка — пусть та же норка, но хоть вид другой. Купил мне ее мой жмотик. Я была бы не я, если б не дождала. Мне бы тогда сразу его турнуть, а я, идиотка, повелась на то, что милый на новую работу вышел, — хотела до кучи еще полушубочек выцганить. Все оказалось тщетно, только две лишних зимы на него потратила.

На третью избавилась и осталась красивая и свободная!

(Хотя и не в моих правилах бросать одного мужика, пока не найден следующий.)

Трудности меня только подстегивают. Нет ничего такого, с чем не могла бы справиться Лена Каблукова! Я ускорила,

поперечек становилось все больше и больше, от этой лесенки начинало рябить в глазах, теперь, чтобы привлечь к себе внимание, нужен был по крайней мере соболя или шиншилла. В ту зиму ко мне прибился Витя. Пустила погреться, он и остался, ну, не могу я долго без сильного плеча... Хотя, конечно, сразу понимала, Витя — не вариант.

...Давненько у меня не было такого Вити... Одни мужики в твоей жизни появляются, чтобы оградить тебя от всех невзгод, а другие — чтобы было что вспомнить.

Витенька, конечно, был редкий зверь. Я растворилась, пару месяцев абонент был не абонент, я для всех была недоступна, Ди и той стала реже звонить. За время нашего путешествия в нирвану у меня не появилось ровным счетом ни-че-го — ни одной кофточки, не говоря уже о звере. Того, что ежемесячно приносил Витенька, хватало только на то, чтобы прокормить его самого и меня и купить очередные три пачки по двадцать особо прочных. Но в какой бы пупырышек ни было сиюминутное счастье — о будущем тоже нужно было подумать... Первый звонок с Витей прозвенел, когда я первый раз купила на свои деньги продукты. Второго уже не было. Дур у нас полстраны, не хватало, чтобы и Каблуковаполнила их ряды.

Допускаю, что есть ситуации, в которых можно кормить больного, убогого и кривого, но пусть это делает мать Тереза, у нее же остались последователи. У меня же в гардеробе продолжало висеть всего лишь две шубки, от Витеньки так ничего и не перепало, а благотворительность — для дам побогаче.

Сокровище, кстати, довольно быстро пригрели — я ж говорю, полстраны.

Мне нужно было в очередной раз рвать когти, тридцатник не за горами, мужиков становится по убывающей: состоятельных — уже мало; состоятельных и адекватных — еще меньше; а адекватных, состоятельных и таких, чтоб за рубль не удавился, — таких вообще, как в лесу моржей. В ту же зиму у меня появился Пал Андреевич — это норка в пол с воротником под соболя. Соболя мы с Ди проверили, она, прежде чем замуж выйти, пять лет на шубах простояла, так что в чем в чем, а в мехе разбиралась. Подпушек такой, и цвет палевый, и подкладка у Пал Андреевича вообще что-то невообразимое — ультрафиолетовая, сочетание потрясающее, я еще такого не видела. Короче, все очень достойно.

Познакомились мы на эстакаде, я пробила колесо (машина мне осталась после Эдика... или Вадика?). Зима, стою, как воробышек, а тут Пал Андреевич на «Ниссане». Два часа возился, перепачкался, как зюзя, я, хоть и в шубе, но чуть не околела, пока

он вспоминал молодость.

Как девушка благодарная, разумеется, пригласила кавалера домой, оттаивать. Чаек, кофеек, вечерок провели, как школьники. Пал Андреевич мне еще больше понравился, солидный, не сразу быка за рога, и не дерганый — от каждого треньканья мобильника пятнами не покрывается. Я, кстати, не переношу мужиков, которые за молнию дергают, а сами на мобильник косятся и от любого шороха вздрагивают. В подобных случаях я мужика учу: отвечаю на звонок и прошу, чтобы ему перезвонили позже, потому что он занят, он ведь действительно занят. А вообще, женат, не женат — мне ультрамариново: незначительные подробности из прошлого мужчины меня не интересуют, жена — не шкаф, можно и отодвинуть, хотя возни, конечно, меньше, если мужчина свободен.

С Пал Андреевичем удалось всех этих незначительных недоразумений избежать — мой автомеханик оказался вдовец, да еще с серьезными намерениями. Как это забавно, когда мужику за полтинник, а он все еще глядит петушком. А когда шубу мне купил, вообще чуть не тронулся: хотел соболя наземь швырнуть, чтобы я по нему лужу перешла и ножек не промочила, — вспомнил какое-то кино из своей молодости, такой лапа!

Вошкалась я с ним недолго, помер мой Пал Андреевич. Преподнес сюрприз в марте, вот уж подснежник так подснежник! Перед смертью успел купить еще один полушубочек.

Лето я решила отдохнуть. Занялась лицом, сделала инъекции, ближе к осени оформила наследство, присмотрела недорогой, но вполне приличный памятник, не совсем же я жучка. Пока бегала по делам, на глаза попала шубка из новой коллекции. Ди говорит, лиса плохо носится, быстро облезет, ну и черт с ней, зато цвет — потрясающий! Огненный, рыжий!

Скорее бы нашелся какой-нибудь Борис Сергеевич или Сергей Борисович!

Лиса хороша — зашатаешься!

Крутые повороты

— У вас? — Галина бойко глянула на следующего покупателя, поправила угнездившуюся на взбитых локонах невесомую шапочку и быстро застучала по кассовому аппарату. — Суп харчо — тридцать семь рублей, две котлеты по-киевски — шестьдесят, гарнир — рис, бутылка «Аква Минерале», итого сто пятьдесят рублей.

Мелочь звякнула о пластмассовое блюдечко, на дне которого Рембо с засученными рукавами заливал в трубочку под капотом чудодейственную жидкость: теперь двигатель будет работать до 3000 года, а когда от героя не останется и праха, он все еще будет весело шевелить поршнями.

— Вон за тот столик, — по-хозяйски распорядилась женщина.

Мужчина глянул на указанный столик, за которым еще дожевывала компания из трех, один стул был свободен.

— Садитесь-садитесь, они уже заканчивают, — громко, так, чтобы было слышно и засидевшимся товарищам, проговорила она.

Мужчина послушно пошел в указанном направлении. Не успел он дойти до столика, еще одна работница придорожной забегаловки, не особенно церемонясь с сидящими за столом, чуть не выдернула из-под носа грязную посуду, поставила её на поднос и помелась дальше, наметив следующий засидевшийся столик.

«Пора и честь знать! За вами вон сколько народу выстроилось!» — всем своим видом показывала она.

Галина одобрительно глянула на проворную помощницу, тут же заметила протискивающегося через толчею Степана, брат был навьючен двумя табуретками.

— Сюда, — указала она на столик в углу, возле которого стоял пока только один стул. Не успел Степан скинуть с себя груз, его настигло следующее указание: — И еще один стол в углу ставь!.. Борщ, отбивная, — переключилась на следующего клиента Галина.

— А что-нибудь из детского меню есть? — растягивая слова, проговорила жиденькая блондинка.

Галина поставила на нее глаза. «Ага! И детское, и диетическое, и вегетарианское. А может, еще лягушачьих лапок пожелаете? Так это мы быстро. Пруд рядом, за деревней. Вам как, пожирнее? Или таких, чтоб не объесться? — с пренебрежением оглядела те места, без которых, по ее мнению, не может состояться ни одна женщина. — Городская! И ухватить-то не за что!»

— Тогда компот и пирожок с малиной, — проямлила блондинка.

Галина опять застучала пальчиками, не забыв отследить передвижения Степана. «И что вошкается?.. За это время можно было десять столов поставить!»

Из подсобки долетел звон вдребезги разбившейся тарелки, женщина наострила ушки и приготовилась при первой возможности бежать разбираться.

На кухне вот уже два часа как все кипело, срывая с кастрюль крышки... Не осталось ни одной пустой конфорки, в экстренном порядке были задействованы все полуфабрикаты, суетилась кума Галины Татьяна, дородная женщина, у которой что спереди, что сзади можно было поднос ставить. Рядом крутилась худая, как щепка, Машка, её дочь. Формами Машка точь-в-точь повторяла мать, однако, пока дёвице не хватало материнского размаха — при взгляде на Машу с трудом верилось, что Татьяна вымахала из такой же миниатюры.

Татьяна с дочерью просто спасли Галину, прибежали на первый клич. В придорожном кафе народу было, что при вавилонском столпотворении. Где-то впереди перевернулся грузовик, образовался многокилометровый затор, и народ, уставший дёргаться в пробке, решил сделать привал. Подвернулось кафе. Ничего не предвещало такой удачи, Галина вертелась, стараясь поспеть здесь и там...

Кафе Галина с Витьком открыли четыре года назад. Первый год был ад кромешный, влезли в кредит, заложили все, что есть, не должны остались только собственному Бобику. Не успели немного очухаться, дошел слух, что в километре от их кафе будут строить бензоколонку — очередная бизнес-неожиданность. Кинулись выяснять, что к чему. Сама по себе бензоколонка могла оказаться им даже на руку, но вот если с бензоколонкой будет кафешка — тогда дело дрянь, конкуренции им не выдержать. Однако обошлось, бензоколонку построили в другом месте.

Такая удача, как сегодня, выпадала нечасто. Знай об этом Галина хоть чуточку загодя, они бы, конечно, развернулись. Могли бы натянуть тент, устроить веранду, Степана поставить на шашлыки, наварить ведер пять кукурузы, затарились бы чипсами и райским наслаждением... Не успевали бы заделывать брешь в хвосте чупа-чупсов. Эх, да что там говорить.... Полгода б такой работы — они б и долги все раздали, ярмо с себя скинули, а по финансовому благополучию догнали бы буржуя Бобика: Мистер Твистер владел собственной недвижимостью у курятника.

Галина бросила взгляд на телефон, Витёк что-то долго не звонил...

— А у вас зубочистки есть? — протиснулась к прилавку женщина.

— Нету, — отрезала Галина.

Женщина хотела было еще что-то сказать, но не успела, на руке у нее повис ребенок.

— Ну, ма-а-а, — заныло чад.

— Киндер-сюрприз? — предложила Галина.

Мальчик нерешительно глянул на мать, та клонула птичьим носиком.

Их пропустили вне очереди, детина уже приготовился закатить истерику.

«Нюня, — подумала Галина, отпуская шоколадный сюрприз. — Так и будет потом всю жизнь за мамкину юбку держаться... а чуть что — осикается... лопату такому дашь, так он её в землю если только с прыжка вгонит... руки с непривычки изуродует... волдырищи себе такие натрет».

Галина не любила таких мужиков, жидкие, Танюха такого одним плевком перешибёт. Одно название — городские! Рубахи приталенные, брюки зауженные, майки в цветочек... Тьфу ты! Страматища, а не мужики! Другое дело — ее Витёк! Не плечи, а плечищи, шея, как у быка, руки... — как прижмет, так дух заходится! Вот уж мужик так мужик! А с городским-то, малахольным, все как будто понарошку... Был у нее один такой, ещё до Витька. Покрутили любовь, пооставляли по посадкам пеньюаров, на том дело и кончилось. Путного ничего не вышло. Поначалу каждую неделю из города к ней мотался, она и взаправду подумала — любовь, трепыхалась, как куст сирени... Пробники от каких только духов не привозил... А потом выяснилось, бензин дармовой — вот и ездит, а как крантик перекрыли — иссяк источник любви. Галина сама его и турнула, но такая женщина бесхозной не останется, тогда-то и нарисовался Витёк.

«Ах, черемуха белая, сколько бед ты наделала⁶...»

— Танюш, встань, — бросила Галина проплывающей мимо куме.

Татьяна заплыла за кассу. Галка умелась в подсобку, перехватить Степана, нужно было надавать ему очередных распоряжений. В маленьком окошке подсобки в мареве змеилась вереница машин, кто-то рванул в объезд по посадкам, оставляя за собой клубящиеся облака пыли, но многие побросали машины — и на маленьком пятачке перед кафе уже яблоку негде было упасть. Женщина нагнулась к ящику глянуть, что уже припер Степан. С одного края треугольника торчала бахромушка салата, с другого боку — вывалил язык раздавленный помидор.

Чего только не едят бутербродники. В городе нормальные харчи где взять?

Галина, как пушинки, подхватила две коробки с сэндвичами и потащила в зал, по дороге перехватила Машку, поставила на мороженое.

— Сто пятьдесят рублей, — строго наказала тетка. Машка ахнула, но возражать не стала.

Оббежав свои владения, Галина опять встала на кассу. «Соседка вот-вот притащит закутки...»

Галина прикинула, сколько всего у неё осталось с прошлого года: сорок баллонов с огурцами, пятьдесят пять ассорти с помидорами, Витёк любит! Варенье — двадцать четыре литрушки абрикосового, тринадцать — алычового и еще вишневое...

«Эх, кабы знать, кабы знать! Можно б было и туалет платный поставить, и зеркала на машинах протирать, и мошек из радиатора за умеренную плату выковыривать» — Самые неожиданные бизнес-проекты рождались и лопались в голове женщины.

— Винегрет, харчо, простокваша — восемьдесят пять рублей. — «Воду можно пустить мимо кассы, накрутку побольше сделать!.. Эх, можно было б и дядьку подтянуть, мёдом торговать, благо сейчас не пьют. Эх, кабы знать...» — стучала по кассе хозяйка заведения.

Женщина глянула поверх голов. В одну сторону вереница стояла намертво, встречака стала потихоньку двигаться.

Галка не заметила, как в кафе вошел Алексей, муж Татьяны. Мужчина мельком глянул на дочь, разложившуюся с мороженым, спросил, где мать, и юркнул в подсобку. Найдя жену, Алексей прикрыл за собой дверь, взял из ее рук баллон с компотом, поставил на пол, хотел что-то сказать, но вместо этого похлопал по карману, потом по другому...

Галина присела, не понимая мужа. Потом вдруг охнула:

— С Володькой что?

За те несколько мгновений, пока муж молчал, Татьяне чего только не привиделось — сын недавно купил мотоцикл.

Алексей отмахнулся, как от ладана, с Володькой, тьфу-тьфу-тьфу, все в порядке, а вот... Витёк...

Алексей сообщил жене новость.

Татьяна охнула, схватилась за ворот халата, распахнула глаза.

— А может... обознался? Не он это? — Татьяне всё еще не верилось.

Мужчина нетерпеливо махнул рукой:

— Он... его грузовик... и номер видал...

— А может... — всё никак не унималась надежда.

— Да какой там... и собрать нечего... — Мужчина смолк.

Оба сидели слегка пришибленные.

Первый зашевелился Алексей, убрал из-под ног банку.

Из подсобки супруги вышли гуськом и как-то косо глянули на раздумывавшуюся, довольную куму, та отпустила очередной поднос, отбрила слишком уж осмелевшего посетителя.

Татьяна остановилась в нерешительности, оглянулась на мужа, но Лехи уже и след простыл. «Да что ж, мне самой, что ли...» — Сердце сжалось.

Руки сами собой потянулись к подносам, женщина начала скидывать объедки в приготовленную для Бобика бадью, огрызнулась на подвернувшуюся под руку бестолковую Машку, все бросила и опять ушла в подсобку.

«И без меня есть кому сообщить, — рассудила она. — Успеется. Пусть кума еще хоть трошки...»

Татьяна принялась разбирать помидоры, один баллон чуть не выскользнул, но она его вовремя перехватила:

— Слава богу, Володька цел... — утерлась фартуком женщина.

В стране дрессированных тюленей

Семен снял с крючка пиджак, любезно предоставленный фирмой-работодателем. На груди красовалась серая, в непонятных разводах эмблема, «знак компании» — догадался мужчина, хотя и не стал разбирать, что там наверчено. Не до того. Первый день на работе, нужно осмотреться, познакомиться с коллегами, желательно побыстрее въехать в служебные обязанности, сфера для него новая, в общем, показать себя молодцом, чтобы не вылететь на повороте. Полгода без работы — это вам не фиги воробьям крутить. Жена смотрит косо, теща криво. За последнюю неделю Лидка позволяла себе два раза на него прикрикнуть, а он ничего — проглотил... И это после того, как ему пятнадцать лет чуть ли не ноги в тазу мыли. Пятнадцать лет Семен проработал водителем в солидной немецкой компании, возил одних тузов и иностранцев, чуть что — у него Шереметьево, лишний раз к нему не подступись! А потом, как гром среди ясного неба, — сокращение! Три подачки, как шавке, — и Auf Wiedersehen! С наилучшими пожеланиями, дорогие коллеги!

Семен наглухо застегнул пуговицы, предмет жал в плечах. В комнатку без стука и предупреждения влетел мужчина.

— Здрасьте, здрастьте, — просиял вошедший. — Заступаем?

— Да, — кивнул Семен, рассматривая заглянувшую в конуру фигуру.

— Георгий Анатольевич, можно без «Анатольевич», — проговорил скороговоркой мужчина и протянул маленькую пухленькую ручку.

Семен поспешил поприветствовать вошедшего и представиться. Может, такой же, как он, рядовой сотрудник, а может, гусь посолиднее... С непосредственным руководителем его пока не знакомили.

Вошедший, прищурившись, оглядел предмет, в который с таким трудом влез Семен и, хитро подмигнув, указал на вешалку в углу.

— Прикиньте пока во-о-он тот.

Семен увидел китель, который раньше не заметил, сконфузился, поскорее расстегнул пуговицы. Георгий Анатольевич, сама любезность, помог новобранцу стащить с себя чужую вещь.

— Ваш комплект на неделе прибудет. А пока так, ничего?

— Конечно! — Новичок тут же влез в предложенный пиджачок.

— Семен, а по отчеству?

— Андреевич, — представился Семен. — Но можно и просто Семен.

— Оформились? — Мужчина вопросительно посмотрел на новичка.

— Нет еще, вроде как не все документы готовы...

— Ох уж этот отдел кадров! Ох уж эти девочки! — покачал головой Георгий Анатольевич. — А то бы сегодня сходили в банк, оформили карту.

— Да днем раньше, днем позже... — махнул рукой Семен. Главное, есть работа, а карту получить всегда успеет.

Георгий Анатольевич обшарил его глазами:

— Ну, вы готовы? — Сам он по-военному быстро застегнулся, Семен одернул полы. — Ну, значит, добро пожаловать в наши ряды!

Семен уже догадался, что Георгия Анатольевича к нему вроде как приставили и он должен будет ввести его в курс дела. Георгий Анатольевич вытащил откуда-то из кармана бейджик и окончательно прояснил ситуацию: «Гаюнов Георгий Анатольевич. Ведущий специалист. Служба безопасности», — было написано на прямоугольничке. Семен выходит на должность специалиста, Гаюнов хоть и повыше, но и он скромного полета птица.

— За пару недель освоишься, — пообещал Георгий Анатольевич, без лишних расшаркиваний перейдя на «ты».

Ведущий специалист вышел из конуры охраны и покатился, как мячик, по коридору.

— Дежурство с восьми до восьми, — читал, как по бумаге, Гаюнов. — После 21:00 доступ в офис только по предварительной заявке. Забывчивых, без пропусков — пишешь в журнал. Внешние посетители — сам знаешь, паспортные данные. Когда приезжает генерал, один остается внизу, другой сопровождает вместе с личкой до лифта. Ждешь возле лифта, пока не получишь отбой сверху. — Семен еле поспевал за катящимся впереди коллегой. — Турникеты у нас новые. Три месяца как установили. Без пропуска не войдешь — не выйдешь. Все фиксируется. Лишний раз по нужде не отойдешь. Так что вот они у нас все где!!! — Пухлячок сжал маленький воинственный кулачок и чуть не тыкнул им Семену в нос. — Ну и главное — держи ухо востро. В мире-то в курсе что происходит? — Ведущий специалист притормозил и строго глянул на новобранца. — На границе неспокойно!

Семен кивнул.

Ровно в восемь коллеги были на своем посту, до начала

рабочего дня был еще целый час, но офисное здание уже начало всасывать в себя народ.

Семен сразу отметил, что женщины одеты хорошо, как и на его предыдущем месте работы. Зарплаты, значит, приличные. С Георгием Анатольевичем все вежливо здоровались. Охранник тут же объяснился.

— У нас СБ не то что в других организациях. Только бывших полковников пять, два фээсбэшника. На нас не только внешняя, но и внутренняя... безопасность (с языка, по-видимому, должна была слететь «разведка»). На двух рядовых сотрудников — один наш приходится, — похвастался мужчина. — И это еще не предел!

Ближе к девяти народ повалил интенсивнее. Складывалось впечатление, что ровно в девять шлагбаум должен рубануть и отрезать проход на территорию учреждения. Дальше — если только воздухом или подкоп...

— Новая система! — пояснил Гаюнов. — На минуту задержишься — красный флажок, опоздание тут же фиксируется. Система сама по данным из опоздавших формирует списочек. Чтобы снять красный флажок, придется задержаться после работы. Служебку и объяснительную — как положено... Волокита такая, мамочки родные! А ты не опаздывай! — взхлеб рассказывал Георгий Анатольевич.

Семен понял, что Гаюнов хоть и не является главным идеологом существующей системы, но руками и ногами за нововведение.

— Ничего! Они у нас еще не так застрекочут! — опять сжал колючий кулачок Георгий Анатольевич.

Семен проторчал минут сорок у турникета, потом Гаюнов усадил его за паспорта, посетителей нужно было перенести из журнала в базу данных, тоже целая канитель. Новоиспеченный охранник не успел оглянуться, как нагрянул обед. Гаюнов отправил его в столовку, поделился жетонами. На красный Семен получил первое, на синий — второе и компот. Кормили вполне прилично, хотя, конечно, не так, как на его прежнем месте. С трех до пяти было что-то вроде затишья, после шести народ стал выбегать из всех щелей здания. Турникеты только успевали фиксировать время выхода, разумеется, тех, кто потрудился прийти на работу вовремя.

После семи Гаюнов подробно рассказал про систему видеонаблюдения, после чего коллеги ушли в каморку.

— В 22:00 обход, коридоры, туалеты, офисные зоны сдаются под охрану. Остаётся всего два охранника. Ты да я, да мы с тобой! — добродушно похлопал он по плечу Семена.

В коморке коллега расслабился, освободил шею, расстегнул

пиджак, обмяк. Семен вытащил свой куль с бутербродами, который еще утром накрутила Лидка. К пайку он так и не притронулся, поэтому сейчас было чем угостить напарника. Георгий Анатольевич в долгу не остался, тут же на столе между двумя пирамидками бутербродов вырос термос. Старый, добрый китайский термос с красными мясистыми цветами. Оказывается, не все еще перебиты. Георгий Анатольевич, как фокусник, вытащил из-под стола пару маленьких чашечек.

— По наперсточку? — предложил он новобранцу.

Семен вежливо отказался. Надо быть последним лопухом, чтобы в первый же день на рабочем месте нализаться. Да и не увлекался он этим делом.

— Ну, как знаешь, — не стал уговаривать напарник, опрокинул чашку и от удовольствия аж поежился.

Семен хлебал чай. Георгий Анатольевич тем временем опрокинул еще одну кружечку, раскраснелся, если бы не штаны охранника и не рубаха, можно было бы подумать, что он в сауне, а не на работе, до того ему было хорошо и душевно. Он попробовал еще раз подтянуть Семена в компанию, но тот опять вежливо отказался. Мужчина и на этот раз не сильно расстроился и продолжил пить божественный напиток сам.

В 22:00 уже хорошенького Гаюнова тюкнуло, что нужно идти делать обход, Семен, как человек трезвый, его остановил, не хватало еще, чтобы тот попался на камеры.

Обход у Семена занял почти час. Новичок отнесся к делу со всей основательностью, прошел строго по схеме, хотя и пришлось поначалу поблукать, проверил все двери, запасные выходы, заглянул в туалеты, убедился, что и там тишь да гладь... Когда он возвратился в каморку, Гаюнов, долакавший все, что было в термосе, был в зюю. Прикорнуть, разумеется, было не на чем, спать охране не полагается. Семен нашелся, поставил вместе три стула и уложил на ложе спекшегося товарища. Благо роста мужичок был не великого. После рассчитывал просмотреть Инструкцию, которую ему дали для ознакомления, документ был внушительный, но Гаюнов и не думал отдыхать.

— У тебя какая зэ пэ? — в лоб спросил напарник.

Семен помялся. Информация о зарплате была конфиденциальная, в отделе кадров его предупредили, но, с другой стороны, Гаюнов в стельку, не факт, что он вообще наутро что-нибудь вспомнит.

— Тридцать пять, — сообщил Семен.

— Кхм... — Гаюнов изобразил что-то типа смешка. — Негусто! И что, хватает?

— Да как сказать... Когда полгода живешь на зарплату

жены... — Семен и думать забыл, что на собеседовании озвучил версию о том, что он всего лишь месяц без работы. Да и какая теперь разница, главное — взяли...

Гаюнов, заерзав на стуле, тяжело вздохнул и сокрушенно махнул рукой. — На тридцать девять тоже не сильно разбежишься... Так и живешь, еле концы с концами сводишь... Заработал... Пожрал... Отдал долг татарину...

Семен вытянул лицо, видимо, придя к какому-то умозаключению.

После откровений Георгий Анатольевич засопел и наконец утомился. Семен, дожевывая бутерброд, листал Инструкцию.

Дойдя до пункта 15.3, он оглянулся и не без умиления глянул на свернувшегося калачиком коллегу, согласно документу, он должен был незамедлительно сообщить о нежно похрапывающем младенчике высшему начальству — и так бы и сделал, если бы брезгливость к ябедничанию не впитывалась в нашего человека с молоком матери. Осилил документ Семен, только когда перевалило за полночь. Бессонная ночь далась с трудом, спать хотелось как из пушки, а тут еще нужно следить за мониторами. В глазах с непривычки уже после двух часов непрерывного таращения в мониторы рябило.

Утро для Семена было не радужным. В шесть он начал расталкивать напарника, балагур, тунеедец и пьяница не сразу очухался, потребовалось некоторое время, чтобы привести его в чувство. В восемь нуль-нуль их наконец сменили, Семен пополз домой. Желание было одно — поскорее доползти и отрубиться.

Дома он сразу же отправился в люлю. Лидка все постелила — к рабочему человеку и отношение особое, не как к безработному. Семен провалился в тяжелый сон. Проснулся часов через пять, состояние было такое, как будто пил он, а не Гаюнов. Башка жутко трещала, в ушах шумело. Не успел продрать глаза, Лидка два раза прошмыгнула за дверь. Семен не подавал признаков жизни, хотелось просто лежать, не двигаться, каждое движение отдавалось в затылке. Потихонечку Семен стал приходить в себя, припоминать минувшие сутки. Первое дежурство прошло гладко, никаких эксцессов, за исключением напившегося Гаюнова, слава богу, не было. На ум пришли вчерашние слова шалуна-напарника: «Заработал... Пожрал... Отдал долг татарину...»

Семен задумался. Неужели они и правда так и живут? Неужели все так тухло? Последнее время действительно приходилось туго: хватало только на пожрать да на бензин... Прямо как говорил Гаюнов. Но на прежнем месте зарплата была

более-менее приличная, во всяком случае выше, чем у некоторых... Хотя, конечно, и тогда не шиковали... На что-то крупное приходилось экономить, выгадывать.

Когда Лидка в очередной раз заглянула в щелочку, Семен не успел прикрыть глаза.

Жена маленькими шажочками вошла в комнату и приземлилась на край кровати.

— Ну, как коллектив? Начальство? — посыпались вопросы.

Семен бросал пару слов, все остальное Лидка додумывала сама. Заметив плачевное состояние супруга, Лидка сунула ему какую-то таблетку и погнала обедать. Первая зарплата в ближайшие две недели не предвиделась, но обед рабочего человека заметно отличался от обеда безработного. Позвонила теща, Лида дала подробный отчет матери, так, как будто бы Семена рядом и не было. Мужчина давно к этому привык.

Покормив мужа, Лидка умелась на работу. Недавно она устроилась нянечкой в элитный детсад-пансион. Раньше детей на пятидневку сдавали не от хорошей жизни, а теперь наоборот — с жиру. Сад с английским, с бассейном, не хватало только живого крокодила. Сегодня Лидка выходила в ночь, стерегла сон деток богатеньких родителей. После обеда Семена развезло, и он опять прикорнул. Проснулся уже в десятом часу, туда-сюда, и по-хорошему нужно было, как все нормальные люди, ложиться спать, но Семен был ни в одном глазу. День с ночью перепутал. Лидка к такому дурному графику давно привыкла, к тому же в саду с детьми всегда можно вздремнуть...

Мужчина включил телевизор, новости подходили к концу. На десерт, после того, как пощекотали нервишки, пустили забавный репортаж о чуде, который каждый день приезжал на электричке в город и развлекал собирающиеся на светофоре машины цирковым искусством. Жонглировал.

Семен прилип к экрану. Рука сама собой потянулась к стоящей на столе вазе, три яблока одно за другим взмыли в воздух. Мужчина осторожно встал с дивана, подхватил из вазы четвертое яблоко... Пятое задело люстру. Яблоки одно за другим ссыпались на ковер... Семен опустился опять на диван, не спеша собирать яблоки.

Было время, когда и он ходил в цирковую студию, потом даже поступил в училище, но бросил... Страна разваливалась... Народные артисты спивались, оставаясь не у дел, не то что артисты цирка... Родители настояли, да он и сам не видел особой перспективы в жонглировании булавами или тарелками, все было очень туманно, хотя у него получалось и нравилось... Возможно, нужно было меньше кого-либо слушать... Как некоторые, прут

напролом, и в гробу они видали эти обстоятельства... Но... Семен пошел в автослесари. Все стало кристально ясно. Машины всегда ломались, ломаются и будут ломаться. Хороший автослесарь без куска хлеба не останется. Потом подвернулась немецкая компания, гайки крутить бросил, сел за баранку. Цирк, как шалость детства, остался в далеком прошлом, и только сейчас, после репортажа, Семена будто тюкнуло — а ведь могло же что-нибудь выгореть... Лидка не просто так ему подвернулась... Педработник, всю жизнь в детсаде проработала. Можно было бы даже ИЧП замутить, гастролировать по детсадам. В году праздников тьма, плюс дни рождения, тут тебе и пираты, и клоуны, да кто хочешь... Программы бы с Лидкой сами написали.

Семен стал туда-сюда ходить по комнате, отфутболивая яблоки... А там, глядишь, и поперло бы. Можно было бы даже обучающий центр для дошколят открыть, какой-нибудь «Ученый слон». У них в районе сейчас «слонов» этих больше, чем в джунглях. Каждый родитель друг перед дружкой выпендривается, не знает, в какой кружок свое чадо отдать. Лидка и на инструментах играет. Семен отфутболил последнее яблоко. И не надо разрешения спрашивать, когда приспичит. (Мужчина вспомнил про систему учета времени, которой так гордился его новый коллега.) Ушло бы, конечно, какое-то время на раскрутку, но зато потом работаешь на себя! Сам себе хозяин!

Семен плюхнулся за комп, залез на сайты, промышляющие детскими праздниками. Не было ничего такого, чего бы они вместе с Лидкой не могли вместе сбацать! Кто-то умеет шевелить ушами, а он что, не умеет, что ли?!

Семен и не заметил, как время перевалило за полночь. Спать он улегся во взбудораженном состоянии. Утром ни с того ни с сего позвонил Гаюнов и попросил по возможности зайти на работу сегодня, хотя по графику в смену он должен был выйти только на следующее утро. На работу мужчина шел с легким сердцем. Из фирмы можно пока не уходить. За три месяца что-нибудь да прояснится. Да и с Лидкой надо переговорить... А испытательный срок — он на то и испытательный, что в любой момент можно раскланяться.

На охране его встретил Гаюнов, огурчиком стоящий на входе, и направил в кадры. В отделе кадров его уже ждала Жанна Романовна, женщина бодрая, веселая, готовая не только ревностно исполнять свои обязанности, но и в уборную бегать по свистку, — замечательный пример корпоративного служащего.

— Присядьте, пожалуйста. — Женщина полезла в ящик. — Тюленев?

— Он самый, — кивнул Семен.

— Семен Андреевич, к сожалению, было принято решение отказать вам в трудоустройстве.

Слова прозвучали все равно что обухом по голове. Это он передумал идти в их контору!..

— Почему? — не зная, что спросить, проговорил мужчина.

— Не могу сказать ничего определенного. — Женщина улыбнулась, ему показалось, что ехидно. У только что встреченного Гаюнова был точно такой же корпоративный улыбочник. Женщина протянула ему конверт: — Это зарплата за отработанные сутки. Всего доброго, — проговорила она.

Забрав конверт, мужчина вышел из кабинета. В мозгу зудел и не давал покоя вопрос: почему его не взяли? Возраст, вредные привычки, справка откуда следует — по всем пунктам порядок. С анкетой тоже все нормально. Или дело в том, что он без работы уже полгода и в этом пункте наврал... Но это же ерунда, пустяк. ЧП за время дежурства вроде никаких не было...

На фоне всего произошедшего даже радужная перспектива оставить Гаюнова с его элитным подразделением и начать с нуля свое собственное дело, казавшаяся такой привлекательной еще вчера, вдруг поблекла.

Когда мужчина выходил из здания, его перехватил Гаюнов.

— Семен Андреевич... — Георгий Анатольевич придержал его за локоток. — Могу я попросить вас на секундочку?

Семен, опять ничего не понимая, пошел за тянущим его куда-то Гаюновым.

Когда они проходили через турникет, дежурившие ребята вытянулись перед ведущим специалистом, он, не обращая на них внимания, потянул Семена за собой, привел в маленький уютный кабинетик.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласил Гаюнов, снова обратившись к нему на «вы». — Значит, завтра ждем вас на работе.

Семен захлопал глазами, потом вытащил из кармана конверт и зачем-то протянул его Гаюнову.

— Но как же... — проговорил он.

Гаюнов нахмурился и забрал конверт:

— Ох уж эти девочки! Ох уж этот отдел кадров! Вы приняты, — успокоил он Семена. — Надеюсь, не передумали у нас работать?

— Не-т, — опешив, проговорил Семен. — Но... — Семен хотел еще что-то добавить, но собеседник его перебил.

— Позвольте задать вам один вопрос? — Гаюнов в упор глянул на Семена. — Вы читали Инструкцию?

— Да-а, — кивнул Семен, все еще не понимая, куда клонит Георгий Анатольевич.

— Ну и?

Семен пожал плечами.

— Пункт 15.3, — позволил себе напомнить Георгий Анатольевич. Для большей убедительности мужчина вытащил из ящика стола документ и показал этот самый пункт Семену. «В случае чрезвычайного происшествия незамедлительно сообщить, позвонив по телефону...»

Георгий Анатольевич тыкнул пальцем в номер телефона.

— Наберите-ка, — попросил он Семена.

Семен хмыкнул, но все-таки вытащил телефон из внутреннего кармана пиджака и набрал указанный номер.

Что-то тут же забзынькало где-то рядом.

Георгий Анатольевич спохватился, вытащил свой телефон:

— Але-але! — весело проговорил он в трубку.

Семен медленно опустил телефон. «Вот кому нужно было работать в цирке!»

Гаюнов сиял, как новый рубль, судя по всему, подобный трюк с «напившимся» напарником он проделывал не единожды.

— Кстати, разрешите еще раз представиться. Гаюнов Гэ. А. Начальник Службы безопасности.

Семен, сам не зная зачем, привстал и снова опустился.

Георгий Анатольевич, как фокусник, вытащил из ящика комплект документов о приеме на работу и разложил их на столе.

— В дальнейшем не делайте, пожалуйста, подобных промахов, — по-отечески предупредил Георгий Анатольевич. — Прощу! Ваша подпись! — Гаюнов тыкал толстым пальчиком в те места, где должен был поставить свою подпись Семен.

Пока Семен послушно расписывался в документах, Гаюнов щебетал о том, что ему теперь положено десять синих и десять красных жетонов, что они бесплатные и выдаются каждый месяц. Карьерный рост у них предусмотрен, и даже намекнул, что разлет между специалистом и ведущим специалистом не четыре и даже не пять тысяч, а все гораздо приятнее. Главное, не терять бдительность! И еще... Нужно проявить себя! Заслужить!

— И тогда по праздникам можно будет даже рыбку кушать! — не смог удержаться от шутки Гаюнов.

Выйдя из офиса, Семен почувствовал себя как-то нехорошо. Как будто что-то забрезжило, поманило, но, не успел он очухаться, тут же исчезло. С другой стороны, снова все стало определено и ясно. Ясно, что никакого разговора с Лидой

не будет и что он завтра послушно потопает на работу.

Всю ночь Семену снился цирк и дрессированные тюлени.

Митя расположился на диване, Натаха крутилась на кухне, строгала последние салаты, до прихода гостей оставалось часа два, но жена спешила, нужно успеть влезть в праздничное платье, придут Светка с Борей, Светка будет наряжена в пух и прах, хотя Наташа за ней особенно и не гналась, похоже, подозревая, что все равно не угнаться. На диване художественной россыпью валялись двадцать пять подушек, вышивая их, Таха чуть не окосела, но всё равно не унималась, на подходе лежали следующие три пейзажа. Затолкав под локоть вышитого крестиком павлина, Митя вытянул ноги на заботливо подставленную женой пуфочку. В отличие от Светки, Таха была женщиной домовитой, в этом были и плюсы, и минусы, но Митя, особенно в последнее время, плюсов не видел.

Сосредоточением Тахиной жизни был дом. Митя иногда думал, что он всего лишь такое же приложение к дому, как картина или кот Чижик, которого Таха любила до страсти, как котов вообще любить неприлично, потому как это какой-то сдвиг, а не любовь. Митя давно подозревал, что и сам он является таким же атрибутом домашнего уюта и очага, как и мурлыкающий Чижик, и, что хуже всего, любит его Таха точно такой же любовью. Заболей, случись с ним какая неприятность, Таха будет дежурить у кровати, пичкать пилюлями, ставить градусник, банки, горчичники и не только, задушит заботой, но разве так должна любить женщина?!

Совсем другое дело — Светка. Наливая в стакан пива, Митя чуть не закатил глаза. Есть такой сорт женщин, о которых только подумаешь — и сразу все вокруг затуманивается, сидишь, как пень, лыбишься, на что-то таращишься, но тебя на этом месте уже нет, потому как ты где-то далеко... со Светкой.

Митя обмяк, глотнул пива, чтобы хоть как-то оправдать посетившее его блаженство — в любой момент может заглянуть Таха... или пошлет Чижику, кот со всеми потрохами давно проданся жене. По отношению животного к человеку можно многое сказать о человеке, Мите всегда было любопытно отношение Чижику к двум женщинам. Ташу кот хоть и любил, но относился к ней снисходительно, считая явно ниже себя. Светку же он любил и ненавидел, это и понятно — Светка недостижимая. Чижик это понимал, от этого и бесился.

В стакане вскипела хмельная пучина, на месте Светки выросла Таха, обдала любовью — так, как она её понимала, — прихватила болтавшегося где-то поблизости Чижику и скрылась

на кухне. Чирик повис на руке, как последний болван, сделав вид, что уже прибалдел от ожидающей его подачи. Провожая кота игривым взглядом, Митя подмигнул — с Тахой можно и расслабиться, не то что со Светкой — там нужно быть с шашкой и на коне.

С кухни донеслось урчание и позвякивание миской.

— Ах, как мы любим креветочки, — рассыпалась перед котом Таша. — А печеночку? А? Митя денежку достал... Наташа приготовила... Дала зайчику печеночку... А зайчик пришел! И съел! А-а-ам!!!

Митя чуть не поперхнулся. Пиво — напиток божественный — пеной упал на рубаху...

Откуда ни возьмись, волной вздыбилось раздражение: почему Светка досталась увальню Боре, а ему приходится жить с никакущей Натахой?! «Она ведь даже не видит, что происходит прямо под самым носом! А может, взять и открыться? Нет! Светка запретила. — Митя снова обмяк. — Светка — баба непредсказуемая, чуть что — может и бортануть, и куда он потом без нее?...» Митя, как связался со Светкой, и боялся, и любил, и пропал.

Мужчина смахнул остатки пены с праздничной рубахи, жена нарядила зайчика, как на утренник.

— Помоги, Митюль, — послышался голос Тахи.

— А? Ага, — отозвался Митя, не сдвинувшись с места. На кухне ожидала консервная банка.

За десять лет совместной жизни Таха тысячу и три раза попросила открыть консервы, отбить мясо, почистить рыбу и ни разу не попросила застегнуть сзади молнию на платье, да и не было у нее таких платьев, чтоб сзади на молнии. А он бы две тысячи банок отдал за один вжик молнии, но Таха все подносила и подносила кальмары, горбушу и сайру... Консервы давно научились делать так, что их одной левой могла открыть любая, самая безрукая домохозяйка, но дура Таха в беспомощности перед шпротами все еще видела свою женственность. Из кухни долетело «...что я больна не вами», каждый раз на Новый год строгая салаты, Таха, наверное, раз двадцать просмотрела «Иронию судьбы», но ничего до неё так и не дошло... Зря, выходит, Брыльска поджимала губку, зря вскрикивала, когда Мягков застегивал ей сапог... А какими глазами он потом на нее смотрел... Даже Чирик так не может...

— Папа денежку принес... — Таха с Чириком притащились из кухни благодарить кормильца.

— Да провались ты, только печенку и дальше таскай... — моргнул одним глазом кот.

Таша чмокнула мужа в затылок, Митя поморщился. Что-то в этом поцелуе было обидное, даже гадкое. Таха даже не соображала, что мужика нельзя целовать за печеньку — настоящему мужику нужно что-нибудь свершить, и только потом он сам должен поцеловать — и не лезть к нему со всеми этими слюнями. Светка никогда не целовала его просто так. «Митя, Митюха, Тюха-Матюха...» — Митю перекосило. То, как тебя называет женщина, очень показательно. Светка называет его Димитрий! В этой насильственно вставленной «и-и-и» вроде как и проскакивает издевка, но, с другой стороны, само имя как бы удлиняет расстояние между мужчиной и женщиной... Тут же шевелится холка, вздымается загрибок...

Митя заметил стоящую перед собой на журнальном столике консервную банку и со всей дури всадил нож ей в брюхо.

— Тише-тише-тише, — зашуршала тряпочка, вытирая масляные капельки, Чирик дрыснул обратно на кухню, Таша отправила Митю вслед за Чижиком, мыть руки. Раздался звонок в дверь.

Таша ойкнула и понеслась в спальню, обгоняя мужа и перескакивая через вертящегося под ногами Чижика. Даже кот почувал, что идет Светка, и тоже был несколько не в себе.

— Впускай гостей, — крикнула Таша.

Митя в мгновение оказался на пороге, рванул дверь, в дверях стояла Светка, в чем-то шуршащем, мягком, её хотелось лизнуть, и Митя, наверно, так бы и сделал, если бы из-за Светки не показался, как бы извиняясь, Боря и не протянул, здороваясь, руку.

Нарисовалась Таха, Митя часто заморгал, поставив глаза на жену: «Лучше бы не наряжалась, так можно было бы все списать хотя бы на неподготовленность... Некоторые женщины прибегают к этой уловке. Дескать, не ожидала, не готовилась, отсюда и неустроенность в причёске, и неразбериха в наряде. А тут даже и свалить не на что... Вроде и ожидала, и готовилась, и знала, что гости придут...»

— Упс! — произнес Митя вслух, но никто, кроме него, не догадался, к чему, собственно, относилось это замечание.

— Мить, ну что ты стоишь, помоги Светке раздеться! Боря... — Таша с удовольствием чмокнула мужа подруги в щеку.

«Бабы — дуры, — думал Митя, стягивая пальто с гостя. — Только Таша может такое сказать, да он только об этом и мечтает!»

Пока Таша припечатывалась малиновой помадой к Боре,

Митя незаметно лизнул Светку, Светка сверкнула глазами, носик её заострился, Митя до белых костяшек на пальцах смял рукав ее пальто.

— Светка-а-а, хороша-а-а, — без всяких задних мыслей протянула Таша. — А сережки? Они, да? — Наташа жалобно глянула на каплями висящие в ушах подружки прозрачные, чистые, как слеза, камни. — Боря почему-то покраснел.

— Они, — торжественно глянула на мужа Светка.

Но больший эффект сережки произвели на Митю: «При чем тут Боря?! Или Светка соврала Таше, что серьги ей подарил муж?.. Вот... — Митя готов был вырвать из ушей проклятые серьги и растоптать их тапками за один только Светкин гадкий, мерзкий, ядовитый язык. — Боря купил! Это же она специально, чтоб его подразнить! Вот стерва!» — Митя вдруг с восхищением глянул на неё.

Светка, отслеживая обстановку, стратегически добавила:

— Десять лет недоедали, недосыпали, в чем только можно, себе отказывали!

Таша с облегчением выдохнула: «Ну, уж они-то за эти десять лет и крышу на даче поменяли, и баньку поставили, и гаража фундамент вывели, а это похлеще каких-то там брюликов!» — Таша гордилась тем, что хоть в чем-то, но обошла вертихвостку-подругу!

Боря зашуршал пакетом, из пакета в руки Мити переключевали две бутылки приличного алкоголя, коробка конфет и еще какие-то банки по женской части. Митя, вздыбив брови, глянул на Светку.

— Мама передала, — прокомментировала Светка. — Баклажаны, патиссоны, крюшоны, черт ногу сломит... Сами разберетесь.

— Ну что, морда?! — Светка переключилась на уже два раза прошедшего мимо и пытающегося обратить на себя внимание кота. — Жрёшь, пьешь и спишь? Сдохнешь — даже шапку с тебя не сошьешь, а слез бу-у-у-де-ет! Дармоедище! — Светка дала не больной, но в общем обидный щелбан Чижику, но тот, как ни странно, не обиделся, а потерялся о ее ногу.

«Чего только не стерпишь от красивой женщины!» — Митя оттащил Чижику и поцеловал кота вместо Светкиной ноги.

Чижик, сообразив, что поцелуй предназначался не ему, коником ускакал от Мити. Первая спохватилась Наташа, потащила всех в комнату. Поохали, полетели комплементы хозяйке. Таха, в своем репертуаре, тут же поделилась лаврами с мужем, не забыла и Чижику. Кот чуть не провалился от стыда: «Намекать на то, что и он был замешан в бабско-кухонных делах?!

Боже мой, в присутствии Светки делать это не нужно!»

За столом расселись пара напротив пары, больше всего не повезло Боре, ему весь вечер пришлось лицезреть Наташу. Светка села напротив Мити. Стол был сплошь заставлен, салаты удивляли полетом Ташиной мысли, неожиданностью решений. Митя даже подумал, что неплохо бы, чтобы Таша так уж не тратила себя на салаты, оставила бы чуточку фантазии и на другое. Но глянул на жену и передумал: «Пусть уж так, как есть. Светку ей все равно не переплюнуть».

Светка один за другим пускала Таше комплементы, занимаясь нужными ей делами. Таша, воодушевившись, рассказывала всем, как готовила салат, как ковыряла авокадо, шпиговала что-то черносливом, как просила Митю все строгать и как Митя ей помогал как муж и хозяин. Чижик аж прижал уши — надеясь, что хоть на этот раз минует его чаша сия и Таша не станет ему приписывать вырезанные из свеклы розочки...

От Ташиных кулинарных излияний теперь уже передернуло Митю, еще бы чуть-чуть — и он бы точно отреагировал, но чья-то нога поползла вверх по его брючине. Наташа продолжала экскурс по салатам, Боря, добрая душа, поправил очки, продолжал внимательно слушать сказку о том, как встретились горошек с майонезом.

— Потом я посыпаю все приправкой... оливковое масло и... еще маслины...

На маслинах Митя раскрыл рот, глаза его уже не отпускали Светку, но ступня скользнула вниз и оставила Митю ни с чем. Мужчина проглотил слюну, хотел было встать, но, зацепившись чем-то за стол, вовремя остановился, засуетился с рюмками. — Что будут дамы?

Чижик одобрительно глянул на Митю: «Ну, наконец-то, додумался заткнуть эту говорильню!»

Боря потянулся к шампанскому, пена залила парящие над столом бокалы.

— Тост, женщины ждут! — Света глянула призывно на Ташу, как бы приглашая её поддержать.

Таша неожиданно стушевалась, Митя моментально сообразил почему: «Какая же она женщина? Она просто человек! Друг котам!! Наташа может хоть полночи разбирать холодец, но женщиной она от этого не станет. Женщина — это что-то другое... неуловимое... что-то легкое из ситца...»

Митя куда-то плыл, слава богу, что вмешался Боря:

— За весну! За прекрасных дам! За украшение нашей жизни! — неожиданно выпалил Боря, за окном кружились снежинки.

Фраза произвела оглушительный эффект, все засмеялись. Митя запрокинул свой бокал и одним глазом наблюдал, как Светка опрокинула хрустальную рюмку. От шампанского Светка заискрилась и стала еще прекрасней! Таша пошла пятнами. У нее давно была аллергия на шипучку, но эта дура решила выпить, заодно со всеми. Чувствуя что-то неладное, Таха унеслась на кухню. Боря вскочил и пошел за ней, Боря был доктор.

Митя потянулся к Светке, стал что-то говорить, Светка схватила кота и быстро проговорила:

— Чижик, душечка, угомони своего хозяина! — Чижик повис в ее руках тряпкой, готовый выполнить любой каприз. — Фу, какой! Фу, напился! — шепнула она на ухо коту.

Митя обиделся, он был не пьян, если только самую малость, прекрасно соображал, и он был на взводе. Светка моргнула, как кошка, купаясь в этом его взгляде. Митя уже раскрыл рот, чтобы опять что-то сказать, Светка метнула взгляд, нашла пульт и включила телевизор. Вовремя! С кухни притопали Таша с Борей, диктор заглушил произнесенные Митей слова.

Боря убеждал Ташу больше ни в коем случае не пить шампанское, и теперь они гадали, на что бы ей такое переключиться: на винцо или сразу на беленькую?

Светка уставилась в телевизор, бойкая дама в строгой блузе вещала о том, что в городе неизвестные ограбили банк. Светка внимательно слушала. Толком дама, как всегда, ничего не сообщила, кроме того, что ограбление совершили двое в черных масках около двенадцати часов ночи.

— Черной, черной ночью... в черных, черных масках... двое черных, черных... негров... — проговорила басом Светка.

Весь стол прыснул. Больше всех смеялась Таша, Светка умела насмешить.

— А я знаю, кто были эти двое, — не обращая внимание на смех, проговорила Светка, в упор глядя на Митю, у Мити холодок пробежал по коже, он застыл, но Светку было не унять. — Эти двое были... Димитрий и... Чижик...

Над столом опять пронесся хохот, Наташа снова покрылась пятнами, Борины плечи запрыгали.

— Ой, нет! нет! нет! — вскрикнула Светка. — Боря и Чижик!

Боря чуть не подавился, жалобно глядя на жену: «Ну нельзя же так смешить!»

— А ведь главный злодей — Чижик! — нашлась самая догадливая Таша.

— Чи-жик! Чи-жик! — начала скандировать Светка.

Митя на радостях потянулся к коту. Чижик, выгнувшись дугой, три раза подпрыгнул и дрыснул под диван — насилу

укрылся от пьяной толпы!

— Ну, ладно, — продолжала разглагольствовать Светка. — Но Чижик просто не мог в одиночку совершить такое преступление, ему необходим был напарник! Нужно же было кому-то и деньги тащить. — Светка глянула на Ташу. — Таш, ну вот ты что бы сделала, если б узнала, что ограбление совершил твой муж?!

— Я бы... — Наташа заблмыкала глазами.

На помощь ей пришел Боря:

— Таша бы носила ему передачи и его не бросила бы, и вообще, если что — в Сибирь! — выпалил Борис, видимо, мечтающий о таком же порыве в его сторону, но со стороны уже своей жены.

— А ты? — подхватила нить Таша.

— Ну-у-у, е-е-если бы Чи-и-ижик оказа-а-ался в тюрьме, — растягивая слова, продолжила Светка. — Я бы ходила к нему на свидание... каждый день... подкупила бы охрану... и... — Всё это было сказано так вязко-интригующе, что у обоих мужчин нарисовались почти одинаковые картинки.

О природе свидания не догадалась только Таша, пришедшая на свидание просто с пирожками. Пока Таша разворачивала платочек, Боря и Митя жалели, что в тюрьму попал подлец Чижик, а не они.

— Нет, Митя на такое бы ни за что не пошел, — серьезно проговорила Наташа.

— Уверена? — спросила Светка под общий взрыв смеха, не смеялся почему-то один Митя.

— Нет, нет, ни за что! Я своего мужа знаю, — самоуверенно проговорила хозяйка.

— Боря, а ты бы пошел? — Светка хлебнула еще шампанского.

Сидящий рядом Боря вдруг замотал головой, поскорее отказываясь от такой перспективы.

— Не-е-ет? — разочарованно проговорила его жена.

— Пошел бы! Пошел!!! — тут же согласился Борис. Все опять рассмеялись.

— Кстати, сколько они стыбзили денег?

— Девять миллионов, — серьезно проговорил Митя.

— Да? — удивленно проговорила Светка. — В новостях этого, кажется, не говорили.

Митя обомлел.

— Да это по-другому каналу говорили, — засмеялась Таша.

— Таша, кстати, а куда бы вы дели свою долю? — не унималась Светка.

Та самая Таша, которая ни за что бы не поверила, что ее муж на такое способен, довольно быстренько расправилась с девятью миллионами: на даче, как грибы, выросли еще одна баня и хозблок, у дома над вторым надстроился третий этаж, под дом был совершен подкоп, и внизу заплескался бассейн. На случай войны с немцами был прикуплен соседний участок, уже, оказывается, столько лет соблазнявший Ташу и даже Митю, у Мити появился новый автомобиль, и даже Чижику стали чаще покупать «Кошачьи грезы». Сама доброта Таша вспомнила всех, но, как всегда, забыла про себя.

Светка, кажется, это заметила.

— Тпру, — притормозила она расшвырявшуюся несуществующими деньгами Ташу. Там же был еще напарник, то есть ваши всего-то четыре с половиной ляма, они ж не резиновые...

Таша виновато выбросила из списка Митин новый автомобиль, приговорив его и дальше передвигаться на плюгавеньком «пыжике».

— Ну, а мы бы, — глядя на Бору разоткровенничалась Светка, — бросили работу. На что они нам, эти грòши? Махнули бы в Австралию. На год или два. На сколько бы хватило. Купили бы мне сумочку из крокодила, правда, Боря?

Счастливый Боря заморгал глазами.

Наташа, с шумом и даже не думая скрывать свое несогласие, выдохнула: «Пустить по ветру такие деньжищи!»

— Неужели бы ничего не купила? — ввинтила Таша.

— Ну, почему? Купила... Брильянты.

— Нет, я бы так не смогла, — проговорила Таша.

— Это точно! — согласилась Светка.

Таша захлопала глазами, не зная, как относиться к сказанному.

— Нет, и все-таки как они это провернули? Ведь это же какую смелость надо иметь... — наконец заполнила паузу Таша. — Ведь могли же и убить!

— А как же! — Светка зацепила взглядом чуть показавшегося из-под шкафа кота и направила в него указательный палец. — Пиф-паф, Чижик!

Бедный Чижик еле успел увернуться от бандитской пули.

— Нет, а все-таки интересно, как они все это провернули? — не унималась Таша. — Подогнали, наверное, самосвал, чтобы банкомат вырвать?

— Да нет, никакого самосвала не было. — Светка выдвинула идею по поводу того, как все произошло, Боря и Таша внимательно слушали, даже не предполагая, что именно так

на самом деле всё и было. Митя смотрел на Светкины шевелящиеся губы и больше думать ни о чем не мог.

— Ну ладно, теперь у них все позади! — вклинился Борис. — Эти двое сейчас где-то отсиживаются и, наверно, пьют шампанское.

Митя вдруг посмотрел на Бориса, и ему показалось, что он обо всем знает... Такой у него был взгляд — всё знающий, всё понимающий...

— А может быть, даже и не пьют, потому что закончилось! — прощebetала Светка.

— Я схожу... — Митя встал и направился к двери. Требовалось отдохнуть, проветриться.

Таша хотела было увязаться за ним, но в духовке был гусь и на Светку оставлять его было никак нельзя.

— Я... — хотел было предложить свои услуги Борис.

— Сиди, — скомандовала Светка. — Не хватало еще простудиться.

— Я пойду, а то купишь какую-нибудь кислятину, будет в нос бить, — встала из-за стола Светка.

Таша и Боря тоскливо проводили ушедших.

На улицу вышли молча.

— Как ты думаешь... они знают? — спросил Митя.

— Это не важно, — ответила серьезно Светка.

— Свет, ты должна от него уйти, это же, в конце концов, глюпо...

Светка отмахнулась: «Не заводи старую пластинку».

— Зачем ты начала разговор про банк? Они же могли догадаться.

— А ты видел, какие глаза были у твоей?! Как она приготовилась тебе передачи носить!? — вдруг захохотала Светка. — Не того ты боишься, — в момент посерьезнела она. — Да-а-а, Таха твоя, если даже и догадается, ни в жизнь тебя не продаст. Скорее, второй крышей дом покроет и деньги под яблоней зароет. Да и Боря — кремень...

— И все-таки... — опять принялся за свое Митя. — Так и будем жаться по квартирам? Прятаться?

— Так и будем... — завернула нос в пальто Светка.

Дальше шли не спеша. От хохотушки не осталось и следа. Светка о чем-то раздумывала, Митя это чувствовал. Это вообще счастье, если ты можешь чувствовать такую женщину.

— Митя, я должна тебе кое-что сказать, — наконец проговорила Светка. — Боря очень болен... нужна операция...

Митя, как ошалелый, хлопал глазами: «Вот это новость...»

На морозе хмель выветрился. Митя потихоньку стал

соображать: из-за этого Светка, скорее всего, и не может уйти от мужа.

— Операция? — Митя наконец отвлекся от своих шкурных интересов и подумал о Боре. — Это же, наверное, деньги нужны... Сколько?

— Много, — проговорила Светка.

— Тогда забирай все, — не задумываясь, предложил Митя.

— Нет, это было бы нечестно, ты и так подарил бриллианты... Таша, наверно, глаза бы мне выцарапала, если бы узнала, что такая сумма от ее сараев была отодрана... — В глазах ее опять запрыгали чертики.

— Что ты ему сказала про серьги?

— Родители подарили.

— И он поверил?

— Наверное... Вообще все переворачивается в голове, когда узнаешь такое... Да ему вообще не до того сейчас...

— Да... — выпустив пар, проговорил Митя.

— Нет, ты все-таки бери деньги, — настаивал Митя.

— Спасибо, Мить, — кивнула Светка, деньги были действительно нужны позарез, операция в Израиле, потом реабилитация...

Митя непонятно от чего, но был счастлив. Есть такие люди, пройдя по краешку жизни которых становишься уже счастлив. Светка была именно такая. Всю, покрытую салатами жизнь с Наташей можно было отдать за один день жизни с такой, как Светка!

— Ну, ничего, мы еще повоюем, — обнял ее за плечи Митя. — А если понадобится, сопрем еще один банкомат!

— Лучше два!!! — отозвалась Светка.

Все в суп!

Куры в большинстве своём уважаемые люди, Савелию это было известно, как никому. Мужчина глянул на собравшихся, куры же, напротив, такое впечатление, что на него не то что не глянули, а вроде как нарочно проигнорировали, будто и не человек перед ними, а так... даже и слова такого на курином нету...

Из всех присутствующих встрепенулась одна только рыжая молодка из крайнего гнезда, но скорее по глупости или просто обозналась — Савелий зерна не носил, кукурузы не молотил, свежей воды в поилку не доливал.

— Ну что, сидите, лахудры? — Вытащив из кармана грязных брюк «Казбек», Савелий тяжело опустился на лежащее тут же бревно, зажал желтыми прокуренными зубами папиросу, затянулся.

Куры продолжали заниматься каждая своим делом. Только на первый, не слишком внимательный взгляд могло показаться, что здесь все прохлаждаются, дел в курятнике предостаточно. Из гнезд торчало несколько несущек, вернее их слегка пошатывающихся голов, куры находились в полудреме и всем своим видом как бы говорили: «Иди, мил человек, куда шел! Не до тебя, все заняты делом!» Вид у кур был почти блаженный. Несущек, особенно плодовых, до поры до времени не трогали; некоторые и вовсе умудрялись прожить долгую куриную жизнь. Сейчас у Савелия на дворе на полном пансионе проживало две таких пенсионерки-второгодницы: Мадам Грицацуева — толстая, холёная курица — и одноглазая Люська.

Докурив, мужчина потянулся к гнездам, залез под теплое оперенье, пошарив рукой, что-то нащупал. Курица чуть было не всполошилась, задним числом сообразив, что кто-то залез под юбку, но лишь для отвода глаз, только бы остальные и дальше продолжали считать ее порядочной женщиной. Савелий, привыкший к бабьему склочному нраву, на всякий случай вытянул губы, лицо озарила улыбка.

— Ш-ш-ш... Ну что те, жалко, что ли? — пролепетал он.

Пока курица моргала, Савелий вытащил яйцо, постучал по нему черным ногтем, отковырнул скорлупку, желток бултыхнулся на тоскующее дно желудка. В курятник стремглав влетел хозяин, нутром почуяв, что кто-то проглотил одного из его отпрысков, — сверху вниз глянул на Савелия, зыркнул на гарем, потом снова на Савелия и тут же скрылся за деревянной дверью, но, будто не доверяя присутствующим, вернулся обратно.

Савелий чувствовал, что петух ему не доверяет, но связываться с ним в открытую отчего-то не желает...

Сапожок поскреб солому: «Было б из-за кого мараться...»

Петухи — своего рода куриная каста, выших, если не сказать — неприкасаемых. Простому смертному попасть в этот круг вряд ли возможно, только родиться петухом мало, надо обладать характером, харизмой...

— Черт его знает, как это у них выходит... — пожал плечами Савелий.

Петух никак не отреагировал на этот жест, не до того ему было, чтобы слушать чьи-то излияния. Петя снова, как ошпаренный, кинулся из курятника... Несмотря на принадлежность к высшей касте, на днях у него появились веские основания опасаться Савелия и установленной неподалеку гильотины: ни с того ни сего Петя стал припадать на одну ногу: за курицей теперь ни угнаться, на заборе на одних опалах не удержаться, по двору фараоном не пройти — это только у людей кого хочешь в цари рядят, и хромым, и кривых, и убогих, а у них с такими дефектами на троне не удержаться... Пока гребешок торчком — все трепещут, но стоит правящему монарху оступиться, ни одна тля не пройдет мимо, не ткнув несчастного по темечку. Желающих на вакантное местечко предостаточно. Победителю — все куриное царство. Горе побежденному. И не от тебя зависит, будет ли поднят большой палец вверх и будешь ли ты и дальше ходить по двору павлином... или голова с плеч и канешь в сугроб...

Савелий подобрал с земли камешек и бросил его вглубь сарая, через распахнутые двери в темноту ворвались две совсем юные, еще не знающие жизни курочки. Молодость! Молодость на то и дается, чтобы, едва только заслышав ласкающий звук сыплющейся наземь пшеницы или мягкое приземление упавшей с ветки раззявы-гусеницы, нестись, как ошалелый, бог весть куда... Савелий не без зависти посмотрел на этот задор, на этот бьющий фонтан, он пока еще скрипел, но вот так, через край, энергия давно не была, да и в жизни он уже кое-что понимал... хотя бы то, что нет в ней ничего такого, из-за чего бы стоило вот так, сломя шею, нестись невесть куда...

Молодость, не найдя ни зернышка, так же быстро выскочила из сарая на двор и застыла столбом, облитым теплыми лучами солнца.

Чуть поодаль, в теньке, топтались несколько старших жен. Этих было большинство, держались кумушки гуртом, были первыми охотницами до зрелищ (недели не проходило, чтоб кого-нибудь не провожали на лобное место), все, как одна, были

мастерицами выхватить из-под чужого клюва зернышко. Савелий кинул в разъявленную дверь еще один камешек. Пара куриц, отделившись от толпы, добежала вразвалочку до мнимого зернышка, остальные так и остались стоять на месте и колотить клювом пыль... В этих уже чувствовалась зрелость... Догадавшись, что их обманули, наседки не взбеленились, не распушили крылья, а продолжили долбить себе землю — дело привычное.

Мимо, никак не прореагировав на камешек, прошла несущка с пятью цыплятами, всем своим видом показывая, что выполняет самую важную на земле миссию, всё остальное — суета сует. Савелий только и успел подобрать под себя ноги, машинально пересчитав выводок, кроме постоянных обитателей, никого видно не было. Тихонько прикрыв дверь, Савелий подошел к гнездовью кур, нырнул под ту же самую курицу, буфетчицей рассевавшуюся в гнезде.

— Тш-ш, — зашипел Савелий на шелохнувшуюся было барыню, по лицу пробежало что-то похожее на проблеск, из-под юбки вынырнул пузырь с мутноватой жидкостью.

Савелий аж заискрился, рукавом смахнул с запотевшего стекла прилипшее, напиток был теплый, но Савелию было не до выпендрежа, куда ни глянь, кругом враги и лазутчики, приложился к пузырю, живительная влага заплясала и забулькала, потекла по луженому горлу, по телу разлилась нега... Вернув бутыль на место, Савелий осел на бревнышко. Шевелиться не хотелось, еще бы чуток — и наступило бы вечное блаженство. Из угла сарая послышался шорох.

— Хлаша? Ты? — тут же долетело со двора.

Савелий, услышав имя жены, едва не припал к земле. Лишь спустя мгновение осторожно прильнул к щёлке.

По ту сторону стены сарая что-то шаркало, ёрзало, по цветочкам Савелий признал тещину старушечью юбку. Тёща больше никого не звала, видно, догадалась, что дочери поблизости нет.

— Чер... тя... принес, — проговорил одними губами Савелий.

Старуха, подобрав край юбки, скovyрнула с земли подсохший помет, погнутой ложкой затолкала в ржавую консервную банку. Савелий осклабился — все дела чертовки ему были давно известны, ведьма никак опять собралась варить колдовское зелье... Не отрываясь от щелки, Савелий следил за консервной банкой, ему вдруг стало обидно... Будто и не хозяин он в собственном доме! Будто и посуды получше для него не нашлось!

Набрав полную ёмкость, старуха помелась к дому, Савелий,

оставив пункт наблюдения, почувствовал горечь, по привычке устался в одну точку... Он и не заметил, как кто-то приоткрыл дверь сарая, наметилось оживление, народ возвращался в курятник и, не обращая на него внимания, рассаживался по местам. На жёрдочку рядом уселись две курочки, нахохлились, Савелий, чему-то удивившись, оглядел их осоловелым взглядом, в голову ему пришла мысль, что среди кур нет горемычных пьяниц, все приличные граждане. Савелий будто впал в ступор, мысли, как заколдованные, крутились вокруг одно и того же: «И живут ведь, как люди... и ведь ни одна ведьма не... — Савелию стало еще горше. — И ведь делают всё исподтишка, курвы проклятые... Ни уважения те... ни почета... никакой и-и-ерархии...»

Савелию стало чуточку себя жаль (хотя он этого и не любил), вдруг померещилось, что, окажись он и впрямь в таком идеальном обществе, он, может, и вовсе б не пил.

«Да случись жить в курятнике, петухом бы был! Не иначе!» — воспрял духом Савелий, плечи его несколько расправились.

Движение это не осталось незамеченным, сидящий рядом петух, будто почувствовав соперника, грозно на него зыркнул, быстро соображающему Савелию ничего не осталось, как отказаться от имперских амбиций и вести себя потише. — Да и черт с тобой, — покосившись на петуха, пробормотал он.

Отодвигаясь по жердочке от хозяина, Савелий чуть было не спугнул молодок, еще не имеющих опыта общения с нетрезвыми мужчинами, дыхнул, три девицы демонстративно от него отвернулись.

— Ишь ты... — махнул на них рукой Савелий.

Ни с того ни с сего проклюнулась догадка о том, что и в этом кудахчущем царстве не все так гладко: чтоб не клевали — нужно показать себя молодцом, а если хвост не пучком, значит, надо браться за дело... все равно что наседка... или... в суп...

Обдумывая три перспективы, Савелий усмехнулся, помрачнел и снова полез под пышную юбку буфетчицы:

— Всё равно все в суп...

Костюмчик в тонкую полоску

Николай Иванович был разве что не напомажен. На нем был приличный костюм, белая, не новая, но все еще не потерявшая белизну рубаша, приятного крэ-эмового цвета галстук — мужчина подмигнул своему отражению в зеркале, он-то думал, его в этом самом костюмчике в известном направлении упакуют, а тут вон как вышло — жених!

С Анной Тимофеевной их познакомили. Не думал, не гадал, не успела сестра вывезти последние вещи покойницы Марьи, а тут нарисовалась новая пассия, да какая женщина! Локоток с ямочкой, не идет, а плывет, присядет на тыкву, ручками всплеснет, всё в ней ходуном так и ходит, так и волнуется!

Мужчина перекинул длинную прядь слева направо и аккуратно распределил по всей сияющей ровным блеском поверхности, свет над головой несколько рассеялся. Пустяки его не волновали, лысина сейчас сплошь и рядом, никого ею не удивишь, он же для своих семидесяти выглядел еще каким молодцом. Подкорректировав прическу, мужчина вьедливо оглядел костюм, кого-то он себе напоминал, но вот кого? Убей, не помнил.

Голова слегка дернулась, складка легла на чело, но Николай Иванович тут же себя успокоил. Подергивание головы — дефект скорее эстетический, недавно его всего просвечивали, серьезных неполадок не обнаружили, все органы функционируют, как часы, сосуды в норме, да и ему ли на скворечник жаловаться? Кроссворды досе без всяких справочников разгадывает, sudoku как орешки щелкает. Что же касается болячек, так по мелочи сейчас у кого хочешь букет наберется, среди молодых и то здоровых нет!

Повернувшись боком, мужчина подобрал живот, какое бы позитивное впечатление ни произвел костюм, в глубине души Николай Иванович понимал, что уже не тот... однако так же хорошо он понимал, что женщина рядом с ним должна быть соответствующая.

Долгие годы идеалом для него была Валентина Толкунова. Русская красавица. А как пела... А какая коса... Второй такой, конечно, не сыскать... Мужчина отдавал себе в этом отчет и даже готов был пойти на некоторые уступки. Роскошной толкуновской косы у его новой знакомой не было, на голове Анна Тимофеевна таскала такого же барана, как и его покойница Марья, но зато какая грация, какие манеры...

Но, что бы там ни говорили, одних внешних данных для

совместного проживания недостаточно, тут нужно что-то большее... Николай Иванович всегда уважал немцев, сумевших дать краткое и тем не менее ёмкое определение достоинств женщины.

Киндер. Китчен. Кирхен.

Женщина должна быть матерью. Хозяйкой. И не какой-нибудь там шалопутной.

Из трех составляющих Николай Иванович придавал, пожалуй, особое значение кухне. Снегурочку в его возрасте уже не сострогать, а вот хозяйка в дом нужна до зарезу. Половник без всякого уведомления выпал из рук покойницы Марьи, минувшим летом на даче делов наделала смородина, да и сам он вот уже полгода как был без надзору, жил хуже собаки, да что там говорить, опустился до того, что за счастье считал бульон из пахучих кубиков.

В свою очередь и ему было что предложить новой хозяйке. Квартира в тихом районе, ни одной трубы из окна не видать. Летом можно прокатиться на дачу. Сто пятьдесят км от города, воздух, как хрусталь, машина на ходу, чуть что — ТР-ТР-ТР — и Анна Тимофеевна едет на дачу, подышала воздухом и — ТР-ТР-ТР — возвращаются обратно. Имуущество, может, и не бог весть какое, но, опять же, абы кому вручать его не хотелось бы.

Не успели их познакомить, Анна Тимофеевна уже три раза позвонила. Вот и сегодня — дзынь-дзынь-дзынь — набрала ему с самого ранья, эдакая курочка, бурю какую-то выдумала, дескать, как ваше самочувствие? Виски не сжимает ли обручем?

Выгнув грудь колесом и шаркая тапками, мужчина прошелся по комнате:

— Нет сегодня никаких бурь! Дважды все газеты просмотрел! Еще б солнечное затмение приплела, — хихикнул Николай Иванович. — И надо ж какая цыпочка! Сама себя везет к нему давление мерить. Вот тебе и разница в двадцать лет!

Из глаза неожиданно потекла слеза, проморгавшись, Николай Иванович глянул на только что выданный из носа волос и поспешил в ванную прореживать бурьян. К приходу гости все должно быть безупречно. Почикав волосы, Николай Иванович задумался о том, в чем ему лучше встречать гостью. В домашнем — вроде как неприлично, хотя и вполне естественно, он же больной, в костюме — не к месту, хотя и очень импозантно.

Решение пришло само собой. Анна Тимофеевна позвонит в дверь, он встанет с постели, как будто больной, впустит гостью в дом и тут же попросит позволения удалиться, в соседней комнате переоденется и явится пред ясные очи в лучшем виде. В проекте выходило все замечательно.

Николай Иванович шаркающими шажками пошел поскорее в свою комнату, по-быстренькому разобрал с утра еще прибранную кровать, постарался предать ей хоть и не прибранный, но все же живописный вид. Проходя мимо зеркала, мужчина краем глаза поймал свое отражение.

Строгость, но в то же время лоск. Стильные полоски. Чикаго 30-х годов. Ни дать ни взять Аль Капоне! Николай Иванович треснул себя по лбу. Ну наконец-то! Вспомнил!

Вылезая из костюма, мужчина в трюмо опять поймал свой силуэт. Нательный гарнитур доходил почти до самых колен, Марья всегда заботилась о тепле, никто стараний её не умалял, но сейчас нужно было несколько иное. Как озарение, на ум пришла пижама. Надеванная только единойжды, в больницу, а после того лет пять пролежавшая затворницей в заточении шкафа. Мужчина изрядно повошкался, прежде чем ночной костюм увидел свет божий.

Да, именно так все и произойдет. Сначала он выйдет в пижамном костюме, а потом галантно извинится, и появится Аль Капоне.

«Костюм лучше было бы перевесить в другую комнату, — на ходу соображал мужчина, — чтобы за ним было куда идти». Женщине нужно сразу дать понять, что у него не одна и даже не две комнаты, как у кого-нибудь дырявого пельменя, что и он за свою жизнь кое-что нажил!

Время в приготовлениях пролетело незаметно, звонок в дверь весело задребезжал, мужчина заметался по комнате, но взял себя в руки и степенно пошел открывать.

Анна Тимофеевна, красивая, курчавая, всплыла в квартиру. Борта у нее были такие, что Николаю Ивановичу пришлось не без удовольствия посторониться.

— Ложитесь, ложитесь, — проговорила она бархатным грудным контральто, осмотрелась и поставила сумку на как будто бы специально приготовленный для нее пуфик.

Николай Иванович засуетился вокруг окружности.

— Где у вас ванна? — пышно вздохнула гостя.

Пока Анна Тимофеевна мыла руки, Николай Иванович успел нырнуть под одеяло и терпеливо ждал ее появления. Завершив гигиенические процедуры, гостя покинула санузел и поплыла по коридору в сторону хозяйской опочивальни, нечаянно заглядывая в каждую попавшуюся дверь.

Наконец появилась на пороге спальни, Николай Иванович не успел заметить, когда гостя успела надеть собственные тапочки. Предусмотрительная, хозяйственная.

Николай Иванович как-то сам собой, автоматически принял

вид умирающего. Приятно, когда за тобой ухаживают, тем более когда это делает женщина молодая и симпатичная.

Анна Тимофеевна затянула манжет покрепче и стала качать грушу. Чувствовалась в ней сила. Силища.

Пока стрелка бегала, Николаю Ивановичу стало стыдно за свой тонометр, сейчас в каждой аптеке продаются современные приборы: нажал на кнопку — и все дела. А он все еще пользуется каким-то ископаемым бронтозавром. Мужчина дал себе слово, не откладывая в долгий ящик, с первой же пенсии купить новый аппарат.

Анна Тимофеевна обвела взглядом комнату, покачала головой. Николай Иванович не сразу сообразил, к чему, собственно, относится это покачивание. Неужто к давлению? На всякий случай попробовал разрядить атмосферу.

— Ну, что там приборы? Хоть сейчас в космос?

— Уж прямо-таки и в космос? — Анна Тимофеевна захихикала мелкой дробью и поправила на груди брошку. Николай Иванович, по привычке нырнув за рукой, вдруг вспомнил про Аль Капоне и, с твердым намерением облачиться в костюм, поднялся с постели.

— Что это вы выдумали, Николай Иванович? — заколыхалась женщина, проводила хозяина рыбьим взглядом и продолжила осматривать обстановку. Выглянув в окошко, аж вспыхнула, стены дома, как она и предполагала, толстенные, в два кирпича, не какая-нибудь там панелька, в которой и к окну подойти страшно. Две комнаты, одна метров двенадцать, другая метров восемнадцать-двадцать, но есть еще одна — когда она шла по коридору, в углу заметила еще дверь.

— Неужто вы еще и копаете? — заметив на стене фотографию дачного гриба, повысила голос гостя.

— И капаю! И сажаю! — донеслось из соседней комнаты. Николай Иванович был явно польщен и замечанием гостя, и своим ответом.

Инвентаризируя обстановку, Анна Тимофеевна прикидывала, в какой из комнат балкон, еще подходя к дому, она заметила сплошь застекленные лоджии. Кухня небольшая, метров восемь, хотелось бы, конечно, побольше... на их-то семейство... Санузел отдельный...

Прикинув в голове разные варианты, Анна Тимофеевна решила в большую комнату поселить Юрика с невесткой, в другую — внука, а в самой маленькой будет жить она сама, ничего, ей не привыкать. Дача, судя по фотографии, голубятня, но и такая не помешает, машину, если она, конечно, имеется, продадут, Юрику недавно купили новую.

На пороге вырос Аль Капоне. Женщина взбрызнула ручкам, не поленилась, встала, обойдя Николая Ивановича со всех сторон, похвалила костюм. Юрику такой не подойдет, слишком старомодный, да и на локтях залоснился, а вот самого Николая Ивановича спровадить в бандероли в том самом направлении как раз сгодится.

Анна Тимофеевна осталась всем довольна. И на костюмчик тратиться не придется...

Первый участок пути группа прошла играючи. Укрытые снегом зубчатые хребты, слепящее солнце, склоны, гладкие, как зеркало, пропасти, разломы, ущелья. Не так давно описание этого огромного нагромождения породы и скал встречалось в любом путеводителе. Все шесть членов экспедиции поправили темные очки и замерли на скальном пейзаже — команды шевелиться пока не было. За спиной у каждого висел внушительный на вид, но легкий на самом деле рюкзак, кое-что из горного снаряжения, у одного из участников на плече эффектно болтался моток веревки, у другого, Лолы из Уренгоя, сидела кошка. Организаторы экспедиции уже позаботились о том, чтобы выдать девушке альпинистские «кошки» вместо взятого по недоразумению животного. Тем не менее Мурёну теперь приходилось таскать с собой, кошка едва успевала делать записи в путевом дневнике.

Участок дороги от Катманду до базового лагеря команда прошла в связке, так было веселее. После очередного позирования все занялись тем, что стали отвязываться друг от друга, слышались смешки, несмотря на то, что всех уже неоднократно просили вести себя потише. Предстояло разбить лагерь, достать мешки, подготовиться к ночлегу.

Заправлял всем стоящий чуть-чуть поодаль Рекс. Мощные лапы словно вмёрзли в скалу, ветер, ударившись в грудь собаки, обтекал мускулистое тело и делал виток вместе с толстым пушистым хвостом. В отличие от остальных членов экспедиции, одетых в термобелье и непродуваемую одежду, на Рексе из одежды присутствовала только кепка с завязывающимся на шее хлястиком. Сквозь темные очки сверкали глаза, способные различать предметы при самых неблагоприятных погодных условиях.

Рекс представлял собой образец служебной собаки модели «АВ-АВ 345». Внешне он действительно сильно смахивал на самую обыкновенную собаку, правда, очень крупную, — по сути же он являлся сгустком плоти, титановых комплектующих и полета инженерной мысли. Однако одного этого было бы недостаточно для выполнения возложенных на него функций. Рекс был достойным продолжением древнего рода шерпов⁷. Его прародители, конечно, не населяли горный Непал и из поколения в поколение не водили туристов на гору, тем не менее при разработке образца активно использовался весь опыт и знания, накопленные когда-то древним народом. Рекс прекрасно

ориентировался на местности, хорошо переносил критические температуры, мог работать в самых жестких климатических условиях, не говоря уже о превосходных личных качествах... На него, в отличие от большинства членов группы, можно было положиться. Отцом-создателем собаки считался инженер-изобретатель Артем Белка (для названия образца по традиции использовались начальные буквы имени и фамилии автора в латинской транслитерации). Стараниями ученого и его группы собака обладала рядом полезных характеристик, имела выход на спутник (из-за уха торчала антенна), а также неслышно спускающийся из отверстия якорь, не позволяющий её сдуть ни одному ветру.

Рекс, хоть и носил собачье имя, судя по тому, что ему приходилось делать, являлся, скорее, пастухом и надзирателем. Народ в группе был молодой, энергичный, приходилось следить, чтобы никто не сорвался, не поскользнулся, не объелся — на свежем воздухе аппетит у всех прекрасный. Естественно, на протяжении маршрута участникам могло что-нибудь понадобиться, для этих целей предусматривалось багажное отделение. Брюхо собаки представляло собой распахивающийся контейнер, в котором, помимо провианта, хранились спальные мешки, треки, несколько ледорубов (для желающих размяться и сделать эффектные снимки), а также запасные кислородные баллоны и много всего прочего. Помимо жизненно необходимых функций, предлагались и развлекательные. Рекс мог сказать что-нибудь на древнем языке кангпо⁸ (разработчики вставили эту функцию как дань уважения и напоминание о древних корнях образца). Но это было еще не все, пёс обладал прекрасным баритоном, мог спеть что-нибудь из репертуара Высоцкого, наибольшим спросом, конечно, пользовалась бессмертная «Скалолазочка», не растерялся бы Рекс, даже если его попросили бы сбавить Селин Дион или того же Майкла Джексона.

Но... дорога — это не одни лишь привалы и гитара. В дороге может случиться все, что угодно, и в таких ситуациях присутствие Рекса было особенно ценно. Собака представляла собой еще и спасательный пункт. Замерзнуть, умереть от кислородного голодания и других климатических неприятностей, подстерегающих путников на каждом шагу, в присутствии Рекса было практически невозможно. В брюхе рядом с багажным отделением находился медицинский пункт и специальный отсек для оттаивания обмороженных. Здесь же располагалось и отделение для мусора. Одно время мусор стал серьезной проблемой окрестностей, склоны превратились буквально в свалку — с Рексом и этот вопрос был решен.

Группа, совершив множество лишних телодвижений, наконец подготовила все для комфортного привала. Рекс развел костер, сделать это оказалось непросто — постоянно дул сильный ветер, к тому же каждый раз к едва трепыхающемуся языку пламени подходил кто-нибудь из группы и выливал остатки колы.

Когда все расселись (Рекс, как руководитель группы, сел на возвышении, за каждым нужен глаз да глаз), проводник предложил всем самую настоящую походную с дымком кашу. После каши туристы впали в оцепенение, и Рексу только и осталось, что раздать всем спальные мешки и растащить обмякшие тела по палаткам. Последний спальный мешок отправился на ночлег, но самому Рексу еще не пришло время думать об отдыхе — предстояло проверить собственные настройки, кроме него сделать это было некому.

Впереди всех ждал самый сложный отрезок пути, предстояло преодолеть «самую длинную милю на земле⁹», те самые последние 300 метров. На отметке «8500», когда позади оставались «зеленые ботинки»¹⁰, только и начиналось настоящее восхождение. Лавины могли сорваться от любого неосторожного звука... Солнечная радиация убивала все живое... Душила разреженность атмосферы. У некоторых на этом участке начинались глюки и даже истерики, это и понятно... Высота! Ниже остаются даже гуси, они перемахивают хребет на отметке в 6000 м — и то летят на пределе...

Пока все спали, Рекс занялся дальнейшими приготовлениями. В одном из отсеков лежали заранее приготовленные флажки с именами участников. Рекс проверил: «Андрей», «Марк», «Юра», «Лола», «Филипп» и «Алина», все на месте. Оставалось пополнить собственные запасы энергии, на высотах, где можно пинать ногами облака, целесообразнее всего использовать солнечную энергию, но не только... Рекс отвернулся от ветра, вбуравился мощными когтями в породу, выкинул якорь и предоставил энергии ветра крутить реле, вставленное конструкторами в его задний отсек. Закончив все дела, Рекс позволил себе непродолжительный отдых. Присел, вглядываясь в раскинувшийся вокруг скальный рельеф. Дух захватывало. Ветер играл шерстью, гоняя клочья колючего белого снега. Пёс нехотя щурился.

Дальнейшие события должны пройти по отработанной схеме: все проснутся, вернее, он их разбудит, вручит каждому индивидуальный флажок, покажет, куда лезть (заодно напомним всем название горы), проследит, чтобы никто не потерял, не погнул флажок и не поменялся им с соседом. Участники экспедиции преодолеют последние сотни метров, воткнут флажок

в высверленную дырочку и на специально оборудованной площадке станцуют что-то вроде победного танца. Сцена эта почти всегда сопровождалась необычайным эмоциональным всплеском. Каждому непременно хотелось нацарапать на породе вечное «Вася» — и Рексу было рано терять бдительность: требовалось проследить, чтобы каждый выдолбил в породе своё, записанное в паспорте имя, а не какое-нибудь от фонаря...

В кинозале, затаив дыхание, наблюдали за последними минутами картины «Последнее восхождение». На экране один из участников экспедиции зажег светильник, кажется, Алина радостно махала рукою в рукавице, затем прилетел вертолет и собрал всех с вершины! Последним на веревке болтался Юра, пытающийся ботинком сбить с вершины оставленную кем-то банку с колой. Слезть, да что там слезть, просто даже посмотреть вниз ни у всех хватило бы духу.

Рекс улыбался во весь экран. Мурёны нигде не было видно, она уже давно выхлопотала для себя местечко в багажном отделении, шляться по горам с непривычки было зябко. По экрану под завывание ветра поползли титры. В зале стало прохладнее, включились на полную мощь кондиционеры, пронеслись искусственные снежинки.

После титров предлагалась короткая историческая справка.

Погибших при покорении Джомолунгмы хватило бы на маленький город.

В последнее время желающих прогуляться на гору было столько, что на склонах образовывались пробки.

Самому юному покорителю было семь лет.

Самому старшему — девяносто пять.

Самому красивому — семнадцать.

Некто Петров был на вершине двадцать шесть раз, жена каждый раз возвращала его обратно на гору, не успевал он переступить порог дома, якобы он что-то забывал.

Два монтера из компании «Телекомыч», устанавливая тарелку спутникового телевидения, провели на вершине в общей сложности девяносто суток. Долго ждали вертолет с инструментом.

Домохозяйка Эльвира Сергеевна Чеботарева дважды совершила одиночное восхождение без кислорода, желая доказать мужу, что и у неё есть еще порох. (Несмотря на то что ношение огнестрельного оружия было давно вне закона.)

Среди способов спуска значились привычный вертолет, лыжи, сноуборд, оленья упряжка и что-то уж совсем экзотическое,

с ветерком на медном тазу.

Отдельной строкой шло имя некоего путешественника, пытавшегося вознестись на гору силой мысли и таким же способом спуститься. Отрыв, несмотря на все попытки, так и не состоялся. Создатели фильма тем не менее решили отметить и этого отважного путешественника за смелость мечты.

Далее шли фотографии Джомолунгмы с высоты птичьего полета. Трехгранная пирамида, Южное седло, Северное седло, горный хребет.

Мелким шрифтом в конце киноленты шла информация о том, что в 2116 году, когда население земли перевалило за двадцать миллиардов, Божественная Мать¹¹ была растащена по камешкам на сувениры. (Давалась ссылка на сайт музея Эвереста, где можно было купить похожий камешек и заказать виртуальную экскурсию.)

После просмотра фильма вереница людей потянулась в свои будки, раскиданные по заасфальтированному лику планеты. В кармане у каждого лежал скомканный билет, за который были заплачены символические 8848 электронных копеек.

Со скоростью 55 м/сек по экрану чиркнуло слово «КОНЕЦ» (по данным исторических хроник именно такой скорости достигал ветер на вершине Эвереста во времена его существования).

Посвящается всем погибшим и добравшимся альпинистам, мужественным шерпам, Джорджу Эвересту, который, по некоторым сведениям, вовсе не хотел, чтобы Пик XV было присвоено его имя, и нашему дому планете Земля.

Варежки для Анютки

Наталья Леопольдовна вот уже битый час рыскала по офису, ругая себя на чем свет стоит. Часы на бледной стене офиса проблывкали ровно шесть нуль-нуль, час был ранний, и это несколько облегчало поиски. На рабочих местах никого не было, можно было избежать косых взглядов, хотя по роду своей службы Наталья Леопольдовна в какие только уголки могла нос свой не сунуть, кому только под хвост не заглянуть.

От мысли о том, что та, которую она искала, могла попасть в чьи-нибудь недобрые руки, аж у нутрях холодело. (То, что руки могут оказаться добрыми или, на худой конец, нейтрально-равнодушными, в голову женщине не приходило.) Досада брала ещё и от того, что сама она воспользоваться попавшей к ней ценностью не сумела. Пока она придумывала ей применение, находка уплыла в неизвестном направлении.

Задним умом мы, конечно, все сильны. Сейчас женщина сокрушенно думала о том, что можно было бы смотаться в ту же самую ЮАР, причем с такими способностями даже билет на метлу покупать не потребовалось бы. Еще заманчивее была перспектива проникнуть на заседание правительства и посидеть за одним столом с каким хочешь государственным мужем, хоть бы даже самим Брандахлыстовым...

Женщина, перевернув вверх дном корзину, вытряхнула содержимое в длиннющий пакет, волочащийся за ней по полу. Улов оказался жиденький. (Бытовых отходов, разумеется, не было, откуда им взяться в офисе, а львиную часть бумаг сжирал троглодит-шредер, из угла пугающий всех картиной «Удушение галстуком».)

Каждый, трудясь на своей ниве, формирует не только особое, свойственное данной профессии мироощущение, но даже вырабатывает определённый навык, позволяющий делать меткие выводы об окружающей действительности. Наталье Леопольдовне многое о человеке мог сказать, пардон за тривиальность, мусор — то, что человек после себя оставляет.

Загребая на савок остатки чьей-то жизнедеятельности, женщина успела собрать целую палитру характеров. Иной скромняга не всё осмелится бросить в открытую всем взорам корзину, что-то и приберёт тихонечко в сумку и по дороге домой выкинет — деликатный человек, не желает смутить ближнего, уважает труд уборщиц. Другой — мимо корзины бросит, и не от того, что попасть не может (хотя руки у людей откуда только не растут), а потому что все ему с высокой башни — вот

такая вот кучерявая эгоистическая личность. Нервный, беспокойный человек — бумажуйку на мелкие кусочки искромсает, неудовлетворенный — теннисный мячик из нее скомкает.

О благосостоянии и социальном статусе тоже можно много чего узнать. Взять, например, Желткову. У нее что ни день, то в мусорке коробочка, да такая, что и выбросить жалко! Ну как тут не догадаться, что Желткова — человек обеспеченный, с хлеба на воду не перебивается. А вот у Пятаковой всякая выброшенная бумажка по делу — скучно! И жизнь у нее скучная, и сама она скучная.

Нагнувшись, Наталья Леопольдовна влезла под стол в надежде на то, что пропажа ждала её здесь, но выгребла оттуда лишь замызганный носовой платок и носок. За пять лет работы в офисе чего только она не находила... А уж после всякого рода сабантуев, мамочки родные! Но... в каждой профессии своя этика, нашел — держи язык за зубами, нечего трындеть на всю Ивановскую, кто что во время корпоратива обронил...

Обследовав пространство не только под столом Тучкина, но и под всеми соседними столами, женщина нахмурилась, пошла на кухню, взяла стул, подтащила к стеллажам и вспорхнула на него шустрой птичкой: на верхотуре, как она и ожидала, кроме тучного слоя пыли, ничего не было — в здании напротив уже полгода катавасия с ремонтом, шум-гам-бедлам, окна в дымке от пыли. Женщина сокрушенно покачала головой: «И тут ничего нет... Ах ты, батюшки! А ежели и правда ктой-то уже вовсю орудует...»

— Вот профукала так профукала! — Уборщица покосилась на недвижимое кресло. А может, этот «ктой-то» сейчас спокойненько сидит в кресле Желтковой и смотрит так с ухмылочкой на её тщетные поиски? Женщина поспешила отвести глаза и даже как бы невзначай плюнула через плечо, хотя ничего нечистого во всем этом не было — очередной виток науки, а уж в детских сказках давно про это сказано.

Разбирая посудомойку на кухне, женщина еще раз прикинула: со дня пропажи минуло три дня. За эти три дня она уже шесть раз тщательнейшим образом проверила все офисные углы и закоулки. Если пропажа и попала в чужие руки, то пару деньков уйдет на то, чтобы нашедший докумекал, чего он теперь является обладателем, потом день или два, смотря по тому, как у него котелок варит, будет думать, что ему со всем этим богатством делать, и только потом пустится во все тяжкие...

Так ничего и не найдя, женщина решила на всякий случай лучше приглядеться к сотрудникам — может, и заметит какие

странности в чем-либо поведении. Слава богу, работа её это позволяет. Вроде как всегда на виду, а вроде как её и нет, шурши из кабинета в кабинет да гляди в оба. В разгар рабочего дня, чтобы ничего не пропустить, можно заняться пересадкой цветов. А что, весна на носу, в прошлом году такие деньжищи в землю зарыли, когда пригласили озеленителей, а тут можно два зайца одним махом убить — и пропажу найти, и перед начальством себя лишний раз зарекомендовать. Глядишь, к празднику и её премией не обнесут. В том, что нашедший будет обкатывать предмет на работе, а не в каком другом месте, Наталья Леопольдовна не сомневалась. Где ж еще? Нынче человек разве что не спит на работе, вся жизнь у него тут сосредоточена!

Прежде чем уйти в свой закуток перед началом рабочего дня, чуток передохнуть, уборщица недовольно поелозила тряпкой в кабинете директора: «Все такие пиндитные, ни одной бумажки трогать не разрешают!»

Утренняя дымка потихоньку рассеивалась. В офис со всех сторон паутиной раскинувшегося города начали подтягиваться сотрудники, и, пока Наталья Леопольдовна безмятежно дремала в подсобке, за стенкой уже начали происходить странные вещи.

Пропала бухгалтерша Селезнева!

Причем пропажа даже не сразу обнаружилась. До обеда Татьяну Егоровну даже не кинулись искать, подумали, в налоговой или статистике, мало ли куда может занести бухгалтера по роду службы. Однако минуло двенадцать, а Селезневой на рабочем месте так и не было. Тут-то все и всполошились, за Селезневой давно было замечено, что, какие бы ни были у нее внеофисные дела, к обеду она как штык на работе. Кто-то догадался позвонить на мобильник, телефон замычал под бумагами на её столе, выходило, что телефон — на месте, а Татьяны Егоровны — нет. Чудеса да и только. Это тем более было странно, так как Селезнева, женщина деловая, главбух, с телефоном практически не расставалась. В любой момент мог позвонить сам директор Борщов Александр Ефимович.

Протяжное мычание мобильника как раз и разбудило Наталью Леопольдовну. (К слову сказать, бухгалтерша пыталась прослыть женщиной колоритной, всеми способами стараясь подчеркнуть свою индивидуальность. Отсюда и этот нехарактерный для городской местности звук, которым на селе, впрочем, никого не удивишь.)

Под шумок уборщица вышла из своего заваленного швабрами

кабинета, как будто куда-то спеша, торопливо обошла весь офис, ушки торчали на макушке, вскоре Наталья Леопольдовна была в курсе всего происходящего. Свои соображения по поводу случившегося она оставила при себе, присутствие же селезневского моби́льника только укрепило ее в мысли, что бухгалтерша находится где-то совсем близко. Одно смущало уборщицу: неужели пышнотелая Татьяна Егоровна рассказывает по офису в неглиже или был какой-то особый секрет, который Наталья Леопольдовне неизвестен? А то ведь на улице прохладно: марток — надевай семь порток.

Некоторое время у сотрудников ушло на то, чтобы догадаться позвонить Селезневой домой. Спросили сначала ее, потом мужа. Чей-то металлический голос сообщил, что муж в отъезде и будет только в пятницу, по офису тут же поползли какие-то неуместные предположения. Потом к телефону подошел Селезнев-младший, сын Татьяны Егоровны, сообщил, что мать утром ушла на работу и никто её больше не видел. На все остальные расспросы, выюнош отбрыкивался и ничего вразумительного сказать не мог, а перед тем как отключиться, буркнул в трубку:

— Вам надо — вы и ищите!

Похоже, судьба Селезневой интересовала только ее коллег. Все не без удовольствия продолжили поиски! После довольно жарких прений кто-то предложил сообщить в полицию, ему тут же возразили: раньше чем через двадцать четыре часа полиция искать не кинется, или им нужен труп! Труп Селезневой у собравшихся не было, так что и говорить нечего, с полицией пришлось повременить. Наталья Леопольдовна с облегчением выдохнула, у неё были свои причины не доверять полиции. Сколько всяких передач про оборотней в погонах показывают, чистят-чистят их ряды и все равно что-нибудь да не дочистят, всё у нас так! Наталья Леопольдовна решила применить свой метод поиска пропавшей.

Женщина, как помело, замельтешила по офису в надежде случайно натолкнуться на Селезневу. Не будет же та сиднем сидеть целый день на одном месте. Однако этот оригинальный способ ничего не дал. Наталья Леопольдовна только чуть не перевернула цветок и попала под ноги вбегающему в отдел Тучкину.

Тучкин напал на след Селезневой! Мужчина торжественно вытащил из кармана брюк обёртку от сырка и предъявил блестящую бумажку собравшимся! По рядам прошелся шумок, всем было известно, что в офисе никто, кроме Селезневой, такие сырки не ест. На обертке, как два бубенчика, висели кокосовые орехи, а рядом кучкой лежала кокосовая стружка. Тучкин

удовлетворенно зыркнул на коллег, но, похоже, ему было мало, он хотел еще большей сенсации. После непродолжительной паузы мужчина сообщил, что выудил свою находку — откуда бы вы думали? — из мусорного ведра! Наталья Леопольдовна от неожиданности аж всплеснула руками. Во все корзины еще с утра она поставила новые мешки, значит, Селезнева скинула эту обертку уже позже... Пока другие хвалили Тучкина, Наталья Леопольдовна недовольно поправила фартук — значит, не одна она в офисе такая наблюдательная...

Народ опять с удовольствием зажужжал. Одна догадка была неожиданной другой. Присутствовали и инопланетяне, и версия о том, что у бухгалтерши отшибло память и она не может вспомнить, где работает, поэтому и не в состоянии добраться до офиса. Кто-то беспардонно у всех на глазах залез в ее мобильник, прошелся по контактам, нашел интересный контакт под кодовым названием «Рыбка» и, не думая о последствиях, взял и сделал вызов.

Воспитание и культура у нас оставляют желать лучшего.

На позывной отозвался телефон в кармане одного из присутствующих. Телефонный хулиган чуть было, как змею, не откинул от себя селезневский мобильник, стал поскорее тыкать на разные кнопки, только бы его вырубить. Откликнувшийся дзынькал в толпе, и от него уже начали расходиться не замешанные ни в чем таком коллеги. Хулиган налился краской и молил об одном — только бы телефон не оказался в кармане какого-нибудь начальника! Любой человек, проработавший хоть день в организации, знает, что этого добра у нас хватает, и линейных, и высшего звена, на каждой вертикали и горизонтали сидит по руководителю, свесив ножки! Тем не менее, несмотря на то, что поруководить желающих везде предостаточно, народ у нас тоже мудрый, лишний раз не перегнется. Яркий тому пример — пропажа Селезневой. После того как рыбкин телефон заглох (хулиган наконец попал на нужную кнопку в селезневском мобильнике), никто и не подумал вернуться к выполнению своих служебных обязанностей. Народ ходил, бродил, выдвигал версии, гипотезы — все что угодно, только не работал...

Следующее событие повергло сотрудников в еще больший шок, чем исчезновение главбуха. Татьяна Егоровна собственной персоной, как в одной песне про что-то сотканное из воздуха, материализовалась прямо у всех на глазах. Женщина сидела в директорском кресле во всю свою привычную для офисного глаза приятную полноту и была сама не своя. Было от чего: директор, Борщов Александр Ефимович, как раз зашел

с коллегами в свой кабинет.

Народ сначала с опаской и недоумением стал подтягиваться к женщине-загадке... Ну а потом, как и следовало, повалили вопросы.

Бухгалтерша отбрыкивалась, как могла. Женщина была в крайней степени смущения. Её могли заподозрить в том, что она метит на директорское кресло, хотя ничего такого и в помине не было... Вся эта ситуация для нее самой была, похоже, еще большей неожиданностью, чем для окружающих! Селезнева нервничала, огрызалась, отвечала невпопад, всем сразу стало ясно, что здесь не все чисто. Наталья Леопольдовна глянула за спину бухгалтерши и чуть не ахнула — из-за широкой спины выглядывал распахнутый сейф! «Ах, как она этого боялась! Как боялась!» Наталья Леопольдовна быстренько сопоставила все «уро» и «про»¹², или как там говорят англичане, и догадалась, что бухгалтерша от того и злющая, как собака, что ей не удалось повернуть до конца свое темное дельце. Кое-что слетело с ее головы! От этого и вышел конфуз!

Та, которую Наталья Леопольдовна искала вот уже три дня, была где-то совсем рядом! Скорее всего, свалилась на пол. Бухгалтерша ерзала на стуле. Это только утвердило Наталью Леопольдовну в её правоте. Ясный пень, при всех главбух не могла лезть под стол, вот и ерзала, стараясь запихнуть свою добычу подальше в угол. Уборщица смекнула, что Селезнева теперь будет сиднем сидеть на директорском кресле и даже сам Скворцов, который давно подсиживает директора, её оттуда не выкурит.

Однако, какие бы планы ни строила Селезнева, получилось всё опять не так, как она хотела. Из бухгалтерии донеслось мычание, сотрудники позволили себе некоторые совершенно неуместные в рабочей атмосфере смешки и прибаутки, и хотя «рыбка» ничем себя не выдал, но пол-офиса уже знало, что Он — это Он! Татьяна Егоровна смутилась и, как школьница, опрометью понеслась к себе в бухгалтерию.

Нельзя было терять ни минуты, тем более что пока все, совершенно не смущаясь присутствием «рыбки», занялись перемыванием косточек бухгалтерши. Наталья Леопольдовна кинулась к столу. Смахивая пыль с директорских выпелов и наград, уборщица любовно плюнула и протерла тряпочкой хрустальные часы, свои любимые, еще совсем чуть-чуть — и она нырнула бы под стол и сокровище оказалось бы в самых надежных в мире руках!!!..

И тут вдруг — трах-бах-тарарах! Чтоб все провалилось! С кухни прискакала Бубенчикова. Вся такая непредсказуемая,

неожиданная, рассадила блюдо, и теперь ей срочно понадобилась Наталья Леопольдовна — собрать осколки. Женщину прямо со шваброй под белы ручки чуть ли не всем офисом доставили на кухню. Сотрудники веселились. На кухне она, чуть ни плача, постаралась как можно быстрее ликвидировать устроенное Бубенчиковой свинство. Когда она снова пробралась в кабинет директора, под столом уже ничего не было.

Всё накрылось медным тазом... Женщина приуныла. Ну надо же было так бестолково всё проворонить! Под предлогом очистки шредера уборщица поплелась в бухгалтерию. Селезнева сидела, как сыч, и сверкала на всех глазами, злая была, как черт. Наталья Леопольдовна поняла, что находка снова бесследно исчезла, и самое неприятное было то, что теперь за ней охотилась не одна она, а еще и бухгалтерша.

Невероятные события в офисе на этом не закончились. Не прошло и часа, как у Бубенчиковой пропала шуба! Шуба, конечно, не бухгалтерша, но ее искали с не меньшим энтузиазмом. Кинулись все, включая директора. «Срам! Это ж надо! Приличная компания. Не по газетным объявлениям народ набирают, и — здрасте, приехали! — пропала шуба! Тут дело уже не в шубах, а в кадрах!!! У Селезневой моральный облик вон как вылез наружу (директор уже заметил запахнутый сейф), а тут еще завелся самый настоящий вор!»

Бубенчикова в слезы, шуба единственная, приятно было каждый вечер её с плеч своих стряхивать, а тут такое!

Наталья Леопольдовна догадывалась, что бубенчиковской шубе приделал ноги тот, кто нашел ее пропажу. Сделать это под шумок проще простого.

Пока сочувствующие обступили Бубенчикову и травили ей душу вопросами, от которых она еще больше расстраивалась (Да где она взяла такую шикарную шубу? Да сколько она стоила? Кто подарил?), кто-то выдвинул предположение, что подаривший может презентовать ей еще одну шубу, у него и зарплата такая-то (цифра называлась с точностью до сотни рублей), и премию он в прошлом квартале получил... (Даже ничем таким, кроме работы, не интересующаяся Пятакова догадалась, кто был этим щедрым кабальеро.)

Бубенчикова, услышав все это, разрыдалась еще больше и успокоилась только тогда, когда рядом с нею присел Тучкин. Мужчина несмело взял ее руку в свою, тыкнул ей под глаз пальцем, промокнув на обиженной слезу, и несколько раз

зеркально вздохнул. Каждый раз, когда Тучкин пытался отнять свою руку (его отдел уже несколько раз сходил на перекур), Бубенчикова жалобно всхлипывала, и ему ничего не оставалось, как не отходить от нее до конца рабочего дня. Что у них там наклеивалось, сотрудникам было не слишком интересно, подумаешь, очередной служебный роман, сколько их в каждом офисе случается, а вот шубы не каждый день пропадают!

Следствие застопорилось.

Пока офис волновался, как море, Наталья Леопольдовна постаралась наконец собраться и действовать. Тем более что теперь на хвосте у нее висела Селезнева.

Наталья Леопольдовна была уверена, что вор, кто бы он ни был, скоро вернется и как-нибудь аккуратненько, чтобы не вызвать подозрений, материализуется. Украл шубу, конечно, человек из плоти и крови, а никакой не полтергейст, о котором вот уже десять минут распинался ранее неприметный Булькин. Кстати, этот самый тихоня Булькин своим предположением расколол офис на два лагеря: одни говорили, что шубу украл кто-то из материального мира, другие — из невидимого. Только Наталья Леопольдовна и Селезнева знали, что ни те, ни другие до конца не были правы. Кражу совершило Нечто из того мира и из этого одновременно.

Откуда-то вернулась Желткова, несла какой-то вздор о том, что ей неожиданно нужно было отойти, никто ее, конечно, не заподозрил: она была на хорошем счету, к тому же многим мужчинам в офисе она нравилась. Срабатывал какой-то защитный механизм! С одной стороны, было ясно, что шубу стыбил кто-то из своих, пусть даже и каким-то невероятным способом, а с другой — если взять каждую отдельную личность, глядя ей в глаза, не верилось, что на такое была способна именно эта личность. Ну, не верилось, хоть ты тресни!

Жизнь прожить — не реку перейти. Должности Наталья Леопольдовна никогда высокие не занимала, но вот в людях разбиралась. Что-то в поведении Желтковой её насторожило. Что-то ей подсказывало, что её рук это дело. Помимо увлечения яркими коробочками, Наталья Леопольдовна знала об одном маленьком секрете Желтковой. Недавно та была назначена неизвестно за какие такие заслуги заместителем директора по хозяйственным вопросам и так же, как и Наталья Леопольдовна, получила право носить на поясе ключи от всех кабинетов, включая и кабинет уборщицы. Уже после этого назначения Наталья Леопольдовна пришла однажды утром в свою каморку и обнаружила такое!!! Все ведра были перевернуты вверх дном, две тряпки разодраны в клочья, рукав в халате выдран

с мясом, новая швабра свернута — настоящие Содом и Гоморра! Что уж замдиректора здесь вытворяла, одному Богу известно! Но больше всего Наталье Леопольдовне было любопытно, кого ж это Желткова в ее каморку с ведрами затащила?!

(Может, кто-то заподозрит Наталью Леопольдовну в предвзятости, в том, что она точила на Желткову зуб, а кто бы не точил, когда без спроса кого ни попадя таскают в твою обитель, а может, даже пытаются спихнуть тебя с насиженного места?!)

Пока офисные ходили на перекур, Наталья Леопольдовна не выпускала из поля зрения Желткову. Желткова зашла за кадку с пальмой, но оттуда уже не вышла, вернее, вышла, но ее уже не было видно. Отсутствовала она минут пятнадцать, а потом таким же макаром вышла, но уже с другой стороны кадки.

Наталья Леопольдовна сразу догадалась, что та успела что-то провернуть, но что? Оставалось ждать... И недолго. Завизжала подошедшая к шкафу скучная Пятакова. Все, конечно, подорвались, побежали к шкафу. Тучкин и Бубенчикова наконец расцепили руки. Спихнулись. А где мы были раньше?! Почему сразу, после первой пропажи, о добре своем не позаботились? Женщины выгребли остатки мехов, и до конца рабочего дня каждая сидела на своей шубе! До шести оставалось тридцать две минуты, все уже хотели поскорее вырваться из этого разбойничьего вертепа. Некоторые подумывали писать заявление. Это ж ни в какие ворота не лезет, на ходу людей раздевают!

Казалось бы, ну что может произойти за эти тридцать две минуты, это же не футбол, в конце концов! И тем не менее даже много на своем веку выдавшая Наталья Леопольдовна не могла такого предвидеть! Желткова прямо на ее глазах опять обернулась вокруг кадушки, потом Наталья Леопольдовна увидела, как в буквальном смысле по воздуху поплыл телефон. Уборщица подумала, что это был личный телефон Желтковой. Аппарат отсутствовал пять-шесть минут. Потом приплыл и лег на то же место, Желткова, крутанувшись вокруг кадушки, материализовалась.

Наталья Леопольдовна тогда еще подумала: зачем такие сложности?

Но не прошло и пятнадцати минут, как ответ на вопрос был получен — в офис ворвалась разъяренная фурия Борщова, жена директора. Жена кидалась на всех, но в особенности хотела видеть Желткову. Офис пытался спасти свою сотрудницу. Как бы там ни было, она была хорошим специалистом, и случись что

с ней — всю её работу свалили бы на других. Тучкин, кстати, опять подсуетился, пытался накрыть Желткову своим телом, но расторопная Бубенчикова стащила его и отвела в сторону.

Наталья Леопольдовна насилу сообразила, что подлючка Желткова в те самые пять-шесть минут стыбила телефон самого директора, который по ротозейству забыл его на столе, позвонила его жене, видимо, ничего не стала от неё скрывать, резала правду-матку, иначе та бы так не взбеленилась и не прискакала бы в офис со всеми своими реакциями.

Уборщица аж всплеснула руками, так вот, оказывается, кто переломал весь ее инвентарь!!!

Ай да Желткова, ай как все обтяпала!

Наталья Леопольдовна невольно зауважала Желткову, пусть даже за смелость. Жена директора в глазах ее несколько потеряла — курица и есть курица, не так следует вести себя супруге! Быстро соображающая Наталья Леопольдовна сделала еще один вывод: неспроста Желткова пошла на такой риск! На такое можно решиться только в критической ситуации... «Беременная!» — аж присела уборщица.

Женщины продолжали делить Борщова. Жена пошла на значительные уступки, разрешила мужу потихонечку шурумничать с Желтковой, но только так, чтобы она ничего не знала, но на это уже не соглашалась Желткова. Она уже почувствовала запах крови, и ей хотелось большего! Всего Борщова, а не половину!

Наталья Леопольдовна сообразила, что любовник, который вот-вот мог превратиться в мужа, представляет в данный момент для Желтковой гораздо больший интерес, чем какая-то там шапка, пусть даже и не обычная. Уборщица крутилась вокруг сражающихся женщин, надеясь наткнуться на свою пропажу.

Действовать нужно было ювелирно, она уже не раз поймала на себе хищные взоры Селезневой. Наконец за кадушкой шапка была найдена. Желткова, видно, ее туда закинула, пока боролось за свое счастье. Уборщица подхватила находку, поскорее запрятала под тряпку в ведро и направилась по-шустренькому к себе в кабинет. Перед самым кабинетом ее перехватила Селезнева.

— Наталья Леопольдовна, а вы домой? Так рано? — Руки ее при этом так и тянулись к ведру.

— Это чтой-то... — Уборщица, не церемонясь, развернулась, бортанула немаленькую Селезневу и перед самым ее носом захлопнула дверь в каморку.

Селезнева обрушилась на дверь. Попробовала взять с плеча. Блеснула глазами. Но в коридоре, видимо, кто-то появился,

бухгалтерше ничего не оставалось, как вернуться к себе.

Наталья Леопольдовна заторопилась, понимая, что Селезнева так просто не отступится и вскоре вернется забрать свое.

Женщина насилу успела скинуть халат, накинуть пальтишко, вынырнуть из своего укрытия и добежать до лифта. В сужающийся просвет между закрывающимися дверьми лифта она увидела мчащуюся за ней Селезневу. У них, конечно, не Сити, но, слава богу, тоже двадцать пять этажей, да еще лифт скоростной. Пока лифт с ветерком мчал ее вниз, она закрыла сумку с шапкой на молнию, предстояло еще доехать в метро и на автобусе, а там своих Желтковых и Селезневых хватает!

Домой женщина чуть не бежала, в каждом закоулке мерещилась неприятность. Дома никого не было, родные на работе, Анютка в садике.

Недолго думая, женщина села под лампу, взяла маленькие ножнички да и чикнула шапку... Варежки для Анютки вышли чудесные! Матерьял-то такой еще поискать надо!

Наталья Леопольдовна совершенно не жалела об утрате. Не готов еще наш человек к таким подаркам. Взять хотя бы Желткову, ну что ей, плохо было на директорском обеспечении, так нет же ведь, жадная какая! Одну вещь стыбила, вторую... и все ей мало! Руки загребушие. Да разве она одна такая...

Женщина поглядела на варежки:

— А Анютка еще походит!

Внучка и правда долго носила варежки, и от волшебства было не так просто избавиться — варежки то терялись, то находились, пока наконец совсем не потерялись и не стали, как и шапка, волшебными!

Со свиданьем!

Любочка чистила перышки. Она была уже не молода, но все так же прекрасна. Из окна ее уютного гнездышка виднелся кусочек синего моря, по лоскуту синего неба проплыло облако, как последняя базарная баба, будто не понимая, где находится, пролетела чайка. Не обращая внимания на горластую брань, женщина плюнула на кисточку и принялась старательно рисовать второй глаз, первый был уже готов. На комодке предательски тикали часы, подгоняя минуты к заветному часу, но Анатолий Степанович еще не звонил.

Закончив макияж, женщина направилась к шкафу. Кофточки, скучая, висели ровным рядочком. Здесь их обитали мириады. Любочка сорвала с плечиков и приложила к роскошной груди нечто персиковое, пока влезала в рукава, её охватили сомнения, но она продолжала упорно, наперекор всему лезть, пока наконец прилизанная голова не вынырнула из дырки выреза. Покрутившись перед зеркалом, женщина постаралась честно глянуть на себя со стороны, отчасти ей это удалось. В платьице ей было как будто снова сорок, она была необыкновенно хороша, и все же что-то было не то... Покряхтев, Любочка тем же путем вылезла обратно, повесив платьице снова на плечики. В углу шкафа скучали костюмы, брюки, все это порядком надоело еще в допенсионной жизни, сейчас хотелось чего-то дерзкого, яркого, девчачьего! — на пенсии с человеком происходят странные метаморфозы. Раздраженно перебирая когда-то любимые, но успевшие надоест вещи, женщина наконец заметила нежный, почти жемчужный проблеск.

— Ну конечно же! — ахнула она, не раздумывая, нырнула в газовую пучину и вынырнула уже совсем другой женщиной!

Любочка ощупала бедра, талию, грудь, расправила облака воланов, кажется, осталась всем очень довольна, но успокаиваться было рано — предстояло найти туфли. Крякнув, она опустилась на колени, чем-то хрустнула и вынырнула с симпатичной коробкой. Присев в кресло, влезла в одну туфлю, лицо ее приняло озабоченное выражение, хромая, женщина доковыляла до тумбочки, достала косметичку и отправила в ротик одну за другой половинку зелененькой, четвертушку беленькой и желтенькую, запив все стаканом воды. С годами никто не становится моложе, во всяком случае телом, но некоторым будто удается объесться молодильных яблочек. Женщина превращается в бабушку, только когда у нее из двух косметичек останется одна, та, которая с таблетками, а куда их

две, вы все еще имеете дело с женщиной!

Доковыляв обратно, Любочка натянула вторую туфлю и прошла по комнате, губы её чуть дернулись: с боков давила шишка, большой палец вот уже лет десять как упорно лез на соседа, пятки, как она их ни шлифовала, всё не становились, как у младенчика, но Любочку это не смущало: какими бы рогами ни торчали шишки, как бы ни уводило в сторону палец — главное было не это, главное было то, что ей позвонил Анатолий Степанович, ее давний знакомый. Знали друг друга они давно, но потом она переехала, лет пятнадцать друг о друге ничего не слышали, а потом нечаянно нашлись, начали созваниваться, поздравлять друг друга с праздниками, а тут вдруг Анатолий Степанович сообщил, что едет к ним по путевке. Любочка, конечно, понимала, что все это не серьезно, бесперспективно, но продолжала тщательнейшим образом готовиться к празднику, зачем же и себе, и мужчине портить малину?

Расправив крылышки на платье, женщина вдруг подумала о том, что Анатолий Степанович мог закрутить роман с санаторной, но тут же себя успокоила — ну зачем ему какие-то больные санаторные тетки, когда на Виноградской живет такая женщина: таблетка под Любочкиным языком уже успела растаять.

Телефон наконец зазвенел колокольчиком.

— Жур-жур-жур, — мягко проговорила женщина.

На том конце что-то ответили.

Любочка засмеялась:

— Жур-жур! Жур-жур!

На том конце снова что-то ответили.

— Жур! — сказала женщина напоследок и повесила трубку.

Жизнь заиграла красками.

Любочка полетела на остановку, на которой условились встретиться.

Когда она прилетела, ее уже поджидали в тени остановки. Прибывший на лечение Анатолий Степанович всем своим видом показывал, что он не старый пень, а поседевший Мاستроянни. На нем был прекрасный, добротный пиджак, вельветовый, современный (Любочке это понравилось, значит, следит за собой), строгие брюки (Любочка это тоже отметила, она не выносила, когда мужики на седьмом десятке слишком уж молодились); единственно, что несколько подпортило впечатление, — это то, что Анатолий Степанович под легкие, светлые, в дырочку сандалии натянул носки непонятного цвета, но носки — это то, что мужчине можно с радостью простить, особенно если в руках он держит маленький букетик. Любочка и это оценила — не пришел же Анатолий Степанович совсем без

цветов, как некоторые мухоморы.

— Жур-жу-жур! — Любочка, как восьмиклассница, засунула нос в букет.

Анатолий Степанович отпустил несколько витиеватостей по поводу Любочкиного платья, ему было приятно и то, что Любочка так нарядилась именно для него, и то, что она была все еще очень даже ничего, и то, что при взгляде на нее у него внутри уже два раза булькнуло. Анатолий предложил идти в шашлычную, в санатории еда была для трезвенников-язвенников, парочка переглянулась, пробежала смешинка — «дескать, есть бандерлоги, которые могут нарваться на неприятность, если запьют огурец молоком, но у них-то все титановое, гвозди перевариваются!»

Любочка захихикала, она тысячу лет не была в шашлычной.

— Жур, — согласилась она.

Анатолий предложил руку, и Любочка засеменила рядом.

Парочка вышла на набережную. Солнце закатывалось в море, красный диск тонул в волнах, птица реяла и реяла, красотища! О некоторых вещах даже и писать не стоит, бери билет Москва — Питер — Сыктывкар — Адлер и дуй на синий берег моря.

В шашлычной, пока Любочка терялась между шашлычком из осетринки и ребрышками (в осетринке смущала цена, Любочка уже давно не разоряла кавалеров, с ребрышками мог выйти конфуз — она еще не успела вставить снизу зуб, который портил весь Голливуд), пока она размышляла и терялась, изголодавшийся, посаженный насильно на диету Анатолий Степанович заказал чарочку, следом за ней рюмочку, спохватилась Любочка, когда выпита была уже третья стопочка и Анатолий успел разругаться от впрыснутой беленькой.

Женщина не простила себе такой оплошности, больше она ни на что не отвлекалась, всяческим хитрым образом делая так, чтобы Анатолий не наклюкался — иначе пропало бы и платье-облако, и туфли-кораблики. Женщина, конечно же, не опустилась ни до обидных одергиваний, ни до намеков, она только позволила себе один раз сказать нежное, ласковое «жур-жур-жур...», на что Анатолий мотнул, как непослушный теленок, головой, наклонился и понарошку боднул её в плечико. У некоторых хватает ума и такта не ставить вопрос ребром, Любочка просто следила за тем, чтобы Анатолий Степанович плотно кушал. Выглядывающий из распахнутого пиджака бидон, однако, ввел ее в заблуждение, плотненького, румяного Анатолия развезло так же быстро, как какого-нибудь дохляка, и очень скоро он стал добрый и нежный.

— Жур-жур-жур, — намекнул о своем мужчина.

Любочка вспыхнула, конечно, она не институтка, не первый раз замужем, но все равно как-то боязно.

Анатолий стал еще настойчивее, и Любочка осмелилась спросить, как он, собственно, себе все это представляет? Анатолий напустил много туману, из предложенных вариантов больше всего Любочку удивил «под пальмой, под луной», в конце мужчина как бы нечаянно проронил:

— А не причалить ли его одинокому усталому баркасу на тенистой Виноградской?

Любочка, конечно, намек поняла, будь она помоложе, она бы громыхнула стулом — и видал он ее и под солнцем, и под луной, но такие взбрыкивания уместны разве только тогда, когда ты все еще газель и за тобой еще может угнаться резвый олень.

Любочка глянула на обмякшего Анатолия Степановича, обидно было до слез: привезти кавалера после свидания в свою собственную квартиру?! Это бы вдребезги разбило весь накопленный романтизм. Понять Любочку сможет только женщина, мужик в этом плане орех! Однако нужно было что-то решать, и женщина со свойственным ей тактом выбрала из двух зол меньшее: наврала, что к ней нельзя, потому что приехала сестра из Читы! (Любочка не сильно погрешила против истины, сестра действительно должна была приехать, но через два дня: её, как и всех живущих на юге, с мая по октябрь атаковали родственники, не имеющие собственного выхода к морю.)

Анатолий начал усиленно соображать, и, судя по тому, что в ее сторону буквально сыпались ласковые «Жур! Жур!», женщина поняла, что Анатолий Степанович, слава богу, не обиделся и размышляет о том, как им остаться вдвоем...

Из ресторанчика выползли за полночь. Темными южными улочками парочка побрела мимо каёмочкой бегущего берега, мимо болтающихся над головами фонарей, к санаторию, в котором жил Анатолий Степанович. Небо было в мелкую звездочку, ночь дышала, луна висела, сверчки безобразничали, Любочка пару раз чего-то испугалась и прижалась к бидону, в груди что-то тянулось и обрывалось, тянулось и обрывалось... И тому и другому хотелось одного и того же — но до номера нужно было еще добраться...

Женщина — странное создание, в самые неподходящие, романтические моменты может думать совершенно о неподходящих вещах. Сейчас Любочка, вместо того чтобы насладиться компанией, думала, к примеру, о том, как Анатолий будет проводить ее на территорию санатория: она же не больная и у нее нет никакого пропуска или санаторной карты. Но переживала она зря, все получилось само собой, никто никого

не прятал, не пробирався украдкой к корпусу с соснами, парочка вразвалочку прошла мимо шлагбаума, охранник даже не обратил на них внимания... Много тут таких шляется...

Влюбленные направились вдоль просторных аллей санатория, подошли к скромненькому двухэтажному корпусу. Вокруг корпуса шли каемочкой балкончики, на которых были развешаны разноцветные полотенца. Анатолий Степанович неожиданно рванул вперед, потащив за собой даму, запыхтел, потом встал столбом, стал обхватывать Любочку, лодочки, покачавшись, оторвались от земли, Любочка наконец сообразила, что Анатолий Степанович признал свое полотенце и пытается перекинуть её через балкон! В последний момент она чудом успела остановить порыв.

— Жур! — строго сказала Любочка, расправляя воланы платья, Анатолий молча поставил ее на место и, ничего не сказав, покинул.

Любочка, теряясь в догадках, не знала, что и думать, но минуто спустя кавалер вышел и развел руками — корпус оказался не тот... Анатолий Степанович был не то что расстроен, почти деморализован, воинственность и напор куда-то улетучились, он только жалостливо переводил взгляд с одного корпуса на другой, которые в темноте казались все на одно лицо. Любочка, сообразив, что и тут без нее дело не склеится, взяла все в свои руки, стала задавать наводящие вопросы, собирать информацию. Вглядевшись в особенности ландшафта, увидела три рядком стоящие пальмы, в таз шириной цветы магнолии и клумбу-вазу, упомянутые в рассказе кавалером. Умничка Любочка наконец догадалась, что Анатолий Степанович ошибся на какие-то пятьдесят метров, они стояли совсем недалеко от его корпуса. Обрадовавшись тому, что наконец-то удалось выбраться из лабиринта, Анатолий предложил даме руку и повел к соседнему корпусу. Оказавшись с дамой в облитом светом помещении, Анатолий Степанович как-то подобрался и шел даже элегантно, во всяком случае не очень шумно.

Перед номером парочка остановилась, кавалер хихикнул, Любочка поняла, что это вырвалось нечаянно, в номер они прошмыгнули, как две незаметные мышки. Не успели они очутиться в темноте, Анатолий сгреб ее в охапку и потащил в пещеру. Когда они вдвоем плюхнулись на кровать, Любочка едва успела заметить рядом еще одну узкую, незаправленную кровать, на которой была куча всего навалена. Понятное дело, мужчина на отдыхе, ему ли до уборки? Любочка впопыхах сбросила туфлю, Анатолий Степанович пятерней хлопал по всей Любочке, потом, совсем о ней забыв, долго с кем-то боролся, что-

то грохнулось, судя по звуку, ремень, следом зашуршали упавшие штаны. Любочка догадывалась, что Анатолий Степанович предстал перед ней во всеоружии. Дальше все было как во сне! Разгоряченный Анатолий жал, тёр, мял. Любочка только и успевала вставить «жур-жур», до того все было хорошо. Потом он сосал ухо, лез в него языком, в общем, было ясно, что Анатолий Степанович в этом деле даже очень. Минут через пять мужчина отбрыкнулся, на мгновение затих, как будто умер, и тут же мирно засопел. Любочка, кое-как собрав облака платья, выбралась из-под Анатолия и поправила причёску. В темной ночи она была прекрасна! Да и все вокруг было прекрасно. Тишина. Еле заметные цветы на обоях. Впереди еще было пару часов темной южной ночи, но Любочка не стала дожидаться утра. Все, что должно было случиться, случилось, и это было незабываемо, с утра Анатолия Степановича ждали процедуры, и жизнь потечет дальше, она нащупала туфли, нашла сумочку, облокотилась на соседнюю койку, что-то как будто бы зашевелилось, Любочка подумала, что это земля уходит из-под ног, схватила сумочку и выскользнула в коридор.

Не успела за женщиной закрыться дверь, Алексей Иванович вылез из темноты на поверхность одеяла. Последние полчаса пенсионер провел в духоте и невыносимой жаре! Пару раз сердце заходило так, что он грешным делом думал — всё! Конец! Но он продолжал стойко переносить трудности, в конце концов, сначала он был мужчина, а уж потом язвенник, что бы там ни болтали врачи. Алексей Иванович ни в коем случае не завидовал (хотя сам давно уже избегал женщин), в любой момент, если бы захотел, мог вылезти и потребовать прекратить безобразия, в конце концов, это был двухместный номер, а не одноместные палаты, но поступить не по-джентельменски с дамой он не мог! Не позволяло воспитание. На рассвете Алексей Иванович, не спавший уже третью ночь подряд, все еще крутился как веретено, сбивая простыни. Утром, с пробуждением соседа, он решил поставить вопрос ребром: или Анатолий Степанович, к едрёной корове, снимает номер в гостинице или хотя бы через ночь, но дает ему спать!

Змий и три товарища

Сергей Иванович дрожащими руками нацепил очки. Только за сегодняшний день душа несколько раз отваливалась, но мужчина ее снова старательно прилаживал, это еще удача, что очки нашлись. Перед ним простиралось ровное сверкающее пространство, отражающее его собственное, не слишком уверенное изображение. Если бы ему лет двадцать назад наемкнули, что вскоре настанет такой махровый капитализм, он бы ни за что не поверил. Вот уже неделю мужчина каждое утро прилежно выходил на экскурсию в близлежащие магазины, некоторые успел посетить не единожды, но все как в первый раз!

Первым делом зарулил в «Колорадо», магазин выстроили рядом с его пятиэтажкой, но заглянуть туда все как-то не доводилось. Сказать, что впечатление было ошеломляющее, — ничего не сказать. Сергей Иванович бродил между стеллажами и только раскрывал рот, как рыба, эмоции были, а слов — нет. Полки ломились, одно это вызывало недоумение, не говоря уже о том, что выставленные аппараты кардинальным образом отличались от того, что еще сохранилось в его голове. Если бы его, еще будучи советским гражданином, забросили, к примеру, на нетвердую почву Японии, он бы и тогда удивился меньше.

Наткнувшись на телевизор, мужчина даже не сразу сообразил, что это и есть, туды его растуды, телевизор. Дома на тумбочке у них до сих пор стоял эдакий слонопотам в два обхвата, а тут на тебе, толщиной чуть больше фанеры, а размер при этом XXL, во всю стену.

Мужчина долго стоял, наблюдая за Ниагарским водопадом, прежде чем решился позвать к себе мальчика в красной кепочке. Сменилось, оказывается, уже два поколения телевизоров, трубки давно никто не использовал, экраны были жидкокристаллические и плазменные... Изображение было до того натуральное, что даже не верилось, что это телевизор.

Выяснив все интересующие его подробности, мужчина пошел бродить дальше, заглянул в барабан стиральной машины, прогулялся между моющими пылесосами, от одной полки отскочил — как зверь дробила зерна кофемашина... Буксовали, похоже, только утюги: всего пять режимов, спрей, отпариватель. Заглянув в холодильник, усмехнулся — появилась спецполочка «под это самое дело», но самое большое удивление вызвал, казалось бы, привычный чайник — агрегат дистанционно управлялся с телефона! Покумекав, Сергей Иванович сам дошел до того, что каждый чайник имеет собственный выход на спутник

и поддерживает связь с космосом...

Выйдя из «Колорадо», мужчина пребывал все еще в недоумении, цапануло, что называется, за живое, уж в чем в чем, а в телефонах, ему казалось, он разбирается, у Витька айфон, у Славика модель попроще, но тоже уважаемая...

Как по заказу, впереди нарисовалась забегаловка с телефонами, можно было зайти и все выяснить...

Не успел зайти в салон связи, его тут же подхватило, закружило, всё, что он собирался спросить, из головы вылетело. Как человек, отвыкший от публичности, Сергей Иванович даже не сразу понял, что перед ним разыгрывают презентацию!

Сначала какая-то разукрашенная девица прямо у него на глазах два раза хрястнула телефон об пол — а ему хоть бы хны, работает! Третий раз телефон уронили ласково — блямс! В полете он устроил настоящий кордебалет, но в последний момент успел бутербродно вывернуться и шмякнулся мордой вверх! Мужчина и без посторонних сообразил, что внутри у него заложена эквилибристика...

Когда стали намекать на покупку, Сергей Иванович вежливо поблагодарил и потопал дальше...

По эскалатору спустился вниз, постепенно расширяя зону обхвата.

Целый уровень занимал магазин «Сделай сам». Руки так и просились попилить, постругать, раньше кулачище ведь какой был, гвозди в доски по самые шляпки заколачивал! А теперь какой инструмент! Трали-вали, все такое аккуратненькое, как будто не стену долбишь, а в ухе ковыряешь.

Ряд магазинов мужчина принципиально обходил, ну на кой ему дамско-бабский трикотаж? На одной витрине на железных прутьях торчали штук тридцать кепок разных модификаций. Сергей Иванович потолкался возле двери, а потом взял и вошел, на макушке его сидела его собственная кепка, дающая вроде как повод.

Мужчина не спеша обвел глазом кепочное хозяйство и даже пожалел, что он не трехголовый. Его кепка, которая даже на заре своей молодости представляла собой всего лишь скромный вариант головного убора, сейчас была не то что прошлый век — прошлое тысячелетие! Прошли они с ней Крым и рым, за долгие годы непогод и неудач случалось ей отдыхать и на дороге, и в канаве, и в грязи, и в пыли, и в луже... Обронит он ее, бывало, но хоть ползком, да вернется, за козырек схватит, об колено пыль стряхнет — и снова они не разлей вода.

Сергей Иванович привычным движением поправил блин на голове, конечно, он отдавал должное своей фронтальной

подруге, но не мог проигнорировать и великолепие окружающего его изобилия. Один материал чего стоил — демисезонные, непромокаемые, легкие, на меху, а модели! Зашатаешься... С козырьком таким, с козырьком сяким, с ушками и даже с какой-то ерундой, чтобы шею не надуло, а вариант с молнией! К молнии можно было присобачить плащ, вот тебе и конструкция от дождя и ветра!

В рядок висели кепки разных цветов.

— Каждый охотник желает знать... — начал перебирать мужчина.

Кепка с блестками и вовсе его озадачила. «Неужто и тут что проморгал?! — не сумел он скрыть недоумение. — Мужики бабские кепки носят?» — но тут же успокоился, увидев будто специально для него вывешенную надпись: «Для дам».

На галерке висела кепка с надписью «Сочи-2014» и двумя занятыми зверями. Сергей Иванович потер подбородок — выступления спортсменов в нашу Олимпиаду посмотреть не довелось...

«Ну, ничего, скоро Бразилия, а там Сеул... будьте любезны...» — обнадежил себя мужчина.

Профессорскую кепку проигнорировал, уж слишком интеллигентная, зато рядом разглядел мелкую клеточку.

«Прямо Холмс, ёксель-моксель!» — Крякнув, стянул свой головной убор, хотел было протянуть руку, чтобы снять с крючка шляпу охотника за оленями, но тут, как муха на мед, из-за прилавка выпорхнула продавщица.

Мужчина недовольно насупил. Продавщиц в последнее время как будто подменили. Раньше была не продавщица, а пава, к ней и не подступишься, а эти проходу не дают... прилипчивые, как банный лист, как будто не понимают, что противно это нашему менталитету...

— Вот ту, — недовольно ткнул в угол мужчина.

Девушка смахнула приглянувшуюся покупателю кепку:

— Пожалуйста! Вон зеркало!

Мужчина пригладил рукой плешивую голову, надел модную клетку, краем глаза зыркнул в зеркало и замер, боясь шелохнуться.

Молоденькая продавщица выскочила из-за прилавка, откуда-то достала второе зеркало и приладила его так, что плешь стало видно и сзади.

За ухо цыганской серьгой зацепился ценник с красной смачной цифрой «500».

Сергей Иванович осел, как пожухшая трава, стянул кепку и попятился к выходу, не забыв прихватить свою фронтовичку.

Продавщица пожала плечами и опять нырнула в прячущийся за прилавком журнальчик. Старая кепка неммым укором сидела на макушке. Сколько за все эти годы можно было купить всяких кепок... Эх, да что там кепок!

По пути попался прилавок с перочинными ножечками, давнишняя слабость Сергея Ивановича, но мужчина только махнул рукой и прошел мимо.

На выходе из торгового центра чуть было не нарвался на Витька со Славиком, судя по добродушно-приятному виду, жизнь у тех потихоньку налаживалась.

Мужчина только и успел юркнуть за колонну. С двух сторон его обтекал людской поток. «Это ж сколько воды утекло с тех пор, как он сошелся с Витьком и Славиком? Тогда Белый дом, кажется, подорвали, Ельцин стоял на броневике, и закрутилось, понеслось, поехало...»

Мужчина незаметно прошмыгнул обратно в торговый центр и беспокойными прыжками пошел к противоположному выходу — лишь бы не попасться на глаза товарищам.

Зеленый змий был где-то совсем рядом, а так хотелось еще столько всего посмотреть...

Ключула!

— Ключула! — Славик чуть не прыгал. Самая животрепещущая проблема теперь состояла в том, как бы так поразить, чтобы окончательно сразить, чтобы уж потом никуда не делась.

До свидания оставалось целых три часа. Встреча была назначена на семь вечера.

В некоторых пунктах Славика все еще одолевали сомнения — не слишком ли высоко он махнул? Но он старался не подпускать их слишком близко. Любить — так королеву! Опуститься до уровня соседки Светки он всегда успеет.

Для начала нужно было привести в порядок собственную внешность. Славик полагал, что все происходит именно в первый момент. В какие-то миллисекунды все закладывается, цементируется, бетонируется, и потом уже ничего изменить нельзя. Очень важно не дать птичке выпорхнуть и обольстить Виолетту в первое же свидание, как только они окажутся фейс-ту-фейс.

В том, что настоящая Виолетта понравится ему еще больше, чем та, с которой он вел переписку, молодой человек не сомневался. Он уже успел заметить в себе приятные симптомы и убедил себя в том, что окончательно влип. Все началось с имени. Она оказалась не какая-нибудь Даша-Клаша, которых кругом пруд пруди, а, представьте себе, Виолетта! С Виолеттой, конечно, все будет по-другому и совершенно не так, как с Соней и Олей, это и ежу понятно.

Но, с другой стороны, выкладываться с Виолеттой тоже придется по полной. Виолетте абы что не подаришь, абы куда не поведешь, на Макдональдсе не сэкономишь, на то она и Виолетта! Да и у самого рядом с Виолеттой всё должно быть тип-топ.

С прикидом вопрос был решен. Куртку он стрельнет у Жеки. Жека — друг, ему не в лом, правда, придется расколоться, зачем ему понадобился кожаный «гелендваген», иначе Жека не отвяжется. Джинсы у него самого стильные, к тому же из друзей он самый худосочный. К Жеке заскочит, как только приведет в порядок растительность на голове.

Причесон — вот о чем Славик переживал больше всего.

Последнее время Славик стригся в парикмахерской эконом-класса «Пари Париж», которая располагалась в соседнем доме. Стригли там дешево, 250 рэ все удовольствие, за такую цену даже обидеться неудобно, не то что накатать жалобу или высказать все

в лицо. Масум и его два брата ушли из дворников в индустрию красоты и так ловко чикали ножницам, что переманили к себе всю пенсионерскую клиентуру из ближайших салонов. Никто к ним силком не тащил, салонов поприличнее в округе было достаточно, но там уже от 900 рэ.

Разница ощутимая...

Идти к Масуму и кусать потом локти, нет, не для этого он угрохал столько времени и сил на Виолетту, чтобы всё сорвалось из-за так себе стрижечки!

Славик заглянул в свой старый рахитный бумажник, пузо которого распирало разве что от скопившихся монет. Деньги, конечно, могут присутствовать и не в виде шуршащего элемента, а лежать на банковском счету, но и тут Славик пролетел. Ни банковских, ни даже всякого рода скидочных карт у него и в помине не было. Славика, похоже, единственного во всём городе не поздравляла со всеми праздниками Снежная королева и не заманивала в свои сети Летуаль.

Молодой человек зашуршал бумажками — негусто. Сам бы он, ясный пень, на эти деньги протянул бы и неделю, если надо, и месяц, но для свидания с Виолеттой суммы этой было катастрофически недостаточно: Вдруг бы Виолетте чего-нибудь захотелось?..

«Стоп! Светка!» — промелькнуло в голове молодого человека.

Светка сама ему говорила, что недавно закончила курсы, теперь она дипломированный специалист. Раньше соседка орудовала без всяких дипломов и, насколько ему известно, довольно успешно — к ней ходили все одиннадцать подъездов их дома. Стригла, значит, на совесть, во всяком случае, не хуже братьев. Возьмет, конечно, недорого, тем более с него.

Славик не без некоторого самодовольства погладил почти девственный подбородок. Молодой человек давно подозревал, что Светка неровно к нему дышит, он же её, между нами девочками, считал чем-то вроде запасного аэродрома. Славик берег себя для чего-то более... невероятного... Но подстричься у Светки — идея неплохая. Осталось только придумать удобоваримый предлог, чтобы соседка ничего не заподозрила. Предлог тут же нашелся, даже врать не пришлось: Славик недавно устроился на новую работу и в скором времени должен был присоединиться к новому молодому коллективу мерчендайзеров бытовой техникой.

Налетай, разбирай!..

.....

Ветер скрылся в нашем фене,

Дым валит из утюга,

Тазом крутит синьорина,
У нее внутри вода!

Не откладывая задуманное в долгий ящик, молодой человек направил лыжи к Светке.

Времени в обрез!

Светка оказалась дома и без клиентов. Повезло так повезло! Глянув на заросшую, неухоженную шевелюру Славика, соседка поняла все без слов и указала молодому человеку, куда пройти. Славик зашел в Светкины хоромы и влез на стул.

Светка была высоченная, клиентская табуретка была тоже высокая. Славик, напротив, был миниатюрный, даже изящный.

— Мне бы... — буркнул себе под нос молодой человек.

— Понятно, — проговорила Светка, подойдя вплотную к табуретке. Девушка глянула серьезно, даже оценивающе. Трон вместе со Славиком оторвался от земли. Светка придвинула их ближе к зеркалу.

— Мне бы... — Схватившись за стул, Славик поймал равновесие.

— Понятно... — Светка нацепила на него что-то шуршащее, туго затянула шнурок на шее.

— Мне бы... вот так вот... — проговорил Славик, стараясь освободиться от закрывающей ему рот накидки.

— Угу... — Светка принялась за работу.

Славик хотел еще вставить что-то про новую работу, про коллектив, но не успел. Светка засопела.

Славик, как бы ни доверял Светке и её безупречной репутации, все равно очень боялся попасть впросак с Виолеттой. С опаской поглядывая на шустро чикающие ножницы, набрался духу вставить пожелание, чтобы получилось не так, как у Масума, но пока не вставил. Рядом на столике были разложены журналы и, как нарочно, на обложке одного из них сверкал жемчугом мужик с обалденной прической.

Заметив этот причесон, молодой человек все-таки набрался смелости, зашевелился и приготовился уже высунуться из-под покрывала, но Светка одернула занавеску и начала выстригать машинкой затылок.

Славик чуть было не вспыхнул: будь его воля, прямо сейчас же ушел — и видала его Светка!

Но в том-то и дело, что воля была уже не его, а Светкина.

Соседка тем временем схватилась за кончик уха, больно оттянула его на себя и уверенно чикала ножничками за ухом.

Молодой человек смирился с неизбежным, убедив себя в том, что не зря же к Светке весь дом ходит, и не такие птицы, как он, шевелюру стригут.

С особенной тщательностью Светка чикала у висков, пару раз хмыкнула себе что-то под нос, но это совсем не значило, что девушка приглашала Славика к беседе. Она вдруг притихла, работала сосредоточенно, с особой тщательностью подбирая волосёнок к волосёнку. Затем погнала его в ванную.

Славик хотел было воспротивиться, но она лично стянула с него футболку и пустила струю теплой воды.

— Я бы... — Славик хотел было сказать, что у него тоже ванная и он мог бы сбежать к себе.

— Понятно! — прокричала Светка сквозь шум и дым поднимающейся воды.

На этом дело не закончилось. Молодой человек уже пожалел, что попал в Светкины руки, проклинал и себя, и её, и то, что Виолетта назначила свидание так неожиданно.

Он собирался сам высушить голову полотенцем, но Светка и тут не дала ему ничего делать — быстрыми движениями всё высушила сама.

Молодой человек выдохнул, он был уверен, что на этом всё кончится, но Светка опять потащила его на долговязый стул, поппикала чем-то приторно-сладким, зажужжал фен.

Славику стало припекать одно ухо, но Светка профессионально что-то переключила и на него подул свежий, прохладный бриз. Молодой человек еще пару раз рыпнулся, а потом плюнул на все и расслабился — в Светкиных руках было не так уж и плохо. Тайком он, правда, пару раз бросил взгляд на часы, до randevu оставалось достаточно времени — можно было чуть-чуть и побалдеть.

Светка шебуршала на макушке, фен она уже выключила и теперь что-то там вытягивала, нежно подергивала, щекотала. Славик куда-то уплыл, когда он приплыл и глянул на часы, до свидания со знойной Виолеттой оставалось полчаса!

Славик дернулся, но на нем опять была смирительная рубашка, он и не заметил, когда Светка снова её натянула.

Сорок минут, которые могли, по мнению Славика, уйти на самую забубенную мужскую стрижку, давно прошли. Славик, с трудом себя сдерживая, чуть не плакал: «В кои-то веки клюнула, да еще не кто-нибудь, а Виолетта...» Никакая Виолетта ждать его, конечно, не будет... Катя-Соня, может быть, еще и ждала бы, но Виолетта — черта с два.

Молодой человек попытался найти дырку для рук, но Светка что-то дернула, смирительная рубашка затянулась еще крепче.

Девушка повелительно глянула и начала в очередной раз что-то разбрызгивать. На это ушло еще минут пятнадцать, потом Светка вдруг развязала все путы и удовлетворенно посмотрела на свою работу.

Славик чуть не со слезами слез с табуретки и понесся в прихожую, думая о том, как он будет вымаливать у Виолетты прощение... если она, конечно, его дождетсЯ...

Он совершенно забыл, что должен Светке её положенные и честно заработанные деньги.

В прихожей молодого человека ждал еще один сюрприз: на месте, где он оставил свои тапочки, никаких тапочек не было.

Славик нагнулся, заглянул в галошницу, но ничего, кроме Светкиных каравелл, не нашел. Молодой человек не постеснялся (какое уж тут стеснение!), встал на карачки и обследовал все возможные места их пребывания, но все было тщетно.

Прошедшая на кухню Светка как будто не заметила этих отчаянных трепыханий.

— К черту тапки! — Славик рванулся к двери, но ключа, который обычно торчал в двери, тоже не было.

Славик дернул дверь, дернул еще раз... зачем-то встал на цыпочки, прильнул к глазку... прямо по курсу маячил номер его собственной квартиры... Какой там «рыбий глаз»!.. Самый что ни на есть «шпионский объектив»!.. Закралась подлая мысль, что Светка устроила стратегический наблюдательный пункт!

Чуя сердцем неладное, Славик оставил перископ и потопал на кухню.

Светка уже сидела за столом. На столе стоял хендмейд-пирог. Были налиты две чашки.

Светка как ни в чем не бывало хлебала чай. Обмерив соседку жестоким взглядом, молодой человек вздохнул и уселся рядом.

В кармане вдруг что-то задребезжало. Светка и ухом не повела, взяла и положила Славику кусок пирога. Славик еще раз вздохнул, сбросил Виолетту, поставил телефон на беззвучный и уселся пить чай.

— Понятно, — отхлебнув, проговорил он.

Спасайся кто может!

— Да ты кто такая-то?! Цаца столичная!

Последняя выпущенная фраза возымела эффект.

Елена Павловна некоторое время сидела, неопределенно хлопая глазами, вроде бы даже и не веря, что подобное обращение может относиться к ней. Давненько не доводилось ей оказываться в подобной ситуации. Пока женщина набирала в легкие воздух, ей вспомнилось, что когда-то невозможно было даже представить, что по белокаменной с её проспектами и бульварами, садовыми и триумфальными будет ходить вот такое вот мурло, которое сидело сейчас с ней рядом.

Сидящая рядом Людмила Сергеевна после метко пущенной фразы если и не торжествовала, то, во всяком случае, была уверена, что значительно укрепила свои позиции. Женщина не без удовольствия наблюдала, как подбитый враг медленно пикирует. Пока Елена Павловна продолжала наполнять себя воздухом, Людмила Сергеевна бросила на нее уничижающий взгляд. Чего греха таить, Людмила Сергеевна была рада возможности наконец выплеснуть в ненавистное лицо всё, копившееся в ней долгие годы и недосказанное в адрес самых разных людей в самых разных ситуациях. Старые обиды и «колбасные» поезда навсегда врезались в память. Ну разве это справедливо, что все лучшее москвичам?! Кофе бразильский, сервелат финский, чай со слоном — москвичам! Обои, люстры, ковры — москвичам. Шпроты, консервы, колбаса тянутся караваном из столицы. Майкл Джексон приехал — опять в столицу! А остальные? Убогие, что ли?

Женщина оторвала глаза от длинного ящичка, из которого торчало не меньше сотни корешков.

Со стен на спорщиц смотрели серьезные молчаливые мужи.

«Да разве все они были столичные?!» — подумала женщина, оглянувшись на присутствующих. Была, конечно, и белая кость, не без этого, но по большей части — из простых. Один вон её земляк, таганрогский, у них даже памятник ему установлен на Красной площади¹³. Да хоть один москвич знает про это? Женщина глянула на мужчину в пенсне, но тот, кажется, не особо внимательно следил за происходящим.

— А ты кто такая? — наполнила наконец баллоны Елена Павловна. — Приехала из Каракумов, а я в третьем поколении москвичка! Я родилась в Москве! Я всю жизнь прожила в Москве! В центре! — отбрила она соперницу. (Елена Павловна не стала уточнять, что район Новослободской — это все-таки не совсем

центр, а после того, как их расселили, она и вовсе жила на окраине.)

Людмила Сергеевна пропустила мимо ушей это пустое бахвальство, посмотрела на сидящую рядом с пренебрежением, даже с жалостью. Это только у москвича может быть такой географический кретинизм. Москва у них — пуп земли. За МКАДом люди не живут. Где Урал — там Сибирь и Дальний Восток. А где Северный Кавказ — там и Каракумы.

Пока Людмила Сергеевна позволила себе пожалеть жителя столицы, Елена Павловна вдруг вспомнила, как она раньше ездила в санаторий или просто куда-нибудь в глубинку. Стоило ей только с таким характерным московским «аканьем» ответить на нечаянно заданный вопрос («Так вы из Москвы?» — «Да-да, из Москвы!»), так сразу становилось понятно, кто ты, а кто корова в пальто.

А сколько всегда было охотников к москвичам примазаться! Приедут откуда-нибудь из Серпухова или Подольска и пудрят мозги — и мы, дескать, не местные, и мы из столицы! Елена Павловна обожала вывести таких на чистую воду, подкидывала пару вопросиков на засыпку: «Из какого вы района? Какое метро рядом?» Горе-москвич отвечал невпопад, и Елена Павловна под белы рученьки выпроваживала его из белокаменной в родные пенаты: «Ну куда же вы, простите, со своим рылом? Жили в своем Фрязино и живите дальше!»

В груди Елены Павловны заклокотало, она вспомнила истории уже не из собственной молодости, а случаи из новейшей истории. Живя на окраине столицы, женщина могла хоть каждый день наблюдать, как творится эта самая новейшая история. Идешь по родному Оврагову, на допотопных велосипедах обгоняют тебя горячие южные парни, а не ребяташки. В ближайшей школе полкласса «курлы-курлы», причем второй язык не французский и не английский. Недавно, когда пришла платить за квартиру, её обслужила не Танюша, Танюша уволилась, а на её месте сидел мужчина с волосатыми руками, которые привычнее видеть жарящими шашлык.

Елена Павловна, конечно, как могла, избегала категоричности во взглядах, вслух она ни о чем таком не говорила, ей очень хотелось считать себя гражданином мира. Занимая подобную позицию, женщина, безусловно, не могла не считаться с тем, что творится вокруг. Ту же Европу захлестнула волна беженцев, в парижском метро каждый второй был тоже не из Прованса. Собственная интеллигентность подсказывала женщине, что не просто так люди бегут с насиженных мест — отливаются кошке мышкены слезы.

Но тут же на ум приходила Танюша из отделения банка и то, что их местный дворник отстроил у себя на родине дом уже третьему сыну, а у них на соседней улице открыл парикмахерскую, выходит, не такой уж он и несчастный... И все-таки было что-то неправильное в том, что люди сидели-сидели где-то там у себя, а потом взяли и все разом приехали к ним в Оврагово!

Плывя в утлой лодке сострадания и желания войти в положение ближнего по безбрежному океану несправедливости, Елена Павловна, возможно, и дальше смогла бы сохранить зыбкое равновесие, но Людмила Сергеевна одной неосторожной фразой протаранила ее на полном ходу.

— Да на себя-то посмотри! Ни рожи, ни кожи! Муж и тот сбежал... — пустила лодку ко дну оппонентка.

Всю жизнь Елену Павловну сопровождала благородная бледность, теперь к ней примешалась и желтизна. В последнее время стало особенно заметно, как она зачахла и скукожилась. Неприятно было и то, что она позволила себе сболтнуть лишнее. Муж у нее был действительно подлец и не пропускал ни одной юбки.

Выросшая в провинции Людмила Сергеевна, судя по всему, осталась довольна сказанным. Некому было заниматься ее воспитанием, некому было подсказать, что переход на личности — дело опасное, потому как неизвестно, чем может закончиться.

Остапа понесло!¹⁴ Елена Павловна резала правду-матку, мужи, поглядывающие на неё со стен, казалось, говорили: «Спасайся кто может!»

Невозмутимым остался один лишь убелённый сединами старец.

Елена Павловна вспомнила всё! И как она сначала отнеслась к Людмиле Сергеевне, как к родной (одна дальняя родственница попросила ее приютить гостью у себя, и она не только приютила, но даже разрешила две ночи переночевать)! И как она дала ей телефон своего врача, когда у нее скакануло давление! И как она взяла ее с собой в театр и даже не взяла за это денег! Но самое главное — прицепилась, бог ее знает почему, к среднеазиатским Каракумам!

Позволила Елена Павловна себе и вовсе непозволительное.

Людмила Сергеевна, со слов Елены Павловны, кочевала, как некое животное, поэтому-то её и занесло в Москву. Она была тоже выючная — вспомнить хотя бы, сколько она приперла на себе сумок, когда остановилась у нее. И даже горб у нее был такой же (Людмила Сергеевна действительно несколько сутулилась). Даже выносливость Людмилы Сергеевны ставилась ей в укор. Бей,

таких не добьешь! Куда бы их ни занесло — все вокруг передохнут, а эти выживут! Жрать будут что придется! Воду пить хоть соленую (Людмила Сергеевна и правда запросто хлебала рассол от помидоров). Что же касается ее «рожи», может, у Елены Павловны и было с ней что-то не так, зато у Людмилы Сергеевны мозоли были, как у колхозницы! И она не удивится, если за ней еще подтянутся и другие из Каракумов, потому что она — животное стадное и жвачное!

Жестокие слова, как песчаная буря, хлестали приезжую Людмилу Сергеевну.

Многое из сказанного было правдой. Что поделаться... приходилось как-то выкручиваться, приспособливаться... Жила она скромно, не шиковала — не у всех же палаты каменные. Надо бы было — жевала и саксаул. Что касается ухода и мозолей — не было у нее возможности за собой ухаживать!

Людмила Сергеевна выросла на стуле, обернулась к стеллажам, сделав вид, что ей там что-то понадобилось, пожевала-пожевала и раз уж Елена Павловна допустила подобное сравнение — взяла да и плюнула сопернице на спину! Пожалуйста, если уж ей так хочется, чтобы она была похожа на некое жвачное животное!

Елена Павловна ничего не заметила. Она продолжала надписывать библиотечные карточки. Свидетелем происшествия остался один лишь востроносенький Гоголь, грустным, извиняющимся взглядом поглядывающий на женщин со стены.

Похождения Ирины Сергеевны

Ирина Сергеевна недавно переехала в новый дом и круто взялась за устройство собственного счастья. Раньше все было как-то не до того. Замуж она, как и положено, сходила, но после трехмесячного супружества муж обьялся груш, и она в свои нежные восемнадцать осталась одна. Шли годы, мелькали раздражающие 8 Марта, мужчины на улицах несли цветы, но все не ей, никто не стучался в дверь женщины. На работе Ирина Сергеевна не шалила, не так была воспитана, вне работы — рада была бы хвостом вильнуть, да все как-то не получалось, то человек не попадался, то времени не было, всё откладывала, а когда приоритеты поменялись — пришло время выходить на пенсию.

За долгие годы одиночества женщина имела достаточно времени обдумать свою холостую участь, придумала даже собственную теорию. Исходя из этой теории, одним мужчиной выдается один раз и на всю жизнь, а у других, в силу непонятных причин, мужчина то есть, то нет. Не жизнь, а пунктирная линия: под конкретную жизненную задачу подтягивается конкретный мужичок, засучив рукава, выполняет работу, а как только все сделано, мужичок исчезает. «Ауфвидерзейн, майне кляйне!¹⁵ Закройте за мной дверь!» И нет никакой возможности придержать его хотя бы до следующей задачи. «Не надо беспокоиться, тётя. Будет повод — подойдет следующий товарищ!»

У Ирины Сергеевны были две сестры, и та и другая всю жизнь прожили с единственным мужем. Людмила прожила со Степаном, и жизнь эта была наказанием (но Люся, не отличаясь оригинальностью, считала, что лучше жить с наказанием, чем одной). Вторая сестра жила, как у Христа за пазухой, со своим академиком. У Ирины Сергеевны каждый раз выскакивал кто-то из ларца, однако, в отличие от известных персонажей, делал всё не тяп-ляп, а быстро, качественно, на совесть, так что и придраться было не к чему. Ирина Сергеевна нарадоваться не могла, но, как только она тянула ручки к работнику, ларец тут же захлопывался. Женщина еле успевала отдернуть руку. И так каждый раз!

Когда она решила сделать ремонт, из ларца выскочил Алексей Семёнович, да не один, а со всем необходимым инструментом и машиной, причем грузовой. Руки у Алексея Семеновича были золотые. Мужчина знал все тонкости и подвохи ремонтных работ, знал, почему мог вздыбиться паркет, неровно лечь краска и какие есть хитрости у обоев. Одним словом, мастер.

Гвозди сами подставляли шляпки под его молоток! Но... сгинул мужичок быстрее, чем успела выветриться краска в прихожей. В министерство, в котором она и проработала почти двадцать лет, ее устроил Юрий Андреевич, устроил и был таков, больше Юрий Андреевич в её жизни не появлялся. Жизнь любой, тем более одинокой женщины состоит не из одних только будней. Когда Ирина Сергеевна ехала на отдых, всегда находились одинокие женатые мужчины, готовые пожалеть женщину. Не надо говорить, что после отпуска они исчезали, как исчезает добежавшая до берега волна.

В определенный момент, испугавшись, что время уходит, женщина решила родить, хотя бы для себя — свои услуги предложил Георгий Иванович, который и стал впоследствии отцом её единственного сына Валерки, света в окошке. Причем и тут пожелать лучшего нельзя было! Мужчина Георгий Иванович был крепкий, здоровый, один рост чего стоил, без всяких наследственных аномалий — такого нужно было еще поискать, даже в банке спермы. И все получилось по-человечески, а не из пробирки. После того как все было сделано, мужчина сам, в обход семьи (хорошие мужчины на дороге не валяются), решил выделять ежемесячную сумму на содержание сына, хотя сразу условились, что для Валерки он навсегда останется погибшим летчиком. Мужчина и в дальнейшем не подвел: Валера сам поступил в институт, причем на бюджет, так что от отца он получил не только прекрасные физические данные, но и приличный умственный потенциал. Георгий Иванович всю жизнь проработал в лаборатории, был кандидатом не каких-нибудь, а технических наук.

В следующий раз мужская помощь понадобилась, когда встал вопрос об армии, и тут как-то опять все разрешилось само собой. Подвернулся Илюшенька. Илюшеньке было хорошо за пятьдесят, у него были связи в военкомате, мужчина ничего не требовал, только водил в театр и жамкал ручку. Ирина Сергеевна относилась ко всему с пониманием, здесь так же не успело ничего завязаться. Илюшеньку хватил удар.

Женщина недоуменно развела руками — и вот тут-то её и ткнуло. Ирина Сергеевна поняла, что пришла ее собственная осень. Прижало так, что мама не горюй. Захотелось простого женского счастья, да такого, чтобы принадлежало только ей, а не выписывалось, как рецепт, для каждого конкретного случая. (Если кто-то подумает, что Ирина Сергеевна всю жизнь меняла мужчин, как перчатки, возьму на себя смелость ему возразить. Нет ничего печальнее бесхозной женщины, как бы она там ни хорохорилась, что бы ни говорила... Такая женщина, как собака,

готова ластиться к любому, кто скажет ей доброе слово.)

Подстегнуло женщину к поискам своей половины еще и то, что и Валерка набирал обороты. На третьем курсе укатил на практику в Европу, там и остался, мать не забывал, общались каждую неделю по скайпу. А однажды прислал и вовсе смешное послание: «Дескать, мать, собирай рюкзак, забираю тебя к себе!»

Засковчало материнское сердце. Ирина Сергеевна и мечтать не могла о такой милости: встретить старость с единственным сыном, с долгожданными внучатами! Тем не менее себя остановила — должна быть и у нее совесть! Не вязать же сына по рукам и ногам. Валерка, доброе сердце, и впрямь станет таскать за собой старушку по Европе.

Так что нужно было поскорее устраиваться, чтобы и Валерке было спокойнее.

Искать! Да не просто искать, а ускориться, не триста же лет она жить собирается, и так сколько времени в песок ушло. Искать... Но где? Ходить по выставкам? Так она уже не в том возрасте, чтобы на нее клевали. Не кустодиевская она и даже не рубенсовская женщина, чтобы заинтересовать ценителя. В театр сама не пойдешь, в кино тоже, да и не по возрасту. Памятуя о том, что зачастую люди сходятся на основании общности интересов, женщина задумалась: не примкнуть ли ей к какому-нибудь кружку по интересам, к собачникам или клубу автомобилистов. Но приручать животное только ради своих меркантильных целей она не решилась, а права она так и не получила, хотя машина стояла, Валеркина. Обидно, мужчины там и там водились, но и то и другое — отпадало.

Ирина Сергеевна начала оглядываться по сторонам — не одна же она на целом свете с подобной проблемой. Вполне естественно, что вскоре взор упал на интернет. В наши дни все дороги туда ведут. Ирина Сергеевна даже не могла вообразить, что паутина опутала столько народу. Складывалось такое впечатление, что народ забросил все дела, не пьет, не ест, а только и делает, что женихается.

Интернет был буквально запружен разными жениховскими сайтами. Разброс типов, характеров, возрастов был просто умопомрачительный. Ирина Сергеевна только диву давалась. Попадались женихи не то что довоенные — дореволюционные! Некоторые, казалось бы, уже имели пару, но подыскивали себе третьего. Некоторые, как выяснилось потом, ничего не искали, а просто тусили. Предлагалось и что-то типа сопутствующих услуг. Особенно любопытными оказались одни курсы, специально для женщин. Счастье, оказывается, напрямую зависит от некоторых мышц, от того, насколько женщина умеет ими

владеть (заранее прошу прощения у слишком взыскательных читателей). После окончания курсов выпускницы должны были научиться не только крепко держать орех, но даже его чистить.

Орудовала Ирина Сергеевна втайне от кого бы то ни было: сестрам было её не понять, они всю жизнь при мужиках прожили, а перед Валеркой было элементарно стыдно, скажет, мать на старости лет сбрендил! Женщина даже не могла предположить, что интернет может так затягивать. Теперь-то она понимала, как это некоторые всю ночь напролет просиживают во всемирной тине!

Попыхтев, Ирина Сергеевна зарегистрировалась на трех сайтах, всему нужно было учиться. Ответила на вопросы анкет, скостила себе пять лет, заметив, что в интернете это сплошь и рядом, потратилась на художественную фотографию. Фотограф из фотоателье оказался настоящим мастером: посадил так, как нужно, голову повернул туда, куда надо. Короче, все сделал так, чтоб по одному только виду было понятно, что женщина не против, но не было и намека на вульгарность.

Ухлопав сто рублей на повышение рейтинга, Ирина Сергеевна пустилась во все тяжкие. Женихи повалили, как из рога изобилия!

Дальнейшие события развивались автономно, ни на что повлиять женщина уже не могла. Сначала Ирина Сергеевна отбивалась от тинейджеров. Потом еле-еле спаслась от попыток увезти ее в Германию и даже в Австралию. Затем нарвалась на Вадика, который оказался женщиной. Когда на страничку к ней зашел Олег Леонидович — мужчина (во всяком случае, так было указано в анкете, Ирина Сергеевна уже знала, что не всему написанному можно верить), которому было пятьдесят семь лет (пусть даже шестьдесят семь, тоже еще не старый), бывший военный (и на гражданского согласна), вдовец с однокомнатной квартирой (можно и без квартиры, жить есть где), Ирина Сергеевна чуть было уже не присела в позу «Ку», но... откуда-то выскочил прыщавый подросток и поздравил её с Первым апреля.

После подобных осечек у кого угодно могли опуститься руки, но женщина продолжала бороздить бескрайние просторы...

Настоящим потрясением стало для нее, когда к ней на страничку зашел Георгий Иванович, летчик, высылающий столько лет деньги на содержание сына. Георгий Иванович, конечно, сразу её узнал и... повел себя неожиданно. Начал заигрывать. Ирина Сергеевна готова была провалиться сквозь землю, пыталась выдать себя за другую Ирину Сергеевну, пусть даже с таким же именем и внешностью, но мужчина продолжал отправлять ей неприличные картинки, писал сальности, резвился, как молоденький козлик, короче, вел себя неинтеллигентно.

Вопору было думать, что Георгия Ивановича самого подменили. Женщина отбивалась, пытаясь уберечь от разнузданного типа хоть крохи того образа отца своего ребенка и почетного семьянина, который еще хранился в её сердце. Но мужчина продолжал егозить.

Ирине Сергеевне ничего не оставалось, как бежать из интернета.

Неделю компьютер вообще не включала. Еще неделя ушла на удаление всех анкет.

Ирина Сергеевна почти смирилась со своей участью, и тут произошла долгожданная встреча. Правду говорят англичане — самый темный час перед рассветом.

Кто бы мог подумать — всё случилось на её собственной лестничной площадке.

Выбрасывая помойное ведро, женщина встретила Алексея Ивановича.

Как так случилось, что Ирина Сергеевна и Алексей Иванович познакомились только спустя полгода после того, как переехали в новый дом, объяснилось банально просто. С мая по октябрь Алексей Иванович жил на даче, куда он и отчалил, когда все заселялись, и сын с невесткой перевезли весь скарб без него. С дачи Алексей Иванович прикатил румяный, загорелый, бодрый — еще бы, столько времени провести на свежем воздухе, занимаясь благородной физической работой. И вот тут-то с мусорным ведром его и перехватила Ирина Сергеевна.

Довольно быстро выяснилось, что Алексей Иванович вдовец, домосед, агроном, как некоторые, глупостями в интернете не занимается, еще крепенький. Ирина Сергеевна не форсировала события, ненавязчиво пригласила мужчину на огонек, Алексей Иванович взял и пришел.

Счастье еще никогда не подбиралось к Ирине Сергеевне так близко.

Алексей Иванович даже как будто стал ухаживать.

Мужчина удивил. Помимо аграрных вопросов, он интересовался и политикой, и культурой. В прошлом году брал штурмом Третьяковку, чтобы еще раз полюбоваться на «Девушку, освещенную солнцем» кисти Серова. За год до этого, в такую же непогоду, отстоял девять часов в очереди к Дарам волхвов в Храм Христа Спасителя. Ранее прикладывался к Плащанице, а недавно успел отхватить билет на готовящуюся экспозицию Айвазовского, хотя билеты еще не выкинули в продажу. Взахлеб рассказывал про «Волну», «Девятый вал», которые должны были вот-вот

прибыть из Русского музея. Ирине Сергеевне даже стало неудобно за свою неосведомлённость. Пару раз за зиму они сходили в театр. Театральная Москва удивляла. Много видели такого, чего раньше было не увидеть. На одном спектакле блеснул, как манифест, чей-то зад. В некотором недоумении оставил еще один режиссер со своим видением русской классики, за Пушкина было чуть-чуть обидно. Парочка тихонечко ушла со спектакля, каждый сделал для себя вывод, что где-то они уже отстают, не всё понимают...

Зима пролетела, как один миг. Весна пришла с ощущением томления и недосказанности.

26 апреля Алексей Иванович резко прекратил свои хождения (Ирина Сергеевна хорошо запомнила эту дату, в этот день началась акция в магазине «Садоводы, огородники». Позже, перебирая в памяти произошедшее, женщина вспомнила, как незадолго до события Алексей Иванович вскользь о нем упоминал, а она по глупости не придавала этому значения).

27 апреля Алексея Ивановича вместе с пятьюдесятью саженцами перца и помидоров погрузили в машину и увезли в неизвестном направлении. Хотя почему неизвестном? Алексей Иванович говорил, что у них дача под Волоколамском.

Земной шар, конечно, не выскользнул у женщины из-под ног, но, однозначно, вокруг все несколько пошатнулось. Чувство было такое, что с ней от скуки, а может, от нечего делать поиграли, позабавились, а потом унесли к еще не вылупившимся патиссонам.

Алексей Иванович не звонил, не писал, вел себя так, как будто был на военном задании и не мог себя обнаружить. Когда Ирина Сергеевна, наступив на девичью гордость, позвонила ему сама, мужчина поговорил с ней с прохладцей, Ирина Сергеевна поняла, что она лишняя на этом празднике колхозника, и не стала навязываться.

Обратно вернулся дачник только в ноябре. При встрече хотел было рассказать женщине о том, как не хотели расти огурцы и как потом поперли, как ветер чуть было не повалил теплицу, как с соседнего участка к ним лезли жуки в арестантских пиджаках и как Алексей Иванович их отчихлофосил. Ирина Сергеевна холодно его выслушала, не тронуло женщину даже то, что наглые соседские пчелы собирали мед с Алексея Ивановича соцветий.

Много воды утекло за эти полгода. В общем, не до того сейчас было Ирине Сергеевне. Приключилось несчастье с сестрой. Людмила в своем вечном уходе за Степаном, то больным, то дурным, то пьяным, совсем забросила себя, когда хватилась — было уже поздно, третья стадия. Сгорела, как свечка. Похоронили

ее в июле. Степан и вовсе на человека перестал быть похож. Когда Алексей Иванович вернулся с дачи, она уже два месяца, как сайгак, через день моталась с «Перово» на «Тушинскую» ухаживать за младенцем.

Алексей Иванович ни с того ни с сего начал на что-то намекать, что уж там ему привиделось, на грядках с капустою? Подловив ее у мусоропровода, сказал что-то наподобие тех слов, которых она так и не дождалась от него прошлой весной. Говорил как-то очень много, а потом взял из ее рук помойное ведро и посмотрел в глаза... Ирина Сергеевна поняла, что мужчина не против совместного проживания.

Природа предложения открылась очень скоро. Ирина Сергеевна невольно подслушала, лестничная площадка одна. За эти несколько месяцев не только у нее всё переменилось, но и у соседей тоже. Сын Алексея Ивановича, Федор, не только успел разбежаться с бывшей супругой, но и привел в дом другую невесту, та была уже на сносях. Что-то в отношениях между свекром и новой хозяйкой не заладилось. Житья Алексею Ивановичу дома не было. Невестка, кажется, даже грозилась сдать его в круглосуточные консьержки в соседний подъезд. Алексей Иванович, скорее всего, был напуган, видимо, от этого и вспомнил Ирину Сергеевну и ее задушевность...

Но в одну реку не войдешь дважды. Ирина Сергеевна, может быть, и хотела бы протянуть руку соседу, не злопамятная она была женщина, хотя в сердце еще сидела заноса от того, что она не выдержала конкуренции с кабачками и тыквой, но сейчас ей нужно было решать вопрос с Люсиным Степаном. Степан был в более плачевном положении, чем хоть и упавший духом, но физически крепкий сосед.

Алексей Иванович худо-бедно мог бы протянуть и в будке консьержки. Да и с Люсей не могла она так поступить.

Поздней осенью Ирина Сергеевна перевезла к себе Степана. Теперь с ней рядом постоянно был её собственный мужчина, да еще такой, который никуда от нее не денется. Левую сторону Люсиного чада парализовало.

Не прошло и месяца с того момента, как Алексей Иванович вернулся с дачи, Ирина Сергеевна через окошко на кухне увидела, как его опять грузят и увозят, уже одного, без рассады, в том же направлении.

В душе что-то трепыхалось, но в общем за него женщина была спокойна. Как-то Алексей Иванович обмолвился, что дача у них зимняя, теплая, да и сын с невесткой — не злодеи, не оставили бы старика в неотапливаемом помещении.

При каждой возможности Ирина Сергеевна передавала через

Фёдора Алексею Ивановичу привет, он ей с дачи присылал баночку-другую патиссонов и просил вернуть пустую тару обратно.

Мартовский кот

Так вот она какая, любовь...

Утро в компании «Футурити Ленд»¹⁶ начиналось, как обычно. Кто-то внизу чистил ботинки. Новый шведский агрегат только что установили, и к нему успела выстроиться очередь желающих привести в порядок обувь, погода на улице была швах! Весенняя, отвратительная. Кто-то прямо за рабочим столом пудрил нос. Кто-то, пробежавшись по инету и убедившись в том, что в радиусе десяти км все спокойно, менял обои на экране. Непокойно было одному Селиванову, и беспокойно вдвойне от того, что Лев Андреевич пока не мог понять причину своего беспокойства. Мужчина подходил к этому состоянию и так и этак, пытался его анализировать, но ключик к себе, как он ни бился, пока найден не был.

Лев Андреевич тем не менее не сдавался. Пытался восстановить хронологию, вспомнить, с чего все началось, методично перебирая все события, произошедшие с ним за последнее время. Память у него была блестящая. Позавчера утром он, например, пришел на работу и имел двусмысленный и тем не менее кристально понятный для обоих разговор с Лакомкиной. Он помнил этот диалог слово в слово, во-первых, ему помогла уже упомянутая блестящая память, ну, а во-вторых, обидные слова, они, к сожалению, не так быстро выветриваются.

— А может? — именно так начал разговор Селиванов.

— Хм-хм, — это была Лакомкина.

— И все-таки?

— Хм-хм, — опять Лакомкина.

— Да я бы... — не оставлял попыток Селиванов.

— Ху-ху, — не понимала Лакомкина.

— Я могу... — расставил все точки над «i» мужчина.

— Хо-хо, — опять увильнула Лакомкина.

— Жаль! — Лев Андреевич не передать словами, как жалел о том, что все сорвалось и что он так неаккуратно себя обнаружил. Но слово — не воробей.

Какая бы глубокая ни была душевная рана, это все-таки не Марианская впадина. Раны со временем затягиваются, психические механизмы на редкость ловко устроены... Мужчина действительно довольно быстро оправился, к обеду того же дня он уже развеялся и даже шутил с коллегами. Теперь же непонятное состояние снова к нему вернулось.

Придя утром на службу, Лев Андреевич зарылся в работу,

получил задание от руководства. Это сыграло на руку: любой мало-мальски равнодушный к себе человек знает, что лучшее средство отвлечься от проблемы — переключиться... А лучший способ переключиться — уйти с головой в работу. Однако быть постоянно зарытым в дела служебные невозможно, время от времени Лев Андреевич выныривал и шел в кофе-зону взбодриться. В этой самой зоне редко случается, чтобы человек остался один, на кого-нибудь да нарвешься.

Подставив чашку под кофейную струю, Лев Андреевич ощутил рядом присутствие другого человека и понял, что на одной Лакомкиной свет клином не сошелся.

— Я бы... — проговорил, не узнавая свой голос, мужчина.

— Я бы тоже, — отозвался голос.

— Где бы... — разгоряченный первым успехом продолжил мужчина.

— В любом месте, где могут встретиться два сердца...

Лев Андреевич удивленно заморгал.

Пока мужчина моргал, раздалась следующая фраза:

— 3.50. Устроит?

Тут бы Льву Андреевичу поскорее принять условие, но черт знает почему он замешкался, сбило с толку его это «3.50». Что оно значило? Время? А может, тариф за услуги?

Голос истолковал это молчание превратно.

— Как хотите, я могу предложить Лодыжкину, он мне два дня прохода не дает.

Когда Лев Андреевич обернулся, никого рядом уже не было, в чашке оседала пенка кофе. Обидно было даже не от того, что так по-глупому опять все сорвалось, обидно было, что ему предпочли Лодыжкина. Лодыжкин в сравнении с ним был просто пингвин — нерасторопный, скучный, пугливый. В компании показать себя не умел, на мозговых штурмах идеи выдавал самые вялые и неперспективные. Никто в конторе не смог бы припомнить такого случая, чтобы Лодыжкин развернулся, метнул икру, побуянил... Смущало и то, что мужчина буквально всего боялся: вылетевшей из бутылки пробки, потому что она могла залепить ему в глаз или лоб; пролетающей мимо осы, потому что у него была аллергия; лифтов, лестниц, окон — потому что они могли ему нечаянно что-нибудь прищемить.

Очень даже понятно, почему Льву Андреевичу было обидно.

Но судьба не оставляет ищущих. В тот же вечер в раздевалке, у шкафа, в тот самый момент, когда Лев Андреевич собирался домой, рядом с ним выросла фигура. Фигура порылась в коллекции верхней одежды и наконец вытащила свое пальто и длинно глянула на Льва Андреевича. Селиванов, уже

наученный, тут же ухватился за новую возможность, не в его положении было пренебрегать.

— Позвольте? — Мужчина элегантно взял в руки чужое пальто и накинул его на роскошные плечи.

— Благодарю! — Роскошные плечи шелохнулись, руки стали шарить в лабиринтах рукавов и наконец попали туда, куда следует.

Лев Андреевич позволил себе расправить на чужом пальто воротник из искусственного опоссума и даже нечаянно его погладить. Все это было сделано с таким достоинством, так элегантно, что вряд ли можно было бы обвинить мужчину даже в навязчивости. Но, с другой стороны, намерения Льва Андреевича могли остаться неясными только совсем уж бесчувственному индюку.

Алексей Иванович, которому только что помогли надеть пальто, был мужчина понятливый, он тут же смекнул, куда клонит коллега, помог в свою очередь влезть в пальто уже Льву Андреевичу и даже застегнул на нем пуговицы. Однако, застегнув верхнюю пуговицу, тут же поскорее стал все расстегивать, Льву Андреевичу стало трудно дышать. За всеми этими застегиваниями-расстегиваниями мужчины нечаянно глянули друг на друга так, что у обоих внутри все аж затрусилось...

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы их не спугнула вошедшая в гардероб Лакомкина.

Мужчины отпрянули друг от друга, Алексей Иванович даже вспыхнул. Но как бы не вовремя ни появилась Лакомкина, между мужчинами уже успело что-то проскочить, они как будто даже о чем-то успели условиться, причем не сказав друг другу ни слова. Вполне возможно, учитывая возможности невербальной коммуникации: глаза в глаза, губы гузкой, наворачивание пряди на ухо... И это далеко не полный перечень возможностей.

Итак, негласный уговор между мужчинами, казалось бы, состоялся, но, как только он глянул на Лакомкину, предыдущее наваждение разбилось словно хрустальный шар. Во всяком случае, у Льва Андреевича. Он теперь не так восторженно смотрел на разгоряченного Алексея Ивановича, не видел ничего особенно трепетного в застегивании друг другу пуговиц, более того, ему казалось, что строить отношения с мужчиной — это все равно что выходить на улицу, надев на обе ноги левый ботинок — идти вроде можно, но не очень удобно. Неожиданно появившаяся и так же быстро исчезнувшая Лакомкина представилась ему теперь именно недостающим правым ботинком, а все произошедшее с Алексеем Ивановичем — недоразумением.

Лев Андреевич, не проронив ни слова, подхватил зонтик

и удалился из раздевалки, надеясь, что завязавшиеся с коллегой отношения как-нибудь сами рассосутся. Выйдя на улицу, он хотел было рвануть за женщиной, но ее будто корова слизала.

На улице накрапывал дождик. Лев Андреевич углубился в застегнутое Алексеем Ивановичем пальто, раскрыл зонтик и тихонечко побрел вдоль улицы. Все, что происходило с ним при появлении Лакомкиной, и особенно теперь, когда она исчезла, ни в какие ворота не лезло. Хотелось объять необъятное, парить, левитировать, на ум приходили фразы, сопряженные с этим процессом: окрылен, весь мир переверну, звезду с неба достану, раковину со дна морского на блюдечке с голубой каемочкой, втрескался по уши... О-БАЛ-ДЕЛ... И это далеко не все, что творилось в душе у Льва Андреевича.

Селиванов был взрослый мужчина и понимал, что весь этот дым и аллегория не имели ничего общего с устаканившейся практикой.

На практике все давно происходило по стандартной, обкатанной схеме, никаких там патриархальных «вась-вась», «нюх-нюх». Встречаются два одиночества, в сжатые сроки налаживается контакт, «псык-псык» в баночку — и дрожащая жидкость отсылается по известному адресу. В тот же день или днем позже — ответ, ресурсы, факторы, гены дают отмашку и — Йо-хо-хо!!! — можно создавать семью!

Льву Андреевичу же хотелось теперь совсем другого. Хотелось заботиться друг о друге. Читать мысли. Заглядывать в глаза. И даже хандрить, когда другого нет рядом.

Бог его знает, что с ним такое приключилось этой весной.

Может, так отразился на нем март, а может быть, имели место более глубокие процессы, и теперь, шлепая под дождем, мужчина думал уже не о том, как бы от всего этого избавиться, ведь даже в учебниках написано, что все это нецелесообразно, не нужно, неоправданно... а наоборот, он задумался о том, как бы сделать так, чтобы не растерять зародившееся в душе дребезжание и... что бы такое придумать, чтобы завибрировала и Лакомкина...

— А что если по старинке? — закрыл зонтик Лев Андреевич, дождик закончился. — Подкатить к ней с цветами, да такими, чтоб она обалдела, обложить со всех сторон подарками, и она уже пятнадцать раз на все согласится, а ты как будто не слышишь, вроде как глухой, и все продолжаешь её завоевывать, и все тебе мало! Хочешь ее еще раскоцегарить!! И вот в тот момент, когда, казалось бы, все должно свершиться и Лакомкина чуть не ставит ультиматум... Ты уезжаешь! На другой континент! Она бьется, ругается, но вскоре успокаивается и начинает ждать!

На самолетах она не летает — ее тошнит, на кораблях еще хуже, и только и остается ждать, когда обстоятельства вас снова соединят. Пока она тебя ждет она, конечно, ни на кого больше не смотрит. К ней за это время успевают подкатить и пронырливый Илья Аркадьевич с колечком, и надоедливый Максим Петрович с конфеткой, и даже Альберт Иосифович с мурлыкающими словами, а она все — «нет и нет»! Потому что верная! А ты сидишь на соседнем континенте и никому не говоришь, что обстоятельства уже давно разрешились и тебе можно возвращаться, и билет хоть на пароход, хоть на самолет, хоть на поезд на воздушной подушке — на что хочешь можно приобрести, но нет! тебе мало! тебе хочется еще хоть на чуточку оттянуть момент встречи. Хоть капельку помуржить некую особу, но больше всего хочется потомиться самому, и тогда ты выходишь на побережье в задумчивости...

Только старый, седой океан тебя и понимает. И ты ходишь, ходишь и ходишь по берегу, так что некоторые начинают беспокоиться, но тебе не до этих праздных зевак, ты знаешь, что там, за 3820 с лишком морских миль, на берегу Неаполитанского залива, тебя сидит и ждет русалка Лакомкина.

— Э-э-э-у-у-у!!! — Резкий, сердитый окрик отвлек Льва Андреевича от его фантазий.

Мужчина в недоумении глянул на выскочившего из подворотни кота, кот рванул вперед, впереди сплелись в душещипательный контур два ободренных хвоста.

С ближайшей помойки донеслись восторженные звуки серенады.

Прибавление в семействе

Ночь. Фонаря нет. Аптеки тоже. В квартире ему неоткуда встаться, он на улице, но для того, чтобы его увидеть, нужно подойти к окну. Нина приоткрыла один глаз, левый, голова ее утопала в подушке. Гена стоял посреди комнаты, его темный силуэт слабо вырисовывался на стене, женщине показалось, что он к ней приглядывается, и она, на всякий случай, зажмурилась и лежала некоторое время не шелохнувшись, только прислушиваясь к шорохам. Гена не шевелился тоже.

— Нин, Нина-а-а, — тихо протянул Гена. — Ты спишь? Спишь, Нин?

«Нет, ушла к партизанам». — Женщина сдержала смех. И смех и грех, а что она, собственно, должна делать в три часа ночи в собственной постели?

— Спит, — сам себе тихо сказал Гена и подошел к окну.

Нина по шагам догадалась, что муж стоит у окна и смотрит на улицу. Она распахнула глаза, дала им привыкнуть к темноте и стала рассматривать мужа. Внешне Гена сильно изменился, особенно его движения. Нина сказала бы, что из них ушла прыть, но, другой стороны, у кого она не уйдет, когда уже за шестой десяток. Некоторым, конечно, и в столь почтенном возрасте удается себя сохранить, но это смотря какой образ жизни вел человек до этого. У них с мужем последние тридцать лет год шел за три.

Гена постоял у окна, убедился, что фонарь на месте, и направился к двери, шел не на ощупь, а довольно уверенно, да и маршрут был привычный, по шагам выверенный. Мужчина еще не вышел из комнаты, а Нина уже точно знала, что произойдет дальше. Сейчас Гена неслышно пройдет в прихожую, подойдет к ее висящей на крюке сумке, осторожно ее снимет, пойдет с добычей на кухню, там сядет на табуретку, откроет сумку и вытащит кошелек. Нина зашевелила губами, подсчитывая примерную сумму, которую приготовила для мужа: тысячи полторы у нее было и она добавила еще три, так что улов у Гены за ночь будет приличный. Выгребет не всё до копейки, у любого Робин Гуда есть кодекс чести, одну бумажечку обязательно вернет обратно в кошелек. Маршрут из кухни в комнату пройдет быстрее, по дороге повесит сумку опять на крюк и вернется к ней под одеяло.

Все именно так и произошло. Шмыгнув под одеяло, Гена снова тихонечко спросил:

— Нин, спишь?

Нина и на этот раз не отозвалась, Гена заснул сном праведника.

Распластавшись, Нина тоже заснула и спала так же крепко, как ее муж. Снился ей Марк Данилыч. Доктор даже во сне был улыбчив, приятен, щеголеват и, как и наяву, щекотал всех подряд своим очарованием, искрометным юмором и красноречием. Женщина, заинтригованная такой выскакивающей через край харизмой, протянула руку, чтобы его пощупать, но Марк Данилыч не дался. Забываться не следует. Наяву доктор держал себя точно так же — как бы близко к себе ни подпускал, дистанцию держал. Нине как женщине, пусть и не очень молодой, это нравилось, таким в её понимании и должен быть настоящий мужчина и доктор.

Утро в семействе Труновых прошло приятно. Из ванны доносился веселый плеск воды. Басисто лилась песня. Гена брился. Готовил себя к встрече нового дня. Благодаря стараниям все того же Марка Данилыча подобная картина была давно не редкость.

«А что потом? — Нина все еще не покидала ложе. — А потом суп с котом! — одернула сама себя женщина. — Будто ни о чем хорошем подумать нельзя!» От мыслей ее отвлек вышедший из ванной благоухающий муж.

— Нин, а нам нужно что-нибудь подкупить?

— Ну, конечно! — оживилась Нина. Впереди были целых десять дней праздников.

— Ну так собирайся, что развалилась? — пропыхтел чуть смущенный Геннадий.

Нина, как молодка, выскочила из-под одеяла, нахачапурила чупчик, и Труновы отправились в поход. В супермаркете одна за другой появлялись в тележке банки, баночки, пакеты, коробочки. На четыре тысячи сильно не разгуляешься, но на несколько дней обеспечить себя продуктами можно. Гена расплатился, вложились тютелька в тютельку в добытую Геной ночью сумму. Сумки можно было довести до машины на тележке, но Гена будто нарочно обвешался ими со всех сторон и поплыл бонвиваном к машине.

Нина налегке засеменила рядом, краем глаза наблюдая за мужем. Ей показалось, что у Гены даже щеки надулись — так ему было приятно переть на себе продукты, за которые он сам только что расплатился. Вокруг в предпраздничной лихорадке сновали люди. Нина, глядя на толчею, почувствовала, как внутри потеплело — все женщины с мужьями и она со своим, тоже

готовятся к празднику. Ну как тут снова не вспомнить Марка Данилыча!

Доктора Нине порекомендовала одна знакомая, Нина как человек, чего только не перепробовавший, решила попробовать и новую методику. Подкупил Марк Данилыч и тем, что не обещал, как другие, золотые горы, за свои услуги брал сумму чисто символическую, по сути, оплатить нужно было только обследование. Для Труновых, давно живущих только на зарплату Нины, денежный вопрос был не пустячный. Приятно было и то, что доктор в них был так же заинтересован, как и они в нем. Они у него были кем-то вроде экспериментальных, доктору требовались добровольцы для обкатки новой методики.

На момент встречи с профессором Нина чего только не перепробовала: в клинику Гену на полгода сдавала, ампулу вшивала, организм какими только способами не прочищала, к бабке возила и даже по американскому методу по воскресеньям лечила. Хотя, честно говоря, в последний метод она не сильно верила, не по нутру это русскому человеку — выворачивать душу перед анонимными незнакомцами. Каждый подход давал результат, но, к сожалению, не устойчивый.

К Марку Данилычу Нина сначала наведлась сама. Доктор подробно спросил про родственников, наследственность оказалась отягощённая: у Гены пили все, непьющей оказалась только троюродная тетка по материнской линии, которая жила в Евпатории и с ними не зналась. Глянув на анализы, доктор объяснил, что хромал какой-то ген и была дефектная хромосома — Нина это и без доктора знала, столько лет бок о бок с мужем прожила. Но, оказывается, не в одних генах было дело. От внешних факторов тоже зависело многое, обстоятельства могут сложиться так, что хочешь — не хочешь, а рука сама потянется. У Нины поначалу это вызвало недоумение: Как же так, на некоторых людей порой такое горе сваливается, врагу не пожелаешь, но они же как-то держатся, не теряют достоинство, отчего же напасть эта привязалась к ее Гене?! С Геннадием ведь, тьфу-тьфу-тьфу, особых несчастий не приключалось. Кроме этого, конечно...

Доктор, не особенно вдаваясь в подробности, объяснил всё так: действительно, каждому может достаться пинок или оплеуха. И тут главное даже не событие как таковое, а реакция человека на это событие!

Один — встанет, отряхнется и дальше пойдет, а может, и сам ка-а-ак вмажет!!!

Другой — только плюнет и разотрет! И все ему индифферентно. Замечательно устойчивая психика!

А третий — плюнь, дунь на него, он так и останется сидеть на обочине, как цветок незабудка, потому что нежный...

Марк Данилыч затронул еще какие-то психические механизмы, наслоения, корреляции, все тот же нависший над каждым наследственный фактор, но Нина уже ухватила за услышанное и вывернула всё по-своему: Геннадий пьет, потому что совестливый, не может смириться с окружающей действительностью.

Выслушав высказанное умозаключение, доктор глянул на женщину не то что криво, а как-то с сожалением, как иногда смотрел на своих пациентов. Разубеждать женщину ни в чем не стал. Однако отметил, что плевок для Гены могла стать потеря работы и сейчас в нем нужно поддержать образ добытчика. Любыми способами.

Пришлось пойти на ухищрения. Первые транши Нина подкидывала Гене сама, тащила его в магазин, Генка, ничего не понимая, находил в кошельке деньги и, довольный, расплачивался. Со временем, войдя во вкус, Гена сам потихонечку стал тырить из Нининого кошелька. Нина как заново на белый свет народилась. Жить стало спокойнее, ни дебошей, ни скандалов, всё чинно-благородно. Денег не прибавилось, но и не убавилось. Гена еще ни разу не позволил себе оступиться... Все пускалось на хозяйство, и в хозяйстве было прибавление — муж!

Нина пыталась параллельно искать Гене работу, но времена, как назло, наступили кризисные, работодатели обнаглели, хотели всё, желательно за три копейки, и чтоб еще на дуде умели играть. У Гены подобной квалификации не было.

Время от времени Нина навещалась к Марку Данилычу, докладывалась о том, как у них идут дела. Остальных в свои семейные дела и методы женщина не посвящала, очень боясь сглазить.

Примечания

Мелон, мокко, капучино, бронза и бордо — цвета женских чулок.

See you tomorrow! (англ.) — До завтра!

Слова из песни «Птица счастья» Музыка: А. Пахмутова, Слова:
Н. Добронравов

Piese (*англ.*) — кусок, кусочек, штука — составная часть сборной картинки-пазла.

Little Sugar White (*англ.*) — примерный перевод — «Сахарная Крошка».

«Ах, черемуха белая, сколько бед ты наделала...» — строчка из песни М. Журавлевой.

Шерпы — народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии. (Источник — «Википедия»)

Шерпский язык (шерпа, также каргпо) — язык шерпов, один из сино-тибетских языков, распространён в Непале, а также в Индийском штате Сикким. (Источник — «Википедия»)

Самый сложный участок восхождения на Эверест — последние триста метров, прозванные восходителями на гору «самой длинной милей на Земле». (Источник — «Википедия»)

Зелёные ботинки — труп альпиниста в ярко-зелёных ботинках, который является широко известной отметкой высоты 8500 метров на северном склоне Эвереста. (Источник — «Википедия»)

Джомолунгма в переводе с тибетского означает «Божественная Мать жизненной энергии». (Источник — «Википедия»)

«Уро» и «про» — игра слов, имеется в виду английское выражение «pros and cons» — «за» и «против».

Памятник А. Чехову (работы скульптора
И. М. Рукавишникова) расположен на Красной площади
в Таганроге.

«И тут Остапа понесло!» — несколько видоизмененная народом цитата из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (в оригинале — «Остапа несло»).

«Ауфвидерзейн, майне кляйне!» (нем.) — «До свидания, моя малышка!»

«Футурити Ленд» — «futurity» (англ.) — «будущность»,
«будущее», «land» (англ.) — «земля».